

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ, ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОЛЯРНАЯ

ЗВЕЗДА

№10 2018

ISSN 0130-8173

№10 2018

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал.
Издается с 1956 года.

УЧРЕДИТЕЛЬ: Правительство РС(Я).

Главный редактор — В.С. ДОЛЛОНОВ

И.И. Иннокентьев, зам. главного редактора
Г. И. Попов, худож. редактор
И. Г. Попова, отв. секретарь
М.В. Никитина, редактор отдела публицистики

Редколлегия:
А.А. Борисова,
Л.И. Левин,
Н.А. Лугинов,
И.В. Мигалкин,
Ю.В. Спиридонов,
В.Н. Федоров,
А.Е. Шапошникова,
Р.Н. Юзмухаметов.

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ:
Автономное учреждение РС(Я)
«Сахапечать».
Генеральный директор — Ф. П. ПЕСТРЯКОВ.
тел.: 34-39-17 (приемная)
г. Якутск,
ул. Орджоникидзе, 31.

Формат 84x108 1/16, 96 с.
Объем 6 физ.п.л.
Тираж 800 экз.

Дата выхода в свет 29.10.2018 г.

Отпечатан с готовых
диапозитивов в ОАО
«Медиа-холдинг «Якутия».
г. Якутск, Вилюйский пер. 20.

Свидетельство о регистрации
ПИ №19-0486 от 10 марта 2004 г.
выдано Саха-Якутским территориальным
управлением Министерства РФ
по делам печати,
телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 677000,
г. Якутск,
ул. Орджоникидзе, 31.
Телефон: 42-21-96
E-mail: polarstarsakha@mail.ru
«Полярная звезда»

Мнение авторов публикуемых
материалов может
не совпадать с мнением редакции.

Цена свободная

ПРОЗА

Николай
СЕМЕНОВ

Долгожданные дни

Повесть

4

ФЕСТИВАЛИ, ФЕСТИВАЛИ...

Ольга ПАШКЕВИЧ

Литературный фестиваль-конкурс
«ПОЭЗИЯ РУССКОГО СЛОВА»

38

ВПЕРВЫЕ
В «ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДЕ»

Дана САРД

МАШЕНЬКА,
МАША, МАРИЯ
ИВАНОВНА

44

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ
ПРОЗА

Михаил ТИМОФЕЕВ,
народный поэт
Республики
Саха (Якутия)

ПЕРВЫЙ
СНАЙПЕР

48

ДЕБЮТ

Софья
ПРОКОПЬЕВА

УЗОРЫ
В ТЕТРАДКЕ

(рассказы)

72

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

Николай ГАБЫШЕВ,
г. Санкт-Петербург

«Положить душу
свою за имя
Христово, за веру
православную...»

(Династия якутских
священников рода Черных)

84

Николай СЕМЕНОВ

Долгожданные дни

Повесть

Николай Дмитриевич Семёнов родился 6 декабря 1954 года в Хорулинском наследии Нюрбинского района Якутской АССР. В 1972 году окончил Антоновскую среднюю школу. Служил в рядах Советской Армии. В 1980 году окончил историко-филологический факультет Якутского государственного университета им. М.К. Аммосова. Более десяти лет работал в органах внутренних дел Якутской АССР.

Член Союза журналистов России, член Союза писателей РС(Я).

Произведения Николая Семёнова печатались во многих республиканских газетах, журналах «Хотугу сулус» («Чолбон»).

Зарубка первая

Сверкающий диск золотого солнца, растапливая весенние заморозки, радует сердце. Зимний зернистый снег по утрам тает, становится водянистым. Дорога, по которой ездят машины, покрывается лужами и грязью.

Только в доме тишина. Будто разделяя тоску хозяйки, в наполненной застоём комнате, даже золотистый лучик не хочет радоваться и озорничать.

В передней комнате моложавая женщина, едва пересиливая нежелание, моет посуду. На её лице — печать грусти. В широких светлых глазах отражается беда и неизмеримая обида, которую ничем и никакой силой не утешить.

Лиза, стыдясь людей, в эти дни даже не выходит на улицу. С тех пор, как нагрязнула беда, кусок поперек горла встаёт, сон не идёт. Коллеги-учительницы, хотя не осуждают открыто, но, наверняка, всё знают и шушукаются между собой.

Говорят, плохая весть с причудами. Как ни старайся скрыть, она будто гул ветра, все равно доходит до ушей обывателя.

Есть, оказывается, страшная, незаживающая рана, которая постоянно грызет и кромсает сознание, это — груз безрадостных мыслей... Такие тревожное состояние медленно убивает все чувства, давит на сердце человека, мечешься и не находишь места. Что делать? Как спасти? Время от времени вспыхивает огонёк надежды: возможно, докажут его невиновность, и он возвратится домой. И все же, нет! Виновен он, виновен! Поэтому завели дело и так долго держат в каталжке...

Женщина в бессилии выронила из рук чашку, которую протирала. Не стала собирать осколки, зло бросила тряпку на стол, ничком упала на ди-

НИКОЛАЙ СЕМЕНОВ. ДОЛГОЖДАННЫЕ ДНИ.

ван. В ее голове стали возникать одни домыслы за другими. Зачем же он на эту поездку взял с собой ружье? Чёрт дёрнул, чтобы навлечь беду. И раньше он говорил, что в пути разные бывали случаи, разбойники и грабители попадались, но все равно всегда ездил без оружия.

Четыре дня назад напугал звонок из милиции. Вызвали в отделение. Тогда ей и в голову не пришло, что будет так горевать и плакать. Даже мысли не было, что муж, поехавший по делам, попадёт в какую-то передрагу. Откуда же её знать...

Долго и мучительно разгадывала, почему сказали: «Приходите, есть разговор». Как-то подумалось, что кто-то из ее учеников нарушил порядок. Такое вполне могло быть.

Сегодня в школе нарушение дисциплины со стороны ученика не новость, зло распространяется быстро, охватывает все больше ребят — кто-то курит, кто-то выпивает, а кто-то распускает руки. Даже девушки-старшеклассницы с переменными заходят на урок с крепким табачным запахом. У них нет понятия, что хотя бы во время учёбы, при старших, это не допустимо, как и желания держать себя в порядке.

В конце учебного года выпускник Егоров Миша даже убил человека. Сначала его спутники и собутыльники — Павлов с Васильевым — были заключены под стражу как виновные. По слухам, в тот вечер у покойника был рабочий день. Собрались в его кочегарке вчетвером, пьянствовали всю ночь. Никто толком не знает, отчего, по какой причине возник скандал, а потом было совершено убийство. Только под утро нашли всего окровавленного, с множеством ранений, уже давным-давно остывшего кочегара.

По мнению Халытар Анны, которая славится распространением сплетен и росказнями на грани правды и небылицы, те двое — ранее виновные, — опрокинув две бутылки водки, вышли во двор подышать свежим воздухом и облегчиться. Там, на улице, встретили знакомых девушек, которые возвращались домой с танцев, поговорили. Потом вызвались проводить их до дому. Когда выходили из помещения, Миша оставался разговаривать с Осипом и допивать третью бутылку.

Спустя довольно долгое время, полупьяные парни вернулись в кочегарку, чтобы допить остаток выпивки. Подходят — тьма непросветная, дверь закрыта изнутри на засов. «Что за муть, куда ушли?» — не мудрствуя, выбили засов, ввалились в кочегарку. Пошарив вдоль стены, включили свет. Ну, други, тут и беда. Перед печью в неестественной позе лежал кочегар Осип, лицо его утопло в глубокую лужу крови. Перевернули, ощупали, оказалось, что голова была чем-то пробита, сам же кочегар уже посинел...

Напуганные парни, едва выключив свет, выскочили наружу. Всю ночь искали Мишу, но не нашли. О трагедии никому не доложили.

Отчим этого убийцы — сотрудник милиции, работающий на довольно высокой должности. Если верить слухам, он говорил: «Пусть сам ответит за совершенное и содеянное, я не защищаю его». Если он так утверждает, то почему следствие путалось, почему целых два месяца другие люди лежали за решеткой? Наверное, так говорит для отвода глаз, как говорится, «для чужих ушей». Ведь парень-то, хотя и приёмный, но усыновлён от близких родственников. Воспитали его с самого младенчества. А может быть, те парни не признавали вину, перекладывая друг на друга...

Что ни говори, не все, как этот сотрудник, стараются быть честными и справедливыми. Некоторые родители пылко обижаются, когда что-нибудь говоришь об их чадах, даже желая добра. Неужели мой ребёнок такой?! Резко говорят, что такого никак так не может быть! На самом деле в маленьком посёлке всем известно, какой подросток чем дышит... Неужели родитель не ведаёт хорошие и плохие стороны своего чада? Если не видел своими глазами, то хотя бы должен чувствовать сердцем.

И в прошлом в бывали убийства, грабежи, воровство, мерзкие поступки — жизнь без зла не обходится. Как сейчас понимаешь, они, в основном, возникали в результате пьянства. А ныне очернение другого человека, задиранье к прохожим, грабежи и убийства распространены как никогда широко и не укладываются в голове, не вписываются в рамки морали. Везде так. Хотя в

центре, хоть на глубинке — всюду одна и та же картина.

На самом деле, человеческое зло, бедствия жизни рождаются из соперничества за власть и славу, богатство и деньги. Иногда, кажется, что, кто более изощрен в обмане, кто преуспел в мошенничестве, тот добивается «успеха» в сегодняшней жизни. Только и слышишь, как чиновник, опозоривший свое имя, «прополосканный» в газете или телевидении, назавтра возносится на более высокую должность. Даже не удивляешься этой новости, как будто так и должно быть. Про себя думаешь: «Жизнь современная такая»... Наблюдая такое, молодёжь воспринимает, как школу жизни, некий закон. Дурная волна жизни пагубно действует на окрепшие умы подрастающих детей.

— Айыы-айа, — воскликнула Лиза и охватила голову. Начали пульсировать виски, заболела голова. Дрожь пробежала по всему телу. Женщина стала зябнуть, затем мёрзнуть. Еле встала, достала из аптечки лекарство, выпила. Принесла подушку и одеяло, укрывшись, легла на кровать.

Третьего дня после работы она пришла к серому, с железными решётками, двухэтажному зданию милиции, стоявшему над рекой. Там нашла и встретила с сотрудником, который вызвал её. От вопроса, среднего возраста человека — капитана с ледяным взором и суровым лицом — по всей видимости, не допускающего возражений, оторопела. Вопрос прозвучал как выстрел в сердце:

— Омук Гаврил Прокопьевич ваш муж?

— О... Он, он мой муж... Что происходит? — заикаясь, выдавила из себя, ошарашенная неожиданностью вопроса.

— Кстати, как Ваше имя-отчество? Э-э, да, Елизавета Николаевна. Плохи ваши дела... Муж Ваш в пути из ружья ранил человека. Предполагается, что во время ночёвки на стоянке возле Якутска, по приезде той ночью из Беркакита, у них пытались украсть или отобрать груз. Ваш муж находится под арестом в Якутске. Подробности не известны...

После такого разговора, едва втиснувшись в перегруженный автобус, приехала домой. Два

пьяницы, прозванные в народе Соппой и Холлой, не имея ни копейки, хотели бесплатно доехать до дому. Они устроили словесную перепалку с кондуктором Настей.

— Не можете оплатить проезд — сейчас же выходите! Пока остановка, выметайтесь, говорю! — сердилась худенькая, маленькая кондукторша. — Каждый день одно и то же повторяется, что за безобразие! За всё надо платить!

— Сестра, сестра, погоди-ка... Завтра оплатим, ладно? — согнувшись в три погибели, смотря в пол автобуса, умоляюще просил дородный и грузный Соппой.

— Нет! Каждый день одно и то же повторяется. Выходите. Сколько можно кланчить? Гриша, останови!

С большим трудом, криком-матом, наконец, удалось выдворить пьяных людей. Автобус продолжил движение.

Не зря говорят про водку, что червивая, заразная. Алкоголика никакое лекарство не может вылечить. Никто никогда не слышал, чтобы кому-нибудь когда-нибудь какое-то лекарство помогло. Только очень волевые люди бросают пить. А вот Холлой и Соппой такими качествами не обладали, давным-давно забыли, что такое работа. Ежедневно ранним утром как на работу приезжают в Нюрбу. В грязной одежде, с опухшим лицом, распространяя жуткое амбре, ошиваются весь день с такими же алкоголиками как сами — иногда, у магазинов, иногда у рынка. Как дело коснётся выпивки, так появляется у них усердие. У всех подряд, без разбора, просят милостыню, собирая в тысячу-другую рублей.

Удивляешься, как у них язык не отсыхает. Изредка продают разное барахло. На выпивку деньги быстро находят. Бывает же по три-четыре месяца, когда задерживают зарплату, чтобы купить булку хлеба, ищешь мелочь и не находишь... Те, кто занимается сельским хозяйством, годами не видят заработную плату. Когда-нибудь, раз в год, за счет аванса им подбрасывают мяса, масла. Если бы у сельчан не было своей живности, вообще могли сгнить.

Вот так, в тесном автобусе среди шума-гама, уставшая, угнетённая тяжёлыми мыслями, Лиза,

наконец, нашла свой дом. В полной прострации, находясь в состоянии сомнамбулы, сварила ужин, накормила дочку. После чего, готовясь к завтрашнему уроку, проверила тетради, почитала книги.

Как только заснула Туйаара, позвонила родным и рассказала что случилось. На что те сказали: «Завтра соберёмся, будем думать, что можно сделать», — на этом разговор закончился.

Отец с матерью оседлые, никогда не уезжавшие из родных мест, учителя. Работали всю жизнь в одной школе. Отец, Николай Григорьевич, был учителем якутского языка. Ныне болеет, сидит дома. Ухаживает за внуками, следит за домом, весь день в хлопотах, нет у него покоя.

Мать, Людмила Нестеровна, моложе мужа на шесть лет. До сих пор работает. Несмотря на возраст, следит за собой, поэтому сохранила остатки привлекательности. Наверняка отразилась смесь русской и якутской кровей. Прадед матери, Игнат, был, говорят, обосновавшимся в Верхневиллюйске русским человек. Держал ям с десятком лошадей. От двух якутских жен родились четверо детей. Из них образовалась родословная, потянулась многочисленная ветвь Поскачиных.

Родители оба, как на подбор, спокойного, уравновешенного нрава, здесь в поселке известны как положительная, дружная семья. Нет у них никакого греха, соседи даже взаимного ворчания друг на друга не замечали. Старики, у которых девять внуков, до сих пор друг друга зовут детскими именами — «Коля, Люда».

Отца, как гласит пословица: «На старости лет стал прыгуном», перед завершением трудовой деятельности на три года назначили директором школы. Дома отец иногда говорил: «Работы много, а грудь чиста», — намекая на отсутствие наград. Да, правду он изрекает, больших наград, высоких званий у него нет. Действительно, на всём протяжении работы — легко сказать — в течение тридцати трёх лет он обучил и воспитал множество детей... Как он сам подсчитал, только на уровне республики и улуса на различных руководящих должностях работают около десяти его учеников. Некоторые из них, когда приезжают, хотя и редко, но встречаются, разговаривают.

Таких, как он, забытых учителей можно найти в каждой школе. На самом деле вовремя сказанное теплое слово, оказанная добрая помощь человеку труда очень необходимо. Особенно стареющим людям.

Отец до прошлого года постоянно находился в гуще событий, но вдруг резко ослабел, хотя никаких симптомов болезни не была заметно. Всегда худощавый, костлявый, вдруг еще больше похудел, совсем высох.

«Коля, ты в последнее время слишком уж стал плох. Совсем перестал кушать. Надо бы хорошенько обследоваться, лечиться», — мать, не дав опомниться, отправила его в поликлинику на осмотр. «Когда кушаю, будто бы горло болит. Неужели грозит гадкая болезнь», — отец выражал испуг и опасение. Здешние врачи, не сумев выяснить диагноза болезни, дали направление в город. Там, в Медицинском центре, наконец, прошел хороший медосмотр, был поставлен диагноз о том, что сердце ослабло, особенно венозные сосуды. Хотели оперировать, но он отказался. «Сколько дала природа, столько и буду жить», — так объяснял он свой отказ. «Когда на дворе станет теплее, буду бегать-прыгать, закалюсь физическим трудом, надеюсь — поправлюсь», — успокаивал себя. Он, бывший спортсмен, верил в силу тренировочных упражнений. Действительно, прошлым летом он бегал по утрам, помогал сыну косить траву и заготавливать сено. Нынче он, будто бы восстановился, выглядит молодцом.

Детей у Людмилы и Николая четверо. Три мальчика и одна девочка — Лиза. Как будто соответствуют русской поговорке «Один сын — не сын, два сына — полсына, три сына — сын!». Парни все сейчас семейные. Старший брат Георгий женат на городской, обосновался там давным-давно. Остальные все друг за дружкой женились, обустроились возле родителей и живут здесь. Каждый поддерживает близких, гостят друг у друга, помогают, чем надо. Братья Артур и Гриша, родившиеся после Лизы через два года, сейчас стали хозяевами самостоятельных семей с двумя-тремя, почти одного возраста, детьми. У бабушки с дедушкой от маленьких внучат как будто Солнце и Луна восходят. Что плохо — пар-

ни остались без дальнейшего образования. На самом деле все были способными в учебе. Всех четверых воспитала и на ноги поднимала бабушка — мать матери. Откуда могло быть у родителей, двух учителей, свободное время? За весь день редко показывались дома, и то была радость. Днём едва отобедав, опять исчезали в школе, возвращались поздно вечером. Мать в те времена заочно училась в Иркутском институте иностранных языков.

Жилеты, рукавицы, шапки, сшитые бабушкой Мотурууной, у детей всегда были нарасхват. «А мне почему не сшила? Где моя шапка?» — в тогдашние дни таких претензий, слёз ревности было много. Сейчас понимаешь, какие вкусные, сдобные пирожки, оладьи, лепёшки, тогда стряпала она. В молоке сбивала муку, смешивала и варила саламат, невозможно забыть его аромат и вкус...

Как стряпуха и швея, не имела равных, никогда не сидела, сложа руки — вот такой крепенькой, работающей старушкой она была. У далеких и близких соседей прославилась как словоохотливая собеседница, народный лекарь, знахарка. К ней постоянно приходили соседские женщины, старики и старушки из глубин, все они хотели слушать ее бесконечные интересные рассказы, да и не прочь были пополнить свой запас лекарственных трав, изготовленных бабушкой. Кто приезжал издалека, тот ночевал у них дома. Недаром ее прозвали «Рассказчица Мотурууна» и «Бабушка-лекарь».

В погожие дни вместе с зятем отправлялись собирать лекарственные травы и обдирать берёсту. Берёсту закручивали в рулон, собранную траву складывали в сумку, и когда приезжали домой, коляска мотоцикла была полна трофеями. Быстренько хлебнув чая, бабушка, не откладывая в долгий ящик, перебирала привезенную траву, вешала в тени, чтобы они равномерно высушались. Внучка, которая как хвост следовала за бабушкой, любила слушать ее долгие и увлекательные рассказы.

— Это волчья трава, растет на возвышенной местности. У нее есть самец и самка. Посмотри-ка на самца — у него желто-красные цветы, сте-

бель высокий. А вот у самки стебель короткий, у нее приземистая листва, называется белотал. И эта трава — самец для женщин, а самка для мужчин становится лекарством, — перебирая пучки трав бабушка тихо и медленно, как равный равной, рассказывает девочке.

— Бабушка, бабушка... А это что за трава? — Лиза указывает на травинку с желтым круглым цветком.

— Детка, эту траву не трогай. Положи обратно в кучу. Это — медная головка, иногда называют пуговка-трава. Растет в поле. Тоже имеет самца и самку. У самца круглячок вогнутый, а у самки впалый. Вот, видишь? Волчья трава полезна в лечении болезней печени, почки, желудка, кишечника, а медная головка применяется, когда болят внутренние органы и печень. Когда у человека переполняется желчь, травка может нормализовать работу желудка.

— Тогда все эти травы лекарственные?

— Все, конечно, детка моя. Лекарство находится в травах и деревьях, птицах и животных. Если правильно применять, то все дары природы отдадут свои лекарственные свойства. Когда у тебя заболел живот, чем я вылечила, помнишь?

— Э-э, давала крошки засохшего теста...

— Не говори непотребное, хотуой¹! То была засохшая внутренняя кожица желудка утки. Когда кушаешь утку, куропатку, тетерева, перепелку, домашнюю птицу — курицу, надо разрезать желудок, где остаются мелкие камни, надо очистить. Осторожненько следует удалить тонкую внутреннюю пленку желудка. Ее промываешь в чистой воде и просушиваешь как лапшу. Любую хворь живота тут же вылечивает. Берешь небольшую порцию, с хрустом и треском жуешь, глотаешь, и сразу же можно кушать. Еще не надо опасаться, что обмочишься или обкакаешься. Моча летяги тоже имеет лекарственные свойства. Зимой она, сидя на рогатке дерева, имеет привычку описываться в одно и то же место. Вот ее-то в мерзлом виде откалываешь с земли, разогреваешь. Страдающему болью желудка, нужно давать по одной чайной ложке в день два раза.

¹ Хотуой — обращение старших по возрасту к девочкам и молодым женщинам.

— Бабушка, всё это ты откуда знаешь? Изучала да?

— Ой, ой, не смейся... Откуда твоя бабушка будет образованной? По-старинному только три класса образования имену. Радуюсь, что хоть читаю и пишу, — ухмыляется старушка. Глаза, скрытые под темными толстыми веками, строгое лицо, блестящее как гладкое дерево, странно засияли. — Всему научили жизнь и необходимость существования. Мой отец Гаврил, следуя по стопам деда, зимой в Верхневилуйске содержал ям. Но я всё же не помню время бандитизма, как люди, разделяясь на «красных» и «белых», сражались между собой. Только отрывочно помню, как говорили, что на землице Намцев в Никольском, Киллэме, Амгинской Слободе шли крупные сражения, как в Вилуйске объявили «военное положение», что «в Нюрбе четыре дня шла перестрелка». В те времена совсем маленькой была. В ямской станции проезжало, переночевало множество людей, не без этого. Ведь это место где собирались, кучковались путешественники, грузоперевозчики, просто проезжающие люди. Тогда не знали, кто есть кто, наверняка побывали, туда-сюда сновали и те, кто себя называл «белым» или «красным»... Сейчас только соображаешь, что те и другие насильно отбирая ямщицких лошадей моего отца, обрекали его на нищету и страдания. Я очень ждала приезда людей, мне нравилось крутиться возле них, слушать их затейливые рассказы, приключения. Но, как и все дети, после веселых подвижных игр, утром спронеся, многое забывала. Потом только, по исполнению десяти лет, выработалась привычка держать в голове, кто приезжал, о чем говорили. Часто уезжали погостить к народному целителю Никону, который проживал в Боотулуу — тогда о нем отзывались как о шамане. Он ростом был ниже среднего, имел бровастый морщинистый лоб, глаза были широкими, взгляд был пронзительно острым. Ходил очень легко, будто по пуху.

— Ты ранее рассказывала о шамане Элэмэсе. У Никона тоже были буубен и шаманская одежда? — девочка нечаянно задевает ладонью шмеля, севшего на её колено. — Больно-о!

— Буубен говори, а не буубен. Эти твои шама-

ны одежду свою надевали, когда камлали или лечили. Никогда не слышала, что Никон камлал, шаманил. Не видела у него ни бубна, ни ударника, ни шаманской одежды с побрякушками, совсем не помню — были ли у него такие атрибуты. Он был великим лекарем-чародеем. Говорили, что он заранее знал, что к нему едет человек, сильно заболевший, страдающий от недуга рака, поэтому ждал его наготове.

Перед самой войной я вышла замуж за твоего деда Нестора и невесткой переехала сюда в Ёдэй. Везде свирепствовала засуха, трава не вырастала, поэтому в одно лето нас отправили на сенокос к устью дальней речки, что в тридцати верстах отсюда. До поздней осени работали. Мужчины изо всех сил косили осоку, хвощ, кочкарник, которые прорастали вдоль заросшей зеленым речки. Мы, три молодые женщины, сразу же вилами выносили скошенное сено на сухое место и развеивали сушиться.

Всё было — осеннее ненастье, дожди, холод страшный. Сапог, как сегодня, у нас не было. Босиком шлепали по холодной воде. Из-за этого я простудилась, заболела, не могла встать на ноги. Бедные коленки мои сильно распухли и ныли. По ночам кости стало ломить, совсем перестала спать, глаз не смыкала. Мазали внутренним жиром утки, грели горячей золой, но было бесполезно. Поэтому Нестор мой запряг бычьи сани и отвез меня обратно домой. Говорят, что и в плохом есть хорошее. Так вот, к нам отец мой в гости приехал, оказывается, чтобы узнать, как мы живём.

Услышав, что я заболела, он верхом на лошади привёз Никона. Тот со словами: «Назревает костная болезнь, хорошо хоть только начало. Будем лечить, всё будет хорошо», — обследовал ноги, обрадовал меня. Несколько дней лечил, живя у нас с ночевкой. Протирал мои ступни и суставы ног вязкой мазью, приготовленной из цветков подснежника. Поил древесной жидкостью, которая во время сбора становится липкой смолой. Он ее выскабливал со ствола, разводил горячей водой и давал мне выпить. Между этими процедурами рассказывал о травах, листьях, цветках, корнях из которых изготавливают лекар-

ство. Через некоторое время нарывы и опухоли на колени исчезли, я стала ходить. Будто из глаза вытащили соринку, мне стало легко, вскоре стала ходить на работу.

«Летом собирай листву берёзы, ноги засунь в кучу и сиди пока терпится», — дал совет Никон и уехал к себе домой.

С тех пор я, как сама понимала и по советам стариков, охотников начала целенаправленно собирать лекарственные травы, корни и цветы. Постоянно применять больничное лекарство, пить его не очень хорошо. Хотя и помогает, но покалечить тоже может. Давай, детка, зайдем в дом. Уже вечереет. Надо бы приготовить ужин, — бабушка отряхнула пыльцу цветов и трав, прилипших на подол халата.

Нынче летом исполняется четыре года, как умерла бабушка. Даже после восьмидесяти лет она не жаловалась на болезни, никогда не говорила, что где-то что-то болит. У нее было желание: «Хорошо бы умереть вот так на ногах, двигаясь и трудясь, это было бы счастье». И это исполнилось. Летом, перед самым сенокосом, в одно прекрасное утро за завтраком пожаловалась: «Что-то голова кружится, погодите, посижу на крылечке», — и вышла во двор. Оставшиеся в комнате домочадцы подумали, что она скоро пойдет и допьет свой чай. Не зашла, соседка нашла ее сидящей, согнувшись на скамейке — так сидя и умерла. Старушка будто предвидела свою смерть. Оказалось, что одежду, которую должны были надеть после смерти, она выстирала, выгладила и аккуратно положила под подушку, в деревянный ларец положила всё необходимое — от бархата до полотна. Была бы жива, мудрая бабушка лежала бы на кровати и нужные советы давала.

— Лиисээ! Ты дома? — с террасы послышался писклявый голос. Оказывается, пришла соседка Нэлээс, известная своим выдающимся подбородком.

Лиза вскочила с кровати, поправила распущенные волосы. Хорошо, что прошла головная боль. Прокручивая разные события, отвлекшись, не расслышала, как открылась тяжёлая дверь.

— Не заметив дыма из тлубы, долго сидела

сналужи. Соль закончилась, — низенькая, смуглая, довольно пожилая женщина с размаху опустилась на табурет, поданный Лизой из-под стола, стала теревить потрепанное плюшевое пальто.

— На улице тепло же, поэтому утром не затопила. Как дела, Шура, какие новости? Рассказывай.

— Да, да, ласскажу. Было бы влемя, многое могла бы лассказать. Соль закончилась, поэтому сходила в магазин. На двели навстлечу выходили сачайенные женщины. «Шуула», — говорят. «Меня что ли зовете?», — сплашиваю. «Тебя», — говорит, котоя молодая. Наплашиваются: «Пойдем с тобой, будем чай пить». Я подумала, что они из Малхи. В магазине соли, оказалось, нету, поэтому купив хлеба, слазу пошла домой. Женщины следом плишли ко мне. Но я чаем не угостила, оладьев не подала. Плождав некто-ло влемя, все-таки ушли...

От нелепого рассказа Нэлээси Лизе стало смешно, на душе стало тепло. Удержав невольную улыбку, пряча лицо, уткнулась взором в пол. «Что за выражение «сачайенные», неужели женщины с утра были выпившие?»

Всегда, когда Нэлээс в лицах, с мимикой, подражая объектам рассказа, начинает рассказывать, люди, держась за животы, хохотали без удержу. А старушка Нэлээс на юмор и веселье, на реплики слушателей не обращала внимания, как будто ничего не бывало, медленно, с толком и расстановкой продолжала свой рассказ. В азарте рассказа забывала про неправильное проговаривание некоторых слов. В поселке она считалась «нехваткой», полоумной. Во времена, когда одежда, промтовары были в дефиците, история, как Нэлээс пыталась купить кофту, тоже стала отдельным смешным рассказом устного народного творчества. Да и сама женщина повествовала так:

— Однажды, девочки, плишла на почту. Пли-везли много товала. Людей было много, куда денутся, все сюда плишли. Почтовые лаботники без пеледышки заполняют бумаги, считают деньги. Лаботают да лаботают. Говолю: «Эту класную кофту хотела бы купить». «Тебе будет мала, она

детская», — говорят. «Хочу примелить», — а мне не дают. Вот так пренебрегают человеком. Что поделаешь-то? Несколько лаз поплосила плимерить, потом ушла. Дула-женщина не знает, что я одеваю одежду маленького лазмела. Пусть живет одиноко, кто ее замуж такую возьмет?!

— А женщин-то, почему не накормила? Не знакомки что ли?

— Э-э, знаю, знаю. Сталшая по-моему дочь Тойооса из Малхи. А женщина моложе всю дорогу меня длазнила, обзывала Нэйээсей. Обиделась я на это, вот почему за стол не посадила.

— Тетя Шура, послушай! Наш знакомый геолог рассказал, что здесь в Нюрбе на Накыне нашли алмазную трубку.

— Алмаз да? Тот алмаз пригодился ли нам? В Милном добывают уже четвельть века, но что-то не видно как лазвивается наш лайон. В этой олганизации сын плолаботал пятнадцать лет, а квалтилу-дом до сих пол не дают. Если бы была отдельная квалтила, может, он женился бы, блосил пить, — рассказ, развалившейся на табуретке Нэлээсэ, принимал новый оборот.

— Ты что, так не говори. Век изменился, для саха наступает новое, неизведанное ранее развитие. Мы же стали получать от богатства своей земли. Имеем свой суверенитет, свой президент есть.

— О чем говоришь, дева, что субай есть?

— Оо, бабушка, не говорю субай, а сказала, что есть суверенитет, которой мы сами себя определяем.

— Не понимаю о чем лечь. Этого я не знаю. Лишь помню, как муж покойник, когда охотился, говолил: «Полезное ископаемое якуту не плигодится, нам не помогает. Исполтили всю почву, воду, лес, плилоду. Лыбы мало стало, нет и холошей охоты».

— Ну, ладно, Шура. Не получится у нас нормальной беседы. Послушай-ка! Завтра уезжаю в город. Ты же близко от меня живешь. Изредка, хотя бы, пожалуйста, присмотри снаружи за моим домом, ладно? Вдруг ребятишки разобьют окна.

— Э-э, плослежу, конечно. Долго там будешь? А печку-то кто затопит?

— Погода же хорошая. К обеду отец придёт, он и затопит. А я от силы пять-шесть дней буду, — осторожничая, опасаясь расспросов, почему уезжает, зачем понадобилось в город, Лиза вышла на террасу, насыпала в кружку старушки соли.

К счастью, женщина долго не стала просиживаться. Поговорив на отвлеченные темы, забрав соль, вышла на улицу.

Если сказать, этой бабке, что муж сидит в заключении, поселок будет стоять на ушах. Недаром называют её Нэлээсей за открытый рот и распространение сплетен знакомым и незнакомым людям.

В доме и правда стало прохладно, так что придется печку все-таки затопить.

Зарубка вторая

Постороннему взгляду Николай Григорьевич представляется, возможно, так: он — человек не занятой, не имеющий живности, ведущий праздный образ жизни, расхаживающий, заложив руки за спину. С тех пор, как заболел, он ушёл с работы и живёт на пенсии. Дети уже выросли, стали семейными, работают. Сыновья один за другим женились, дочь Лиза вышла замуж. Когда живешь спокойно, тихо-мирно, не болеешь, здоров, дни проходят стремительно и незаметно. Дети, совсем недавно ходившие сопливыми, с заплаканными глазёнками в поисках чего-нибудь, теперь уже сами стали отцами и матерью. Воспитавшим, поставившим на ноги родителям подарили девять внуков, которые стали для них средоточием жизни. На этих ребятишек, когда они с криками «деда-а», «ба-бушка-а» прытко бегают, ловко прыгают, зависают на чем-нибудь, аж, смотреть приятно...

При благополучных обстоятельствах молодые, может быть, родят еще много детей. Только бы жизнь наладилась. Тогда они, работающие, как требует нынешнее время, зажили бы в достатке. А где всё это? Младшие сыновья Артур и Гриша, считаются, что работают в денежном предприятии — электростанции, но зарплату не получают

по шесть-семь месяцев. За счет зарплаты в магазине выписывают продукты питания и хлеб — благодеяние, так сказать. Да, печальная жизнь! Когда же найдёт она свою борозду и всё войдёт в колею? Хорошо, что пенсии стариков, хоть и запаздывают, но ежемесячно приходят. Что поде-лаешь — с этой мизерной пенсии, помогая детям и внукам, отдаешь какую-то долю. Жизнь сельчан везде схожа, всюду такая же картина.

Раньше старики говорили: «На склоне лет мы будем жить на попечении своих детей, наконец-то испытаем заботу и ласку». Но нет, наоборот, старики нынче сами присматривают за детьми и внуками, помогают им. В теперешней жизни ветераны стали востребованными, желанными людьми.

Если бы «не заболел», Николай мог бы помогать детям, внукам, стал бы для них опорой. На самом деле, он в Якутске месяцами лежал в больнице, лечился, затем, приехав на родину, долгое время «бюллетенил» и в последующем уволился с работы. Неужели для здорового мужчины шестьдесят один год — это возраст? Как с юмором говорит старик Солуой, это возраст «совсем ещё юнца».

Сначала, когда кушал, при глотании пищи, как будто возникал спазм горла, внутри груди жгло, останавливалось дыхание. Сильно был напуган, тем, что заставляли глотать длинную полую резину. «Неужели у меня рак желудка», — думал он, очень переживал, даже сник. Но когда определили действительный диагноз, когда сказали «от этой болезни человек не умирает, пройдёт», Николай воспрянул духом, был сильно обрадован, что нет худой хвори.

Приехав домой, стал лечиться травами, отваром разных кореньев, веток, растительностей, цветков. При этом руководствовался секретами лечения, о которых сам вычитывал из разных источников. В любую погоду, независимо от того, холодно ли, жарко ли, каждое утро в парке бегал трусцой. С тех пор будто бы полегчало, организм восстановился, заработал, как прежде. Постепенно стал нормально кушать. Летом, помогая сыну Грише в сенокосе, закалился, выздоровел. Нынче совсем забыл, что такое болезнь, стало

легко, будто вынули соринку из глаза. Он сам понимает и убежден, что бег, физический труд, упражнения и тренировки приравняются ска-зочной живой воде. А вот некоторые люди, игно-рируя физическое движение, как только появля-ется свободное время, проводят его на диване или сидя на стуле.

И раньше, когда был маленьким и учился в школе, Николай всю дорогу болел, имел слабые легкие. Для человека, у которого детство шагало ровень с лихими годинами, для военного сироты, иначе быть не могло — какое доброе здоро-вье могло быть?!

Так, малохольный и обделённый родитель-ским вниманием мальчик поочередно воспитывался в детских домах Арангастааха, Тойбохой, в интернате Нюрбы, несколько летних каникул провел в санатории «Берёзовая роща», что на том берегу реки.

Родителей он не помнит. Отца, Григория, обвинив в неуплате «мясного налога», заточили в Вилуйскую тюрьму, оттуда он не вернулся, без вести пропал. В те голодные, трудные времена мать, Ульяна, на второй год войны ухаживала за скотом на дальнем участке. Они все — три стар-ших брата, мать — умерли от голода. Уму не по-стижимо — как, присматривая за сотней коров и телят, можно исхудать до костей, работать до изнеможения, до той степени, что нельзя было встать, поднять голову... и сгинуть голодной смертью!

Представить трудно, какие страшные мыс-ли роились в сознании умирающей матери, на глазах которой умерли три её золотых птенца. Кто подтвердит, как выло её сердце, как трево-жилась её душа? Кто скажет, о чём она думала перед смертью о своей нерадостной жизни, как долго лежала в предсмертных мучениях, как остановилось дыхание её? Кто знает об этом?

Не знающие воровства, честные и просто-душные сельчане так и отошли бесследно в мир иной. Они, приученные уважать закон, всё вре-мя находившиеся в состоянии страха, не забили хотя бы маленького неучтённого телёночка, что-бы хоть чуточку продлить свои жизни.

Тогдашние уполномоченные, председатели и

НИКОЛАЙ СЕМЕНОВ. ДОЛГОЖДАННЫЕ ДНИ.

бригадиры колхозов, в большинстве своем, оканчивается, были безжалостными людьми, имевшими ледяные сердца. Николай в детстве много раз слышал, как они орал: «Почему должны давать муку лентяям, бесполезным людям? Не работают, значит, пусть умирают с голоду!» А сами, как известно, всю войну вкушали жирное мясо да оладьи с маслом.

Теперь, когда всё это переосмысливаешь, волосы встают дыбом, сердце начинает так биться, будто хочет вырваться из груди. Хоть и давно это произошло, всё равно было страшными, мучительными событиями.

Студёное дыхание прошедшей лихой войны оставило свой след в судьбе немногочисленного якутского народа, покромсало его будущее, превратилось в века незаживающую рану.

Даже в те трудные времена, в тех местах, где были мудрые, широко и глубоко размышляющие руководители, колхозники были защищенными, не так сильно пострадали как у нас. Там, где сажали огород, где хорошо рос урожай зерна, где травостой был соответствующий, люди жили лучше, они могли получать мизерный, но доход. И тогда, и сейчас жизнь людей зависит от того, каково начальство, кто руководит и верховодит. Вот почему народ, присоединяясь рассказам старцев и пожилых людей, с благодарностью упоминает имена Длинного Дьюоны, Хорула Отчутава, старика Екена, Сюля Биликова.

К счастью, чтобы он, Коля, не сгинул, стал человеком, «нашли» его на ферме, привезли в деревню. Обходя малочисленную родню, прося милостыню, питаясь тем, что подавали, прожил до конца войны.

Действительно, это была родовая ветвь, которая широко не разрасталась, а в годы разрухи, болезней и лишений вовсе осталась малочисленной. Утверждая, что он вшивый, чесоточный, в интернат не приняли. Только спустя год стал интернатчиком, так что в школу пошел, когда ему было больше девяти лет.

По мере взросления и физического возмужания стал целенаправленно, с упорством заниматься спортом. Своей настойчивостью добился третьего разряда по национальным прыжкам,

стал второразрядником по теннису. Удивляло взрослое мышление подростка: «Из родных я один единственный остался, я должен жить и учиться, чтобы продолжить род».

Школу окончил довольно успешно. Но, все же не имея родственников, которые могли бы стать опорой и оказать помощь, он не смог учиться дальше. Какая досада! Пришлось трудиться. В первое время работал ночным охранником в родном интернате, затем три года в промкомбинате работал лесорубом.

На самом деле у него был дядя, который накануне войны, уехал на заработки в Сангар. По слухам, когда он после войны приезжал в родные места, будто бы спрашивал о нем.

В это время Николая, как «лучшего работника, спортсмена, инициативного комсомольца» пытались принять в партию. Но по глупости, сомневаясь, что это ему нужно, отказался. Возможно, если был бы партийным, сейчас был бы в каком-либо учреждении тойоном, работал бы в свое удовольствие.

Накопив небольшую сумму, справив себе кое-какую одежду, приготовился поступать на учёбу. Написал заявление на двухмесячные тренерские курсы, что в Ленинграде, оттуда пришёл ответ: «В текущем учебном году набора нет».

Решив, что хоть родной язык-то осилит без особого усилия, прибыл в Якутск, сдал экзамены и поступил на отделение якутского языка университета. В летние каникулы в речном порту халтурил грузчиком. На заработанные деньги покупал зимнюю одежду, на остатки питался. Кроме того, он еще купил фотоаппарат и радиолу, из-за этого некоторое время носил прозвище «богатый студент Хочуров».

К его радости, здесь было множество мест и зданий, где можно было тренироваться, поэтому он вволю участвовал во всевозможных соревнованиях. Не смеха ради будет сказано, будучи тщедушным худышкой, участвовал и в том виде спорта, о котором и слухом не слыхивал — по штангам. Соревнования прошли в здании Саха театра. Поднял приличный вес, выполнил норму третьего разряда. Со временем он превратился из хворого, костлявого мальчика в крепкого,

скрученного мышцами парня. Когда смотрит на старые студенческие фотографии, оттуда на него смотрит жилистый, мускулистый человек с овальным лицом. Вот он, то стремительно бежит, то в воздухе летит в национальных прыжках.

Со своей Людой тоже познакомился на легкоатлетической эстафете в честь Дня Победы. С тех пор стали близкими друзьями. Как хороша была большеглазая, улыбчивая девушка Люда с тоненькой талией и полными грудями.

Когда Николай окончил учёбу, они поженились и приехали в Нюрбу, на малую родину. На какие средства они могли сыграть свадьбу? Присоединив немногочисленный скарб, стали жить вместе. Довольно долго Николай оставался без работы. Но в один прекрасный день на улице встретился его бывший учитель Семён Титович, невозмутимый, солидный человек, который волновался по мелочам. Он и пригласил Николая в свою школу — в Тыалыкы.

Школа располагалась в половине старого здания, одну из ее комнат выделили молодым. В этой каморке тихо-мирно, в тепле и уюте они прожили довольно долго. Николай в первое время женитьбы иногда пугал и удивлял жену, когда неожиданно приходил домой из охотничьего скорodka, соскучившись по тёплой постели и её крепкому объятию. В здоровой молодости волшебная сила любви бывает такой непредсказуемой.

Мать их Мотурууна, собрав гостинцы — говяжье мясо, молоко, сметану — приехала посмотреть, как обустроились молодые. Через несколько дней сказала: «На очаге печки играет душа младенца, наверняка будете многодетной семьей», — тем самым обрадовала Николая и Людмилу. Как она и предсказала, родились четверо детей, разница в возрасте у них было по два года. Семья расширилась: «Нас было двое, а теперь стало шестеро», — с гордостью делились с радостью с друзьями и знакомыми.

Бабушка с самого рождения внуков ухаживала за ними. Еще из села перевела всю свою скотину, так что у них молоко и сметана, как говорится, потекли рекой. Старушка была здорова как крепкая лиственница, а об ее мудрости и говорить нечего — удивительно умная была. Род-

ственники, пережившие войну, до сих пор, как легенду вспоминают: «Наша мать мужественная, отважная и распорядительная, хозяйственная женщина. Во время войны, исходя на лыжах несколько десятков вёрст, приносила домой больше десяти зайцев, пойманных ею петлями, поэтому мы и выжили».

Старик Нестор с войны вернулся благополучно. Работал бригадиром. Вскоре родилась Люда — последний ребенок. Она и стала женой Николая. Отец долго не прожил, умер в младенчестве дочери. Раны, которые он получил на фронте, расшатали его здоровье, изо рта шла кровь. К матери, оставшейся вдовой, приходили свататься несколько человек, но Мотурууна, дорожа памятью покойного мужа и предвидя, что растущим детям будет трудно наладить отношения с новым явленным отчимом, отказывала.

Мотурууна хорошо знала сокрытые туманом древние тайны, неукоснительно придерживалась традиций и обычаев, обладала даром предвидения и прогнозирования. При сборе лекарственных трав, преклонив колени, просила-умоляла: «Мать-земля дорогая, поделись лекарством, травами своими. Пять пальцев дают, десять пальцев протягивают», — потом делала благословение, на ветки берёзы и лиственницы привязывала новые лоскутки ткани и белого шелка. Она даже не разрешала бросать в огонь и в мусор подстриженные волосы ребёнка, собирала их и, завернув в бумагу, прятала у себя. Куда девала потом, никто не знал. Возможно, закапывала в землю. Боялась, кажется, что душа ребёнка вместе с дымом улетит в небо. Плохо, что раньше не спросили.

— Посуда гремит и бровь, вещающая радость, чешется. Кажется, придут наши сынки, — протяжно издавала она, старательно поглаживая туесок, на который любовно нашивала конским волосом якутский орнамент в виде ёлочки, полуспиралей, квадратиков, ромбиков и овалов.

— Сегодня достаточно, продолжу завтра, когда засучу новые нитки.

— Когда придет дядя Ньургун, мне привезет игрушечную машину и конфеты, — надувает губы малыш.

НИКОЛАЙ СЕМЕНОВ. ДОЛГОЖДАННЫЕ ДНИ.

— А мне дядя Ньургун привезет куклу и платье, — тараторит Быстренько сестра, будто боясь остаться без гостинцев.

— Э-э, не горячитесь, друзья мои! Уже съели гостинцы, которые ещё в глаза не видели? — ласково улыбается мать, занятая мытьем посуды и окидывает их любящим взглядом больших светло-карих глаз.

Не успеваешь утихнуть эхо слов бабушки, как через пару-тройку дней приезжает из Айхала сын Игнат, горняк по специальности, или из Бердигестяха — Ньургун. «Матушка заранее знала, что вы приедете, поэтому настряпала целый стол, ждёт вас», — со смехом встречали домашние.

Бабушка покойница только сама знает, сколько людей вылечила, поставила на ноги. Когда болели внуки или угорали, не разрешала вести в больницу. Известными только ей средствами вылечивала сама. Во множестве собирала ягоды шиповника, высушивала их, потом заквашивала, заваривала и этим отваром ежедневно поила внуков. Волчью траву заваривала в кипяченой воде, потом вторично кипятила, когда отвар остывал, через сито наливала в бутылки. Чтобы не испортился, чуточку добавляла спирта. Два раза в день раствор давала столовой ложкой внучатам. Хотя на вкус он был горьковатым, но тем не менее, для оживления организма был незаменимым средством. Благодаря этому целебному напитку все дети выросли здоровыми. Кэбис², нельзя говорить так сильно, но до сих пор они не хворали, пусть так и продолжается. Это всё исходит от бабушкиного присмотра и ухода, старания и лечения.

Однажды весной старший сын Георгий заболел гепатитом. Тогда бабушка забрала с могилы умершей от болезни печени женщины горсть земли и этой землей, запросто и как-то очень быстро вылечила Георгия. Помимо дара лекаря-знахарки бабушка имела талант рассказчицы-повествовательницы. Забытые события и давнее, бывшее всегда помнила, держала в голове.

В юности, когда Николай жил в зимовье Верх-

² Кэбис — якутское междометие, обозначающее запрет.

невилуйска, видел великого учёного Гаврила Ксенофонтова, автора «Эллайады» и «Ураанхай сахалар». Возможно, видел и услышал его выступление в период Гражданской войны, когда тот, путешествуя по устью Вилюя, изучал быт, нравы, жите-бытье, устное творчество и фольклор местного населения. У Ксенофонтова материалов, преданий и мифов, записанных у нюрбинских златоустов, напечатано много.

— Он был крупным, представительного вида, почтенным, с приятным лицом человеком. Был одет в русскую одежду, на плечи был накинут длинный белый тулуп. Разговаривал не спеша, с расстановкой, толково и внятно, — вспоминал. — Говорил, что наступит время образования, развития, наши знания расширятся. Со временем, по протяжению десятилетий, изучение жизни народа, его быта, религии и веры, легенды и обычаев, былин и фольклора выйдет на новый уровень. Значение исследования в этой области, написание в книгах на порядок увеличится... С этого момента люди другой национальности будут скрупулезно изучать наши Вилюйские, Олохунские, Янские звонкие, размеренные и горловые песнопения, так же как и подвижные, стремительно-порывистое олонхо, который взлетает к девятому ярусу высокого неба, мудрые сказки и предания, легенды и сверкающие скороговорки. Услышав их, они удивятся, к себе на родину приедут с чудо-диво новостями о нашем устном творчестве. Вот так говорил наш проезжающий фольклорист.

В те годы, когда отец не содержал ям, работал перевозчиком грузов. Скитался по золотому Алдану, Якутску и Бодайбо, сопровождая груз с товарами. Был человеком народа — кто брал, тому отдавал, кто хотел познакомиться, с тем дружил, был подвижным, разговорчивым мужиком, любил исполнять тойук³. Гость отца до полуночи заставил беседовать с ним на различные темы, еще попросил спеть тойук. Один, под названием «Алгыс⁴ огню», записал в тетрадь. У отца был животрепещущий интересный тойук «Исполненный

³ Тойук — песня-импровизация.

⁴ Алгыс — благословение, мольба, заклинание.

мною тойук зажжёт огонь любви, благословит новорождённого ребёнка, огородит домашний скот, будет звенеть в протяжении девяти веков». Его он исполнял, когда кормил огонь в виде алгыса, если не забыл, звучал он так:

*Имеющий пол-аласа и равнины
Восьмигранной горы белый очаг,
Восьмиугольный дверной плоский
Заслон печи,
Жаркого горна стену,
Горячего железа,
Украшенного стежками,
Подстилку из высокой железной травы,
Имеющий богатый бело-серый
Пепельный покров,
Ярко пылающий
Луч с золотой искрой,
Будто в три охвата
Серо-белый далла-ураса
С дыханием иссиня черного дыма,
Будто голова с шеей жеребца
Медно-железное огниво,
Превращаясь впитался
В черную печень тучного жеребенка,
Впитавшись превратился
В двухгранный кремль,
Высекая развевающуюся гриву
Сосунка-жеребёнка
Разгорелся в белом горне,
Одухотворил мерцающий огонь,
Синим пламенем блистает,
Сияет, сверкает,
Красной искрой фыркает
Лютый мой господин дед!
Седая борода!
Кыырык тюсюмэл,
Хатан Тэмиэрийэ,
Аан Уххан,
Очаг мой дорогой,
Что скажу, слушай и прими,
Утробу, где буду человеком,
Укрывая за широкой спиной,
Счастье, что буду саха,
Благослови покорно.*

*В дни, когда стану мерзнуть и закаляться
Сухим деревом одарю,
В дни, когда буду обморожен и тревожен
Из свежего дерева дам запас,
Накормлю сырым деревом.
Вот так друг, абытай⁵!
Будучи сытым,
Разогрею ветхую доху
И тогда буду думать, что спасен.
Дух святого огня,
Низко-низко кланяюсь.
Моей, бедняги, родной земли дух,
В широких полях своих утаи,
В узких местах сохрани,
Девять раз поклоняюсь тебе,
Господин дед!*

*(Тойук Семёна Степановича
Егорова-Осуохай Сэмэна)*

Из множества легенд и сказаний старушки, у него в памяти осталось одно предание.

В минувшие древние времена, когда еще не нашли эту богом забытую, но прекрасную северную сторону, где гуляли крутые смерчи, гудели метели-ветра, где студёная зима с суровыми холодами, где изобильное лето одаривало изнуряющей жарой, ласкало благодатным дождём, наши предки — воинственные люди — выбрали своим идолом, которому молились, клекочущую птицу орла-горбоноса, с достоинством парящего высоко на небе.

У них было понятие, что когда человек умирает, останавливалось его светлое дыхание, душа, отделившись от тела, удержавшись на распростертых крыльях-сах орлов, возносится, поднимается в верхние миры. В связи этой легендой, увязывая и укрепляя услышанное, наши предки стали называть себя «сах».

Кто это рассказал, у кого слышала теща эту былину, никто не записал, не сообразили в своё время. Кажется, это был какой-то целитель, долгое время живший и работавший в Средней Азии. До сих пор нет достоверной информации,

⁵ Абытай — междометие, выражающее ощущение острой боли или жара.

статей о происхождении названия «сахар». Откуда возник, как стали так называться, мы не знаем. Вот почему сказ бабушки может иметь какое-то основание и причину. Поражает ум, ласковое и заботливое отношение матери. «Окно земли» так называют людей вроде неё. Правду говорят, если в мир иной уходит человек, всю жизнь посвятивший себя защите, заботе о других людях, плачет и грустит сама природа.

В день похорон чистое небо синело под утренним солнцем, ветра совсем не было, но вдруг, к удивлению, всё изменилось. Восточная окружность неба, будто натянулась черным бархатом, покрылась темными тучами. Сильный ветер, кружа, легко поднимал вверх пыль и листву. Острые верхушки и развесистые ветки растущих вдоль дороги деревьев и сухостоев гнулись, перегибались под неуправляемым натиском метели. Вскоре забарабанил лютый град.

После того, как похоронили мать, засыпали могилу землёй и стали собираться домой, погода прояснилась, небо опять стало чистым. Сверкающее летнее солнце отдало свое тепло, собравшиеся люди посветлели лицом, почувствовали себя лучше. О путанице погоды пожилые люди объяснили так: «Старушка покрывает дорогу».

Николай, крутясь в бесконечном колесе школьных будней, раньше, как и другие люди, мечтательно думал: «Вот выйду на пенсию и тогда, наконец-то буду свободен, отдохну от души». Даже хотел что-нибудь сочинить. Хотя бы наподобие очерков и зарисовок о бывших сослуживцах, коллегах по работе и друзьях по спортивным соревнованиям. На такие мысли толкали определённые причины. В студенческие годы, хотя специально не занимался, кое-что печатал в газетах. Да, и ещё, так как с этого места никуда не переезжал, всё время жил и трудился на селе, был хорошо осведомлен о жизни односельчан. Много раз пользовался советами стариков, которых называют «окно земли», с ними он завёл крепкую дружбу, вёл интересную беседу. И всё это сейчас не может перенести на бумагу. Кроме того, что он сам болеет, еще одна напасть появилась — двухлетняя Сандаарыйа опрокинула кипящий чайник и обожгла руки-ноги. Два месяца

пролежала с матерью в больнице. Только лишь с облегчением вздохнули, как нагрянуло горе с неожиданной стороны, теперь зять Гаврил попал в беду, передрагу.

Всё-таки такой прямодушный, степенный, не разменивающийся на мелочи человек, не мог просто так стрелять в человека. Видать, трудно ему пришлось, может, какая-то драка или схватка была... Или напали на него. Что узнаешь, сидя здесь?!

Сват Прокопий на машине должен поехать в город. Он говорил, что сразу выедет и, пока дорога не закрылась, вернётся. Наверно, к ним не заедет... Дочка вылетает завтра. Там она должна бегать-хлопотать, поговорить с людьми, узнать, что в действительности случилось. Надо постараться освободить, по крайней мере, облегчить участь Гани...

Раньше, когда государство ещё помогало, до выхода на пенсию, Николай работал бригадиром, управляющим. Во время перестройки успел получить кредиты, ему была оказана всяческая помощь, потому и создал частное крестьянское хозяйство, обзавелся многочисленной техникой. Есть у него грузовая машина, трактор, УАЗик. Сначала держал коров и лошадей. Потом из-за болезни жены и, поняв, что животноводство — дело хлопотное, затратное и не доходное, скотину ликвидировал. Сейчас имеет двух дойных коров и табун лошадей. Будучи уже чуть-чуть разгруженным, зимой возит уголь и дрова предприятиям. Частникам волоком привозит застогованное сено. Возмущается, что предприятия не оплачивают прошлогодние долги. Откуда в эту разруху и безденежье у предприятий могут быть средства?

Хотелось бы увеличить поголовье, но у свата нет человека, который мог бы стать, образно говоря, руками-ногами, короче — помощником. Помогает только дочь Аанчык с двумя сыновьями, проживающая в Амге, у которой недавно умер в катастрофе муж. Прежде дочка с мужем и детьми приезжала к отцу помогать в сенокосе. В этом году вряд ли приедут. Если даже Ганю выпустят, следствие всё равно будет продолжаться неизвестно как долго, неведомо сколько раз его будут таскать на допросы...

Как назло, в этом году дятел стал долбить, ковырять стену дома. И тогда у Николая прошли мурашки по коже, стал как-то побаиваться, опасаться за будущее. «Неужели спокойной жизни не будет?» — промелькнула мысль. Древние старики говорили, что сон, приметы имеют свой дух. И это, оказывается, имеет под собой основу.

Этим летом в соседнем улусе наряду с ысыахом⁶ впервые будут проводиться «Игры предков» на призы Василия Манчаары. Соберутся лучшие спортсмены, борцы, легкоатлеты, бегуны из тридцати улусов. Из-за недостатка денег, похоже, строительство крупных объектов не будет проведено. Слухи идут, что не найдя денег, тойоны в конце концов даже оправдываются такими словами: «Наши предки боролись на травянистой земле, бегали по зелёному лугу».

Если раньше лучшие спортсмены района, улуса были — хоть в борьбе, хоть национальных видах спорта — на передовых позициях, то в последние времена совсем ослабли. Многочисленные соревнования проводятся далеко от нас, да и нынешние ребята упорно и упрямо предпочитают не заниматься. На самом деле, одарённых от природы, сильных молодых ребят немало. Но они не тренируются от души, поэтому не могут развивать свои задатки.

Николай сам написал несколько статей, посвящённых лёгкой атлетике и национальным прыжкам. Одна — о тренинге организма и о подготовке к соревнованиям. Остальные — о бывших знаменитых и известных спортсменах-легкоатлетах и прыгунах. Из этих статей неизвестно, сколько увидит свет, сколько будет напечатано в газете. Из-за домашних и хозяйственных хлопот, видимо, писательством далеко не уедешь. Как назло, в прошлом году и ныне жизнь семьи преследуют неудачи...

Резко, как будто шило в одном месте заиграло, Николай собрал бумаги, на которых только что писал, и аккуратно положил в папку. Довольно долго сочинял. С тех пор, как проводил жену в школу, сидит, будто приклеенный. Да уж, солнце уже высоко. Часы перевалили на двенадцатый

⁶ Ысыах — якутский праздник в день летнего солнцестояния.

час. Нужно во дворе поработать над кое-чем, а затем приготовить обед. Вышел во двор — на небе сияет яркое солнце. Что за ясный, теплый и хороший день! Тишина!

Пласт оттаявшего снега заметно уменьшился. Если будут стоять теплые дни, погода поспособствует таянию снега, надо только, чтобы солнце сильно нагревало.

Еле втиснувшись в маленький, тесный хотон, налил в корыто густую кашу, которую с вечера поставил подниматься. Как только открыл дверь, свиньи с шумом вскочили, подойдя к корыту, похрюкивая, чавкая и брызгая слюной, стали аппетитно пожирать кашу. Закончив кормить свиней, подняв металлические грабли и стал собирать щепки, оставшиеся от дров, затопленных минувшей зимой.

Вздрогнул, услышав сердитый возглас: «Эй, что за чёрт, почему эта кляча не шагает?» — обернулся и увидел своего приятеля Хоккуллай Романа. Кобыла, шла, играя широким задом, не прибавляя хода, не спеша. Хозяин, нервничая, хлопал вожжами по крупу кобылы. На задках саней приткнулся парнишка лет десяти с сумкой. Роман, отвлекшись на кобылу, кажется, даже не догадывался, что за незванный спутник у него.

На ысыахе, в разных торжествах, когда он выводил слова осухая, голова его, повторяя неровности земли, пересчитывая ее выпуклости и впадины, качалась из стороны в сторону. Поэтому то и прозвали «Хоккуллай».

Кобыла остановилась у забора. Мальчишка быстренько соскочил с саней и сломя голову бросился наутек в сторону своего дома. Хоккуллай успел только чертыхнуться. Крупный, мощный человек еле извлек свое тяжёлое тело из саней, грузно подошел к кобыле, привязал её к забору. Потом пошел обратно, взял охапку сена, которое возил с собой и кинул кобыле.

«Давненько Роман не приезжал. Погоди-ка, послушаем новости села. Зайдём в дом», — прислонив грабли к дереву, стал ждать гостя у двери в дом.

— Здравствуй, Николай, как здоровье, жизнь?

— Здорово, здорово. Живем потихоньку. Внулата иногда угорают. Мама наша, как и раньше,

в школе работает. А вы как живёте, зачем приехали?

— Ну, как прежде живём. Зять уехал в лес дрова рубить. Совхозы не получают зарплату уже как год. Поэтому делаю топорщица, вяжу веники, привожу сюда, продаю. На вырученные деньги кормлю две семьи, — гость стряхнул снег, прилипший к сапогу. — Три дня прошло, как приехал. Еле продал шестьдесят связанных веников.

— Берут, оказывается их... За сколько продал?

— Э-э, сколько, сатана? По десять... Наступила весна, чтобы убрать мусор, люди покупают. Сегодня поеду домой.

— Чэ⁷, зайти в дом, поговорим.

Зашли в дом. Николай из холодильника достал мясо, нарезал на куски, зажарил. Поставил чайник кипятиться. Затем прошел в зал, сел рядом с гостем.

— Ну, люди села, ещё какие новости?

— Э-э, что может быть? Нет ни работы, ни денег. Мужики все без работы. Нет от них пользы. Пьянствуют, дерутся. Много плохого безмерно привилось.

— Может быть... Здесь тоже так. Ребята, которых после девятого класса исключали, якобы, за плохую успеваемость, за дисциплину, стали подзаборной шайкой. При этом выпивают, совершают преступления. По моим подсчетам, таких ребят более двадцати. Из них лишь единицы учились в СПТУ и вечерней школе. Дочери толкую, что кроме тех, кто действительно не может или не хочет учиться, остальным надо бы дать образование. Будто бы соглашается.

— И не говори. Но всё равно так не сделают. Недавно наша ровесница Розалия Степановна соседу сказала: «Ваш сын не может учиться в десятом классе, нет способностей, поэтому пусть девятым классом прекращает учёбу».

— Теперь ребят, таких как они, шатающихся без дела, ещё больше станет. Лучше их, даже со специальным образованием нынче не находят работу. Чэ, это оставим. Бабушка здорова? — Николай направил разговор в другое русло.

⁷ Чэ — модальное слово, выражающее побуждение, повеление, пожелание.

— Э-э, дух сатаны никакой чёрт не трогает. Похоже на эту землю пришла жить вечно. Ещё может быть, нас переживёт, — обронил собеседник, будто не придавая значения вопросу.

— Возраст, должен быть солидный, большой.

— Да, бабке-ведьме скоро девяносто. До сих пор кушает с аппетитом. Дома спокойно не лежит. Поехала гулять в Дьикимду.

Известно было, что Роман недолго любил тещу. А она в годы войны потеряла всех детей, муж на фронте пропал без вести. Анна уже в годах родила от любовника одну девочку. Единственная дочка, которую берегла пуще глаз, вышла замуж за человека старше её на десять лет. А это было совсем не по нутру Анны.

Поэтому Роман, сам уже пожилой человек, старушку зовёт бранными словами, вроде «дух сатаны», «ведьма». Попили чаю. Роман, беспрерывно мигая, грыз мясо старого жеребца. Николай из посудного шкафа принёс бутылку, в которой наполовину плескалась водка. Налил в рюмки.

— Чэ, со встречей...

— Да, с прошлогоднего ысыаха не виделись. Могли бы погостить у нас, собрали бы ягод, дары природы, — гость, схватив мощными пальцами хрупкую рюмку, одним махом опрокинул содержимое в рот, крякнул.

— Действительно, если дорога будет хорошей, осенью приедем собирать грибы, ягоды...

— Приезжайте, приезжайте, у нас в лесу ягод полно. Но сейчас люди, проявляя жадность, собирают неспелые ягоды, — Иван, не торопясь, медленно втягивал губами горячий чай.

— Этим летом на наш ысыах, на соревнования, говорят, приедет много людей. Как здесь организация идет, хорошо ли готовятся?

— Только спортсменов будет свыше пятисот человек. Сверх того, гостей сколько будет, не представляю, — Николай снова заполнил рюмки. — Хотели построить новый стадион, но из-за отсутствия денег, оставили. Поэтому хотят парк обнести решетками, поставить там скамейки. Я тренирую пять-шесть школьников, которые примут участие в легкой атлетике.

— Как ты думаешь, как выступят наши борцы?

— оживлённо стал расспрашивать его собеседник.

— В командных соревнованиях хотим быть как всегда в золотой середине. По хапсагаю среди ветеранов Андреев, говорят, самостоятельно тренируется. По вольной борьбе, перетягиванию палки выступим неплохо, есть надёжные парни. А вот по лёгкой атлетике, прыжкам, достойных, способных сразиться на равных со спортсменами центральных улусов, можно сосчитать на пальцах одной руки. Вся надежда на Александра. Если у него удачно сложатся прыжки, то в кубоaxe и кылыы, в обоих видах, может занять призовые места. Среди взрослых по бегу есть два парня, в успех которых очень надеемся. Раньше на призы Манчаары занимали места. А вот как будет с молодыми, не знаем, будто бы неплохо тренируемся...

— Раз тренируются, далеко позади не окажемся. Если, проводя такое крупное соревнование, где-то проиграем, будет ужасно. Смотри-ка, вот про Софрона, сына Кэрэ человека, написали в газете. Дома несколько дней подряд читал.

— Э-э, я тоже прочитал. Хорошо написали. В детстве несколько раз видел. Сзади посмотреть — сплошная шея и спина, без разницы. Каким-то нелюдимым казался. Всё время ходил, уткнувшись взглядом в землю, но, как я заметил, краем глаза незаметно следил, кто куда идёт-ходит.

— Я Софрона много раз видел. Жил он на этом берегу реки в Жархане, оттуда приезжал в Хорулу, где ночевал у Чокуур Ивана или у матери Варвары — Бачыгырыыр-старушки. О Софроне ходили недостоверные, преувеличенные, но и правдивые, основательные рассказы. Поэтому мы, дети, когда приходил он, тайком ходили за ним следом. Постель он носил за спиной, когда приходил к дому, где собирался ночевать, закидывал на амбар.

— Теперь послушай меня. От рассказа к рассказу. Когда были маленькими, люди удивлялись — когда упрашивали его бороться, он отказывался: «Вдруг начнётся судорога сухожилий, тогда нечаянно оторву же голову противника». Когда бегал, подошва из шкуры от хребта быка лопалась. Поэтому он снимал торбаза, совал

под мышки и бегал босиком. Помню, как старики вспоминали, когда он долго застаивался без дела, ходил в лес выпускать, так сказать, пар, вырывая, отрывая пеньки с корнями.

— Ок-сиэ⁸, страх-то какой! Сколько силы у человека, что вырывать пень с корнем! — восхищался Роман, выпрямляя спину. Войдя в раж, сам продолжил рассказ о сыне Кэрэ человека. — Софрон в молодости вместе с родственником Степаном работали в Нюрбинском Бестяхе на погрузке муки. Лошадь по весенней склизкой дороге не могла вытянуть сани с пятью кожаными сумами в пять пудов муки. Тогда Софрон, освободив коня от упряжи, сам один вытянул сани на горку. Это видел и был восхищен ставший потом учителем Михаил, сын Матвея. Софрон в пике силы состязался с быком-самцом. На шею быка надели ярмо, Софрон, удерживая две оглобли, стоял за ним. Бык, увидев зелёную траву, дёрнулся вперед, потом несколько раз изо-всех сил пытался вырваться вперёд, но человек его не пускал. В это время ярмо ломалось. Тогда Софрон обронил: «Сатана, довольно сильный бык, оказывается».

— Да, подумать только — жил человек, который рождается в век один раз. Только о том, что он состязался, мерил силу с кем-нибудь из рода человеческого, ничего не слышно. Когда начинались борцовские схватки: «Если вижу, как борются люди, кости мои ломит», — говорил он и уходил с ысыаха. Настала моя очередь повествовать о нём.

— Ну-ка, давай, послушаю.

— Софрон, когда только-только возмужал, когда становился мужчиной, в Мархинском и Нюрбинском улусах жил Уйбаача — сын Воина, который в родных местах в состязаниях по борьбе всех побеждал. Вот он и постоянно подначивал Софрона: «Давай, приятель, попробуем друг друга в схватке». Однажды, когда мать вышла в хотон, а Софрон дома остался один, влетел Уйбаача. Наверно, рассердил своим настойчивым: «Давай бороться». Сын Кэрэ человека, ударив двумя ладонями под мышки противника, поднял в воздух и стал крутить, как рукоятку сака. При

⁸ Ок сиэ — междометие, выражающее удивление.

этом сухожилия так сильно свело судорогой, что он не мог опустить. Так человека, впавшего в обморок, вертел над головой. Услышав шум-гам, мать прибежала из хотона и отвердевшие, как дерево, мышцы сына стала бить лопаткой для уборки навоза. Еле-еле освободила. Впоследствии этого случая, в скором времени, сын Воина Уйбаачча умер. Перед смертью сказал: «Сын Кэрэ человека не человек, а настоящий абаасы⁹, не ведая об этом, я попался».

— Этот рассказ я в детстве слышал. Тогда говорили, будто Силач Софрон умер, не показав всю силу, безосновательно?

— Так и есть. Были, оказывается, люди, которые испытывали его силу. Все они давно умерли от старости. Однажды задолго до войны Силач Софрон, находясь во славе, в пике силы-мощи, приехал погостить, переночевать к сестре Анисии и зятю Дьяконову. Они работали в магазине. Услышав, что приехал Софрон, работники сельпо договорились попробовать силу его. Председатель Сологунский, бухгалтер Сухаринов и счетовод Кузьмин в страшно большой, но обугленный железный ящик, который был списан по причине обгорания на пожаре, положили куль дробы. Когда вошёл Софрон, велели ящик вынести и положить на крышу склада. Тот поднял без видимого усилия, по помосту, сделанному из толстых плах, поднялся наверх и спокойно положил ящик на крышу склада.

— О, есть же сила у людей! Такой человек, если бы родился в наше время, наверно, прославился бы на весь мир!

— Правда, так. Из нынешних людей, поговаривают, сильным является Бахчарыков. Наверно, имеет четверть силы. Мотор трактора, мотоцикл с коляской запросто поднимает.

— Говорят, что он и вправду крепкий парень. Ныне прославился же, выступая артистом в цирке?

— Да, да. Из страниц газет не сходит. Ещё поднимает машину, по слухам готовит новый номер.

— При благополучных обстоятельствах прославит родину, нас...

⁹ Абаасы — злой дух, злое существо, враждебное человеку.

Не спеша почтаевичав, поговорив о том-о сём, о старом-нынешнем, друзья расстались. Проводив гостя, Николай стал мыть посуду. В это время со школы пришла жена:

— Что, Лиза ничего не сообщила? — с порога интересовалась дочерью.

— Не пришла ещё. Куда будет спешить, когда завтра вечером улетает? Вечером придет... Из Харыйалааха погостил Роман, выпили чаю.

— Что рассказывает тот товарищ?

— Много чего. Здесь продал веники, которые сам связал. Говорит, что делает деньги на хлеб для двух семей. Родные здоровы. Слушай-ка, летом приглашает на ягоды, смородину.

— Хорошо. Будет засушливое лето, будем собирать ягоды, — обрадовалась Люда. Переодевшись, надел халат, вышла из комнаты.

— Городским надо бы отправить сметану, маленько мяса. Погоди-ка, кто продает сметану?

— У Ивановых, говорят, отелились две коровы. Вечером пойду к ним. Как дела в школе?

— Какие новости могут быть? Обрадовали, что, возможно, дадут часть аванса. А, кстати, сижу, а главную новость забыла рассказать. Григорьева Маша моя победила на олимпиаде, поэтому поедет в Якутск на республиканский тур.

— Вот молодец. Значит, в региональной олимпиаде выиграла... Куда будет поступать?

— Хочет учиться в университет имени Хошимина. Желает стать специалистом по китайскому языку. Я предлагаю сдавать экзамен по английскому, но она не соглашается. Говорит, что современное развитие придёт с Востока, из Азии.

— Правильно думает. Мы всё подражаем западным странам. В действительности развитие в Азии началось в седой древности. Возьмём, хотя бы Китай, Японию.

— Если девочка займет какое-то место в республике, на учёбу поступит напрямую. Как-то будет...

— Девочка ведь сильная в учёбе?

— Но медаль, наверно, не получит. Возможно две-три «четвёрки» будут...

— Чэ, медаль медалью... Нужно поступить на хорошую учёбу.

Николай Григорьевич с одобрением подумал

о потенциале умных-умелых якутских детей, которые стремятся получить нужные в жизни профессии и специальности. Во времена, когда политика, идеология меняются как облака в небе, якутская молодёжь в наступающем веке должна овладеть новыми профессиями.

Третья зарубка

Лиза со двора занесла расколотые дрова и стала топить печку. Красные язычки огня нещадно, жадно стали лизать сухие дрова, разгорелось пламя.

Скоро, вывешенные под каждым окном плоские железные трубы разогрелись. В доме постепенно стало хорошо, наступил покой, душа будто хотела отдохнуть, насладиться теплом...

Женщина повторно разогрела остывшую воду, домыла посуду. Из холодильника вытаскивала мясо, разрезала на куски, поставила варить суп. Принесла картошку и села чистить.

За эти дни одиночества, когда она сидела дома, ничего не делая, томилась от безделья, думы всё время возвращались в прошлое.

На завтрашний день, после того, как она вернулась из милиции, коллеги-учительницы засыпали вопросами:

— Ну, Лиза, почему вызвали? Кто и в чём обвиняется?

Лиза на расспросы не стала отвечать и ничего не рассказала. Отметила только, что автоинспекторы просто интересовались мужем, поэтому вызывали. В тот же день позвонила брату Георгию, который жил в городе, сообщила о происшествии, рассказала обо всём. Попросила, чтобы он встретился с прокурором и нашел хорошего адвоката.

Брат нашёл требуемых людей, вчера позвонил. Рассказал, что застрелен русский. Оказывается, ранее был судим, лежит в больнице, состояние тяжёлое. Сообщил, что до окончания предварительного следствия, свидеться с Ганей невозможно, не разрешают. Людей, пытавшихся ограбить машину, было несколько. Они, оставив раненого, сели в машину и быстро уехали. Когда

раненый придёт в себя и даст показания, неизвестно. Ещё вряд ли сдаст своих подельников!

Между нами говоря, когда в городе случаются убийства, грабежи, воровство почти каждый день, большое сомнение вызывает, что вообще будут искать тех разбойников.

Ганиного водителя Элля допрашивали порозному, донимали вопросами два дня подряд. К счастью, отпустили, а КамАЗ арестовали. Говорил, что приедет, повстречается, поговорит, задаст вопросы, но где уж? Нет его.

С работы отпросился. Через Анну, с которой учился в одном классе, нашел билет, завтра уже вылетает в Якутск.

В такую слякоть, когда дорога разбита, на большегрузе не прибудет быстро. Если даже приедет, то поздней ночью...

Лиза ещё не рассказала дочери о задержании отца милицией. Та думает, что отец находится в командировке, ездит. Но Лиза приняла решение, что сегодня вечером расскажет правду.

Дочь Туйаара учится в третьем классе. Она единственный ребенок, поэтому иногда капризничает. Раньше, когда был зачат первый ребёнок, из желания работать, сделала аборт. Из-за этого поскандалили с Ганей.

Дочка чувствует себя одинокой, вдобавок, тоскуя по отцу, находится на грани срыва. Со школы всегда проходит в комнату, расспрашивая про отца. У Лизы возраст кризиса, этим летом исполняется тридцать два года. Когда Ганя, освободившись, выйдет на свободу, обязательно родит ребёнка. Зато несколько лет не будет работать...

Очистив картошку, промыла, измельчила ножиком и высыпала в кипящий суп. Бросила лук, посолила. Попробовала соль, добавила укроп, лавровый лист. Повернув тумблер электрической плиты, убавила мощность. Прошла в комнату и легла на диван. В комнате безостановочно и однообразно стучат часы. По радио льётся задушевная песня Валерия Леонтьева:

*В се-рый ве-чер дож-де-во-ой
Я-а-а ви-жу те-бя и-из-да-ле-ка-а...*

Лиза, убаюканная мелодией грустной песни,

НИКОЛАЙ СЕМЕНОВ. ДОЛГОЖДАННЫЕ ДНИ.

незаметно для себя оказалась в счастливых, светлых и бодрых днях студенчества. То были времена, когда все тянулись к прекрасному, доброму, когда все хотели быть образованными, культурными людьми. Какие были хорошие деньки!

О, какими яркими, манящими бывали в темные вечера с глазами мерцающих звезд огни общежитий Сергеляха! Весёлые песни-пляски, дивный смех там звучали, задор и радость разжигались там. Нарядная, разодетая молодёжь тусовалась, собиралась там же. Здесь зарождалась любовь, которая озаряла пламенем молодые сердца, окрыляла энергичные надежды, налаживала счастье человека. Чудесные профессии, удивительные желания, редкие таланты раскрывались здесь, здесь они вили гнезда.

Ныне пришла другая жизнь, Сергелях тоже круто изменился. Среди новостроек появились новые корпуса и общежития факультетов университета. По сравнению с временами, когда учились они, по рассказам самих студентов, да и по публикациям в газетах, порядок и дисциплина заметно ухудшились.

Лиза в первый год обучения, прилагая все силы и знания, направляя волю и твёрдость характера только на учёбу, подготовку и чтение уроков, зимнюю и летнюю сессии сдала на «отлично», лишь с одной «четвёркой».

Наверняка помогало воспитание родителей-учителей с самых младенческих лет. Они научили распределять правильно время, что читать, как готовиться к урокам. Ритма отличной учёбы, принятого ещё в школьные годы, она придерживалась и в студенческие времена. Если бы не пошла за Ганю, не вышла замуж за него, осталась бы ассистентом на кафедре литературы зарубежных стран и работала там, то давным-давно училась бы в аспирантуре или была бы кандидатом наук.

Куратор Анатолий Алексеевич говорил ей остаться работать на факультета, что в будущем году найдётся место в аспирантуре. Не послушалась. Но сейчас не жалеет. Если муж освободится, они будут жить по-прежнему спокойно, в ладу, то найдёт хорошего руководителя, выберет тему. Тогда можно и дома начать свой кандидат-

ский труд. Ей сейчас это по силам. Нужны только воля, самоотверженный труд и хорошая литература.

В университете с самого начала занималась настойчиво и упорно, и этим самым заложила основу и фундамент будущего образования. По мере обретения успехов в учёбе, постепенно, выкраивая лишнее время, стала увлеченно заниматься почти забытыми танцами. Её, с малых лет занимающуюся танцами, натренированную, привычную к нагрузкам хореографии, гибкую девушку, с радостью приняли в основную группу студенческого ансамбля «Сарыал».

В те годы, не так, как сейчас — танцевальных групп было мало. В Союзе известны были кроме её «Сарыала» только мегино-кангаласский «Кыталык» и усть-алданский «Кэнчээри». Несколько раз ездили гастролировали в Москве, Новосибирске и другим российским городам. Выезжали и за границу — в Берлин. Жизнь там совсем другая. Человека, впервые увидевшего зарубежную страну, поражала высокая культура немцев, чистота, красота города. Восхищение вызывали обширное строительство, разнообразие архитектуры...

Но разве руководители разрешат посмотреть, любоваться, близко ознакомиться с разными картинами зарубежья? Замечания, контроль толстеющей, но молодящейся, с родинкой на подбородке госпожи Аграфены Кирилловны из министерства культуры не знали меры и были суровыми. Целый день: «Из автобуса никуда не выходить! Не ходить поодиночке! Из гостиницы без разрешения никуда не убегать!» — распоряжалась как беспомощными детьми. Видимо, была доверенным человеком тогдашней власти. Недаром она с восторгом и гордостью хвасталась: «Вот, восьмой раз выезжаю за границу. Раньше побывала в Японии, Канаде».

Но всё-таки, хотя считали, что перед смертью старика Брежнева жили в развитом социализме, как поразительно отстали от мировой цивилизации... Настолько, что стыдно и говорить. Не имея хорошего телевизора, холодильника, даже кухонной мебели, славили только свои изделия. Наказание какое-то. Мебель, автомобиль, мото-

цикл распределялись только по решению райкома и райсовета.

Отец с матерью, чтобы приобрести мотоцикл с коляской, долго и упорно бегали по инстанциям. Десятки письменных прошений, характеристики, ходатайства, решения профкома, справки были собраны. Лишь на второй год, и то по рекомендации школы, что они хорошие работники, достали для сына эту вожденную технику.

Как в насмешку, вся эта техника имела знак качества. Вплоть до сапожек, тувель, которые через несколько дней приходили в негодность, точно так же, как и нынешние обувные изделия китайского кооператива. На самом деле высокий уровень развитых стран и тогда был известен, был понятен...

Зарубежная красивая, модная, крепкая одежда раньше была большим дефицитом. Если в магазин поступал такой товар, ночами мучились стоять в очереди, да еще и список составляли. Кто имел хороший блат, тому и доставался вожденный товар. Вот тогда же и появилась не сходящая из уст история, как Нэлээсэ покупала кофту.

И в те времена люди выезжали за бугор, в кино и книгах иностранных писателей и режиссёров та жизнь буржуазии, о которой мы отзывались с пренебрежением, тоже описывалась, изображалась.

Человека с небольшими способностями, возможностями, конечно же, далеко не отправляли. Если он получал путёвку, то отдыхал от силы в недалеко ушедших в развитии от нас, солнечной Болгарии или степной Монголии. Он при том испытывал колоссальную радость, весть об этом разносилась далеко-далеко... Зато за путями-дорогами, хождениями больших чиновников и тогда, и сейчас никак не угоишься.

Это сейчас всё стало вольготно. Нет как раньше никаких ограничений: куда пойти, где отдыхать, с кем бывать — ваше право, лишь бы были деньги...

Тогда с большой отдачей, с успехом исполняли эвенские, корякские пляски, танцы «Узоры», «Дьэирэнкэй», «Олень».

Когда в Центре культуры университета, теа-

тре, клубах на многочисленных концертах танцевала Лиза, заполнившие залы молодые глаза с вождением следили за каждым движением танцовщицы, её грациозностью, гибким станом, снежно-белой длинной шеей, точёными ножками, длинными косами, полным нежности взглядом статной, симпатичной круглолицей девушки. Всегда были и женатые, люди при должности, и холостые молодые, которые хотели познакомиться, ну, хотя бы не прочь были пококетничать, пофлиртовать. Были, конечно, были...

Среди них были и шустрые орлы, которые станцевав с ней один-два раза, звали в укромный уголок, насильно удерживая, обнимали, целовали. Конечно же, в годы учебы в университете, особенно в первые четыре года, не всерьез проводила время вместе с однокурсниками и партнерами по танцам. Ходили в кино, театры, свадьбы, вечеринки. Были и моменты, когда обнималась и целовалась просто так. Но по настоящему, на грани жизни и смерти никого не полюбила. Если бы ходила долго, крепко подружилась, то, наверно, вышла бы замуж за ныне работающего корреспондентом молодежной газеты Владика. Он был красноречивым, знающим психологию женщин и девушек, человеком. Внешне, хотя и был смугленьким, но некрасивым никто не считал.

**«Почему опять тусовка
Девяностым вопреки?
И это что за остановка
На излуцине реки?»**

— читал стихотворение он и гулко смеялся. Иногда, пародируя какого-либо поэта, писал стихи. Читал довольно длинные вещи, но Лиза помнила лишь несколько строк:

**«Напряжённo днём и ночью трудится,
Окно и дымоход — в стихах всё чудится.»**

— эти и ещё какие-то длинные стихи были.

Складывать слова был действительно мастером. Но сразу было заметно, что в стихах отсутствовали хорошие сравнения и образы. И потом не

было слышно, что он стал хорошим поэтом. Зато стал известен как журналист с не затупляющимся пером, острым словом, но в последнее время исчез из поля зрения. Что возьмешь от такого упрямого, как он, высокомерного, любвеобильного к женщинам человека, у которого личная жизнь не удалась?

Насквозь было видно, что Владик был опытным в отношении женщин. Гладить, ласкать, хватать их он был мастак. Когда видела его нагие, маслянистые глаза, чувствовала себя голой, всё тело начинало дрожать, будто пробирала щекотка. Кратко познакомившись, после ресторана, зная, догадываясь, что произойдет ночью, всё равно поехала к нему в однокомнатную квартиру. Может быть, подействовало вино, выпитое в ресторане, или же попав под воздействие чар своего кавалера, Лиза не стала сопротивляться его желанию... Это было весной третьего курса. С тех пор много лет пронеслось, уплыли, как облака.

Той ночью, когда он целовал в губы, через кофту мял и тискал груди, всё тело у нее напряглось, запылало страстью. Лиза, возбуждённая невмоготу, крепко обняла Владика за шею, без сил откинулась на подушку, раскинувшись, крепко прижималась к нему.

Владик не прекращал залезать рукой под коротенькое платье, освободил пуговицы бюстгалтера с выпуклыми чашечками, стал полными губами мять и целовать торчащие бледно-розовые соски крохотных, но упругих грудей. Всю ночь тонули в омуте любви, страстные поцелуи и объятия сменялись сладострастными стонами, тела их плотно прижимались друг к другу, волны судорожного наслаждения охватывали вновь и вновь...

Но всё-таки ночная близость тел в большую любовь не превратилась. Этот Владик, который несколько раз женившийся, оставивший у разведённых жён немало детей, по сравнению с юной девушкой, был физически развитым, жизненно опытным человеком. Несмотря на призыв молодой крови, требования юного тела, Лиза не имела желания выйти за него замуж.

Во-первых, он, кажется, был любителем вы-

пивки, хотя и не до потери сознания. Постоянно разъезжал туда-сюда. Во-вторых, легкомысленно относился к женскому полу. Мог после победы над одной, увлекался другой женщиной. Да, и родители Лизы как бы могли отдать единственную дочь за человека, который несколько раз был женат, старше её более десяти лет — конечно же, не одобрили, отговорили бы.

Поэтому решила себя сильно не связывать с Владиком, минуя сети любви, скорее расхотеться. На ее счастье, во время каникул прошла практику на родине — в Нюрбе, потому всё лето с любовником не виделась. Впоследствии так и разошлись.

Среди девушек, которые жили вместе в одной комнате, были и те, которых обманули парни. Из них выделялась своим легкомыслием и безрассудностью девушка по имени Альбина.

По ее рассказам, до окончания школы, она не имела близости ни с одним парнем или мужчиной. Ходила не тронутой девственницей. В то лето она не поехала сдавать вступительные экзамены в учебное заведение. На просьбу работать на ферме, отказалась, мотивировав его грыжей живота. Откуда-то достала справку о болезни, тем самым избежала работы на ферме. Осенью приехала к подруге-телятнице в летник собирать ягоды.

К девушкам из фермы часто приходили два холостых парня — якут и русский, что поблизости строили подстанцию. Вечером девушки, выпив две бутылки красного вина, привезенные Альбиной, стали завлекать её идти с ними к этим парням.

Пришли, оказалось, строителей подстанции четверо. Очень обрадовались, когда ввалились три полупьяные девушки. Все хором выпили брагу, которой угостили хозяева. Одного на машине отправили в Майю, чтобы купил водки. Девушки до этого выпившие вино, теперь, добавив браги, опьянели совсем.

Альбина утром очнулась — голова трещит, тяжёлая, мозги колыхаются. Сама совсем голая, лежит под мощным предплечьем вчерашнего ухажера — русского Эдуарда, с которым ночью выпивала в обнимку. Что поделаешь, встала,

умылась и поплелась на ферму. Девчата, оставив кавалеров, еще вчера пришли, оказывается. В сопровождении стенаний, убитые водкой, с опухшими лицами и глазами еле вскармливали телят. На вопрос Альбины: «Почему не забрали с собой?» — ответили: «Страшно пьяная была, как могли привести?» На том и остановились.

Альбина с тех пор с этим Эдиком стала встречаться, спала с ним. А тот признался, что он женат, имеет двух детей-школьников — сына и дочь. Обещал бросить жену и взять замуж Альбину. «Сперва я ему верила, как позвонит, сразу бежала куда позовёт. Приближая к себе, устроил в станции машинисткой», — говорила Альбина. Но Эдик в следующее лето взял отпуск с последующим увольнением и переехал на юг на свою родину. К счастью Альбины, от него ребенок не был зачат. Она больше года проработала в электростанции, потом поступила на учёбу.

Всё-таки, похоже, без мужика она не могла обходиться. Недаром восклицала: «О, девчонки! Не могу, сил нет терпеть без мужчины. Ну, я пошла искать мужика богатого, денежного, который может вкусно накормить, много напоить, страстно полюбить!» И исчезала на несколько дней.

Когда приходила, налево-направо сыпала без стеснения: «Слушайте, девки! Познакомилась с дяденькой с Севера, лежали в гостинице «Лена». Коньяк, шампанское, разные продукты, а еще любовь и еще раз любовь! Мой такой дородный, большо-ой, так удовлетвори-ил! О, получила огромное облегчение и, вот вам крест, теперь в мужичках месяц не нуждаюсь». Кстати, кое-как, еле-еле, но всё-таки учёбу окончила.

Вот эта Альбина, говорят, до сих пор не вышла замуж, живёт бобылкой. В городе открыла какое-то коммерческое предприятие, стала в нем начальницей, разбогатела, поправилась, теперь тётеньку и не узнать. Наверно, повлияли её пронырливые способности, бесчисленные знакомства и связи. Кстати, когда поедет в город, надо будет расспросить, где она живёт и встретиться. Говорили, будто руководит каким-то предприятием с вывеской «Орёл».

В наши времена, когда нравы и мораль раз-

рушились, когда торжествует свободная любовь, Альбина, у которой деловая жизнь сложилась, которая крутила любовь со многими партнёрами, явно удовлетворяет свою половую страсть с купленным ею молодым человеком...

А вот девушки с мягким нравом, раньше не гулявшие, безвольные, неуверенные в себе, из-за того, что их обманули ловеласы, да ещё и в нагрузку имеющие детей, думают: «Теперь уж чего беречь, мне теперь всё равно», — опускаются, ломают свою жизнь. Жизнь — сложная штука! Недаром есть поговорка: «Жизнь прожить — не поле перейти!».

Лиза, приезжая в город на учёбу или в гости, много раз видела якутских девушек и женщин, которые стали горькими пьяницами, которые прожигали собственную неудачную жизнь.

Подобные лица есть и здесь. Вот Корякина Люся, и внешним видом, и нравом была замечательной девушкой. А как она изменилась резко и быстро! В год окончания школы заметили, что она беременна. Потом превратилась в гулящую, пьющую бабу. Зимой её Лиза несколько раз мельком видела. От прежней улыбчивой, жизнерадостной девушки ничего напоминающего об этом не осталось. Страшно раздавленная в теле, с опухшей физиономией, матерясь и невнятно бормоча, прошла мимо с каким-то бомжом.

В том, что у Люси не удалась жизнь, наверно, есть какая-то причина. Говорят, что не смотрит за ребёнком, не слушается родных и родителей, бомжует. Неплохая девушка за короткое время стала дряхлой нищенкой из-за того, что ее обесчестил какой-то проходимец или обманул взрослый мужчина. Или ещё какой-то другой повод существует?..

Быть недовольным собой, самоунижение, считать себя недостойной лучшего — это путь деградации слабого человека, особенно женщины. Потеря надежды на хорошую жизнь, угнетение разума нередко заканчиваются попыткой забыться посредством водки.

Девушки, которые оканчивают учёбу, получив новую профессию, конечно же, задумываются об устройстве своей жизни и о замужестве.

Но наиболее шустрым из них, подобно Альбине, чужды любовь и близкие отношения. Они стремятся умело построить жизнь, найдя довольно солидного, денежного, пусть даже пожилого человека. А ведь такие мужчины, не стоят же на каждом углу, ожидая их. Если даже есть, они давным-давно женаты и воспитывают детей. Некоторые дамы, не считая грехом совратить главу семейства и разбить чужую жизнь, тем самым создать свою семью.

А другие желают познакомиться с мужчинами, которые уже стали самодостаточными и теми, кто делает карьеру в жизни. Они ищут аспиранта, входящего в науку, перспективного инженера, работников торговли, финансистов.

Некоторые, ожидая свою чистую и действительную любовь, растрачивают лучшие годы юности и молодости. В случае неудачи, если не находится суженый, недолго и состариться старой девой. Соединяют свои судьбы по настоящей любви и искренним отношениям обычно студенты-однокурсники. Никаких задних мыслей у них нет. Наблюдая за такими людьми, приходишь к выводу, что в большинстве случаев, у них жизнь удаётся, что они добиваются определённых успехов в жизни.

Лиза нашла свою настоящую любовь — Ганю — тоже, когда училась в университете. В год окончания учебы, она среди вновь поступивших в их факультет, увидела Ганю. В общей массе молодых людей, только что окончивших школу, по-детски непосредственных, подвижных, его нельзя было не заметить.

Широкоплечий, крепко сложенный, с вьющимися густыми волосами рослый парень казался старше своих лет, имел серьёзный вид. Лизе понравилось его крепкое телосложение и глядящий в упор, уверенный взгляд. То, что понравилось глазу, сердце сразу восприняло. Скоро в читальном зале библиотеки они познакомились, стали вместе готовиться к занятиям. Оказалось, что они оба из соседних улусов. Ганя после армии работал шофером на строительстве дороги.

Той осенью вместе ходили в кино, театр, на танцы. В дневных-ночных бдениях говорили о многом, размышляли обо всем. В комнате, ког-

да девушки отсутствовали, в желанном томлении тишины, паря в волнах любви, крепко обнимались, целовались до боли в губах.

В скором времени, Лиза у брата одолжила ключ от квартиры, по окончании занятий стали встречаться там. Переспали не один раз. Отношения со временем не остывали, не прекращались. Как хорошо было возлежать на широкой груди сильного мужчины, целоваться, стонать в сладострастии удовлетворения, утопать в волнах страсти и любви, чувствовать себя поднимаемой к облакам...

Однажды разговор неожиданным образом повернулся к Афганской войне. Раньше, когда спрашивала Ганю о той войне, он отмахивался, ограничивался краткими репликами.

— Что хорошего в войне? Вернувшись, совсем не мог спать. Поэтому выпивал, — больше ничего не говорил.

А на этот раз, лежа навзничь на диване, закинув руки за голову, почему-то разговорился, долго рассказывал о той войне.

— Ну, одним словом, непонятная какая-то война. В одной стране живут, но расколовшись, афганцы воюют между собой. Пуштуны, узбеки, да и много других племен. Притом вмешиваясь в дела другого государства, наши войска тоже принимают участия. Главная пропаганда распространяет версию: «Если бы не наши войска вошли в страну, то воевали бы там американцы». Тогда мы этому верили, думали, что воюем, исполняя интернациональный долг. Поэтому впервые туда поехали добровольно. Про других не отвечу, но, когда спросили, кто хочет исполнить интернациональный долг в Афганистане, нас желающих было около десяти.

В Афган поехали восемь человек. Я почти год служил в автороте.

Из якутов я был один. Из-за границы, из Союза афганцы на «Татрах», мы на «Камазах» возили груз. Груз, в основном был керосин, иногда бензин, мучная продукция, строительный материал, цемент и другое. В один рейс выезжало около восьмидесяти машин. По всей трассе дороги стояли блокпосты, караулы. В некоторых

автомобилях в кузове размещались солдаты с автоматическими пушками.

Когда намечается нападение, мы как-то всё равно узнавали. Тогдашнее «солдатское радио» не ошибалось. Однажды сообщили, что отряд Ахмад Шаха готовит нападение. Зной и жара невыносимая. В основном нападают в зеленке, на гористой местности, в горах и кишлаках. Поэтому приходится бычьим шагом, тихонько ездить колесо в колесо за предыдущей машиной. В это время попадаешь в засаду, начинаю стрелять из горных расщелин, иногда из леса. Взрываются снаряды, мины. Взорванные машины или горящие бронетранспортеры сталкивают в ущелье. При горении бензовоза, сразу же полыхают несколько машин. А бензовоз с керосином сразу не воспламеняется. Некоторое время стоит, чадя черным удушливым дымом. Только тогда, когда БТР-ы расчищают путь от горящих и сгоревшей техники, двигаешься вперед. На землю не спускаешься — можно подорваться на mine. Иногда прилетают вертолеты сопровождения. Вот они сверху ракетами расстреливают лес, склоны горы, тогда душманы отступают. И нам становится хорошо и легко. Техника как будто чувствует войну — машина, у которой только что всё разваливалось, ломалось, начинает так проворно бегать, что диву даешься. В операциях стреляли без разбору кто в кишлаках — есть ли дети и женщины. В противном случае самого убьют. Живой стремится жить. У людей, находящихся между жизнью и смертью возникали разные дикие поступки. Водку пьёшь каждый день, курение анаши, конопля; опия — навалом. Гепатит, страдания животом, разные мучения — не сосчитать. Если пуля не достанет, то скосить может банальная заразная болезнь. От вирусного гепатита умер мой друг Коноплев Сергей.

— Откуда доставали наркотики?

— Обменивались с населением на продукты, одежду, деньги, иногда на перевозимый груз, на патроны. Живущих за счёт такого обмена там много. А конопля вырастает где угодно. И здесь на краю пашен, на мархинских островах их множество растёт.

— Ганя, ты же не попробовал наркотик?

— Курил, попробовал. Сначала голова становится тяжелой, клонит к сну. Всякое разное видишь... Кругом всё становится озарённым, сверкающим. Облака, которые плыли друг за другом, вдруг удлиняются, превращаются в волны бурлящей золотыми пенами реки. Я стал видеть аласы родной Якутии, где по ветру плавно волновались тучные травы. Наркотик — это чертовщина, которая наяву демонстрирует потаенные человеческие желания.

— Удивительно рассказываешь, сейчас желание курить есть?

— Я немножко попробовал, потом, испугавшись последствий, бросил. У того, кто попал в плен наркотиков, глаза становятся бессмысленными, зияют дуростью, лица, будто засохшее сено, превращаются в желтое или черное месиво. Очень сильно худеют, руки трясутся.

— Ганя-аа!

— Что?

— В армии не обижали? Что ты якут.

— Сперва, конечно, не без этого. Страшно было. Про Якутию имели представление, как о крае, где по улицам бегают медведи. «Из тундры заарканили тебя, как оленя», — шутили однополчане. Я не обращал внимания, на том и прекратилось. Потом, со временем, стали друзьями. Настоящего друга можно найти и где угодно. Обижают и унижают тех, кто не способен защитить себя, придурков, вялых и заторможенных парней. Русские, когда их много — они в законе. В любой нации, если их два-три человека, русские всегда в центре внимания, лучше их никого нет. В той войне были не только русские. Все были — украинцы, кавказцы, узбеки, киргизы, татары. Кавказцев русские опасались, просто так не трогали. Даже новобранцев. Те отличались солидарностью и поддержкой друг друга... Одного из них тронешь, на завтра из полка приедут двадцать человек на разборку. Такова жизнь там. Айыкка¹⁰, хватит спрашивать...

Весна, долгожданная, обдавая тёплым ветром, согревая палящим солнцем, опять пришла к нам! Студенты — люди, всю зиму заключенные

¹⁰ Айыкка — междометие, выражающее чувство сильной усталости или боли.

в четырех стенах тесной комнаты общежития, как только образовалось свободное время, после занятий, чтобы подышать свежим воздухом, ходили на высоты Чочур Мурана или спешили на городской каток.

А она, в эти дни, чтобы закончить дипломную работу, не выходила из библиотеки. Однажды, когда пришла в общежитие, шум-гам, человеческий гомон были в самом разгаре — собралась молодёжь. Расспросив несколько человек, узнала, что в центральном катке города мирно катающихся якутских ребят, возникшая откуда-то группа русских парней, без разбора, девушка или парень ли, гоняясь, стала бить палками и цепями.

Избитые останавливали машины, патрулирующие городские улицы, жаловались на инцидент, но те вообще не реагировали. В отделе милиции на заявления пострадавших меры тоже не были приняты.

В тот вечер Лиза с Ганей не встречалась. На расспросы ответили, что он и ещё несколько парней находятся в милиции. Назавтра Лиза должна была поехать с однокурсницей Леной в Покровск к её родителям. Поэтому, не обращая внимания на разговоры, споры студентов, их суету, рано легла спать.

Утром кое-как умывшись, даже не выпив чаю, торопливо побежали к вокзалу, сели в восьмичасовой автобус и уехали в Покровск.

Карамзины с радостью встретили гостью, подругу дочери. Жили они в новом большом доме одни, из двоих детей сын Кирилл служил в армии, дочь Лена приезжала раз в неделю, поэтому старики скучали от одиночества. Отец семейства Никифор Семенович — человек среднего возраста, внешне не старый, чернявый, высокого роста — работал в редакции районной газеты корреспондентом в отделе сельского хозяйства. Оказался разговорчивым, много знающим, интересным собеседником. Жена его Мила Михайловна, которую домашние звали Мила-куо, была женщиной полноватой, немногословной, с неторопливыми движениями, будто опасалась что-либо сломать или разбить. Ходила, мерно покачиваясь, как цветок, который колыбался от дуновения свежего ветра.

На рассказы мужа, на его красноречие внимания совсем не обращала, лишь иногда подтверждала словом «да», при этом круглые зрачки глаз, подобные черным ягодам, сверкали миллиметрами лучиками. Это были люди, которые и внешне, и нравом не похожи друг на друга, тем не менее, жившие в любви и согласии.

Никифор Семёнович уже был в курсе событий со студентами. Заинтересовался рассказом девушки. Глядя короткие волосы на круглой голове, произнёс:

— Опять начинается, хотя что-то совершить, для этого подстрекают на избиение якутских ребят. Как могло столько русских собраться так быстро, без причины притом? Если я прав, то, возможно, виновных вообще не будут искать.

— Ужасно как? Виновные найдутся. Ребята, студенты ставят вопрос.

— Так не говорите, девушки... Жизни не знаете. То ли еще будет. Как я слышал, прошлой зимой в здании Партийного просвещения какой-то Мунтян из КГБ прочитал устрашающую лекцию. Он сказал, что русских кадров отстраняют от должностей, в республике имеются большие недостатки в интернациональном воспитании, замечается подъём национализма. Обвинил во всем этом, как инициаторов, наших писателей и учёных.

— Как страшно! — наливая в чашку чай, хозяйка стреляет чёрными, как уголь, глазами.

— А о чём думает обком! Почему не запрещают это? — Лена зло откинула локон волос, ниспадающий на лицо. — Что сделали якуты, проявив националистические чувства? Кто не знает, что в лучших домах живут те, кто приехал из-за пределов республики? Только для них разные льготы, помощь и поддержка. На работах с высокой зарплатой работают только приезжие. А ещё отстраненные, притеснённые, оказывается, они!

— Слишком не кричи, хотуой! Еще кричи во всеуслышание... Между нами говоря, наше руководство делает, то что велит и указывает центр. Поэтому у обкома нет, наверно, возможностей запрещать.

— Правда в том, что Якутия считается богатой. Алмазы, золото, уголь, пушнина продаются без-

мерно, а что мы получили взамен? Там, где живут местные люди, школы, больницы, клубы — старые, ветхие деревянные здания, да ещё вдобавок холодные. Я в прошлом году педпрактику прошла в промышленном поселке Чернышевском. Все дома, клуб, школы, даже общежития благоустроенные, каменные. Еще есть бассейн. А у нас, даже в столице республики есть единственный Саха театр, который гнездится в аварийном здании. Нет строений, о которых хочется рассказать с гордостью. Лишь один, с якутским мотивом, есть Литературный музей. — Лена разочарованно морщит лицо.

— Ну и ну. Да, рассуждения у тебя... Людям не дает спокойно покушать, да и сама ничего не ест, — мать придвигает девочкам пиалу со сметаной, тарелку с кусочками колбасы. — Берите, берите, накладывайте жаркое. А то остынет... В городе, догадываюсь, не всегда готовите, горячее редко кушаете.

— Это уж точно, — поддержала подругу Лиза. — В городе, куда ни глянь, в ветхих, старых домах проживают, мучаются местные жители. Наши преподаватели тоже живут в комнатах ветхих общежитий, страшно плохо живут.

— Хотя говорите правильные вещи, но раньше люди, которые что-то делали для родины и народа — отстранялись, считались «врагами народа». Возьмём, к примеру, наших земляков — братьев Ксенофоновых, образованных, оказавших огромную пользу для республики, какова их судьба? Все они имели ярлык врага народа, все отправились в мир иной очень рано. Бедный их отец, вот совсем недавно, в годы войны, говорят, очень сильно переживал, жаловался на судьбу, умер в душевных мучениях.

Проученные таким горьким уроком, никто больше не желает связываться, не ставит вопроса по ним. Если услышат, что живем в плохих условиях, под гнетом властей, недалеко и до расправы... Я не ворошу прошлое, расскажу про недавнее — о семидесятых годах. Два депутата на сессии ставили вопрос о выделении нашей республике процентов от добычи алмаза, золота и угля. На эти средства республика должна была развиваться. Один из них известный Николаев,

который построил агропоселок Харбалаах. Но здешние долго тянуть не стали, быстренько осудили и выгнали с работы. Николаев, по слухам, работает в Сунтаре в каком-то совхозе агрономом.

— Э-э, этого Ивана Васильевича мои родители знают. На родине, в Кюндээде образовал совхоз, успешно работает. Его пригласил новый секретарь райкома. Организовали шефство с мирнинцами, удачниками, с их помощью ведут большое строительство.

— А вот это — хорошая новость. Таких, способных, деловых людей, если повысится в должности, жизнь наших людей, возможно, улучшится. А у нас наоборот! Случись, проявится один самостоятельный, талантливый, имеющий свой отличный от других взглядом, человек, придумывая доводы и причины, снимают с работы. В одном промышленном районе Севера очень хорошо и довольно долго работал мой однокурсник Кочкин. Он руководил райкомом, вот в те времена он прекрасно справлялся проблемами пришлых людей, нареканий не было. А в обкоме думали иначе, решили, что не слушается их, действует по своему усмотрению, потому и вместо того, чтобы повысить, сняли с должности. Поводом служил донос «охотился на лосей с использованием вертолета». На самом деле сами к нему отправили чиновников, приехавших из центра, чтобы те отдохнули и поохотились. Сейчас говорят, что проводят так называемую перестройку, но, почему-то уверенности, что здесь произойдут изменения, нет.

— Вот, а ты говоришь? Имея такое руководство, хоть ты русский или якут, как же на местах улучшится наша жизнь? Мы, молодые специалисты, неизвестно, сколько лет будем страдать без жилья, — Лена поворачивает разговор на собственную жизнь.

— Что ты говоришь, дочка! Дивное глаголешь. Здесь же в родных местах, где тебя ждут родной дом, сюда приедешь же, и здесь будешь работать, — ласково окидывает дочь нежным взглядом мать.

— Э-эс¹¹, нет. Сюда вообще не приеду работать. Школа старая, да и работают одни женщины. Ни одного холостого молодого учителя нет.

— Ничего себе. До сих пор, неужели, не нашла парня? — вскинул взгляд отец.

— Вы же сами велели стараться хорошо учиться, об остальном не думать, — дочь упрекнула родителей. — В нашем факультете несколько парней, многие из них женаты, а некоторые, жеманясь, сами уподобились девчонкам.

— Того, кто написал «Эллэйаду» — Гаврила Ксенофонтова моя бабушка знала, — Лена увела разговор на другую тему. Успокоившись, не торопясь стала рассказывать то, что услышала от бабушки.

— Какой молодец твоя бабушка! А ты о ней ни одним словом не обмолвилась, — стрекочет подруга.

Вот так, побеседовав от души о разном, о далеком-близком, разошлись по делам. Никифор Семенович вместе с женой пошли на работу. Девушки, помыв посуду, остались в большом доме вдвоём, сели конспектировать уроки.

Назавтра пришла неожиданная весть: «Студенты в большом количестве вышли на улицы, возник огромный скандал, состоялась собрания», — заполнила дома Покровска. Услышав это, Лиза сразу подумала о Гане, ведь услышала же, что он в милиции. Прокралась мысль, что он участвовал в этих событиях, сердце стало биться учащенно. Девушка, запланировавшая отдохнуть пять-шесть дней, переночевав лишь два дня, в спешке возвратилась в город. Она, находясь в плену собственных мыслей, измученная неясностью, в ночь приезда не смогла уснуть. Впоследствии узнала, что в этой вызвавшей огромный резонанс даже в Союзе демонстрации студентов, которой не смогли дать объяснения люди с чуткими и мудрыми мыслями ходил и участвовал ее Ганя.

— Очень было обидно и горько, что не было принято никаких мер, не искали виновных в избиении студентов. До ночи и назавтра утром писали кучу заявлений, шестером-всемером об-

ивали порог милиции, ставили вопрос, но ничего предпринято не было. В конце концов, завели к какому-то подполковнику. Тот разговаривал, будто с наивными юнцами: «Виновных ищем, меры приняты, ждите». Суеты, хождений было очень много. Потом сказали: «Виновных ребят заместитель министра обещал привести на каток». Ждали их.

Какое там. Никто не пришел. Прождав некоторое время, чтобы поговорить, вышли на улицу, и пошли в сторону Министерства внутренних дел.

Нас было много, несколько сот человек. По дороге присоединились прохожие. Когда подошли к площади Ленина, нас остановили. Заместитель министра, оказывается, сидел в университете, догнал на «Волге». Сказали: «Вернитесь в учебный корпус университета, там поговорим». Мы послушались, вернулись. Вот здесь и провели это шумное, резонансное собрание, — рассказывал потом ей Ганя.

После этого случая Гаврила часто стали вызывать в милицию на допросы и собеседования. Несколько студентов, якобы подозреваемые в хулиганстве и нарушении общественного порядка, были заключены под стражу. Ганя возвращался из милиции домой раздражённый, злой.

Следователь давил на Гаврила: «Милиционер ты ударил, сознавайся». «Я шёл в середине колонны. Никого не трогал и не бил», — оправдывался молодой человек, но тот не верил. «Организатором, инициатором являешься, наверно, ты, — продолжал грузить следователь. — Тогда кто ударил, пинал, толкал дружинников и милиционеров, скажи кто?» «Может быть, кто-либо из парней и ударил кого, но я не видел», — ответил Ганя.

К счастью, уголовного дела в отношении Гани не завели. Как он потом сам говорил, помогли два железа — медали, которыми он был награжден в Афганистане, а то бы могли состряпать обвинения и упрятать за решётку. Таким образом, с «орлами» разошлись мирно.

Как мог миновать контроль и слежку старого режима университет, где обучалось множество студентов? Вот только сейчас становится понятным, что среди студентов были сотрудники КГБ,

¹¹ Эс — междометие, выражающее несогласие, отрицание.

их глаза и уши. Хорошо знакомые Гане активные общественники, с которыми общался, — Сергей Наумов и Пётр Созонов — как только окончили учёбу, стали офицерами, сотрудниками КГБ.

В те моменты случилось много открытых разговоров, споров, шуток насчёт власти, тем более работали с ними вместе, организовывали собрания, совещания, что-то делали. Кто бы мог подумать, что эти парни сотрудничают с КГБ? Известно, что сочинений, пересказов, анекдотов о трудной жизни, её негативных сторонах, разоблачающих высокие чины было множество. Даже у Гани был один анекдот, который с большим удовольствием рассказывал друзьям. Он был о бедной жизни и членах политбюро.

Один горький пьяница, безработный, страдающий от безделья, пришёл к Красной площади и, нарвав траву, стал её жевать беззубым ртом. В это время вышел подышать воздухом Косыгин. Увидев алкаша, спросил: «А ты чего здесь делаешь?» «Товарищ Косыгин, в магазине ничего нет. Ем траву, чтобы не умереть с голоду», — бодро, без заминки ответил бомж. «Вот тебе десять рублей, и быстренько уходи отсюда. Сейчас должна прибыть иностранная делегация», — сказал Косыгин. Алкоголик всю ночь пьянствовал. Утром протрезвел и думает: «Косыгин мне дал десять рублей. А если выйдет сам Брежнев, то даст все двадцать пять».

Пошёл опять на площадь, стал рвать и есть траву. Как и ожидал, вышел Брежнев. «Чем ты здесь занимаешься?» — спросил он. «В стране начался голод. Вот собираю траву, чтобы наесться», — ответил пьянчужка. Тогда Брежнев сказал: «Дорогой друг! Ты лучше иди в ВДНХ. Возле нее трава гуще и питательней».

Ныне понимаешь, что когда страной руководил Сталин, за такие анекдоты людей сажали за «клевету на советскую власть», «пропаганду против социализма». Зато во времена правления Брежнева режим был смягчен, массовых репрессий не наблюдалось и такие сатирические анекдоты распространились по всей стране... Как же можно было каждого «ловить за язык» и наказывать? А вот их шутки, юмор, беседы, рассказы, споры, дискуссии, веселье, задор были объеди-

нены в одно целое и, проходя сквозь сито, были доведены до ушей «органов», это уж точно.

Когда Лиза вместе с ансамблем получала визу для выезда за границу на гастроли, КГБ-шники ни разу не вызывали, не беседовали. Были только встречи, наставления, собеседования сотрудников райкома и обкома комсомола. Активистку студентку, отличницу считали, по всей вероятности, надёжным советским человеком.

Всё, хватит перемалывать всякую чепуху, не относящуюся к делу. Как будто это поможет распутать то, чего она не знает. От того, что она перегоняет воспоминания, ничего не изменится. Какая польза от этого?

По закону полости в последние дни, переживания совсем переплелись, как скрученные яички рыболовной сети. Вечерами, лёжа в кровати, думала одно, но без всяких причин, мысли поворачивались в другую степь, отвлекая от основного. И что же потом?

С Ганей и раньше делились мыслями, планировали, как будут строить свою будущую жизнь. Лиза, если не поступит в аспирантуру, хотела остаться в университете продолжать учебу, одновременно работать лаборанткой. А Ганя, без отрыва от учёбы, должен был найти любую работу, обеспечивать смью. Чтобы жить вместе, предполагали попросить комнату в общежитии университета, а если не получится, думали арендовать квартиру или частный дом. Все эти мечтания, планы скомкали те весенние события, связанные со студенческой демонстрацией. Поэтому, они, посоветовавшись, как люди, которые уже соединили судьбы, знакомы много лет, решили официально пожениться.

Ганя, будучи человеком, взятым на заметку, опасаясь, что за ним будут следить, что всё равно не дадут нормально учиться, перевелся на заочное отделение. Куратор Гаврил Васильевич Протодьяконов, после того, как Ганя посоветовался с ним по этому вопросу, дал согласие. «Когда уляжется эта шумиха, возвратишься, продолжишь учёбу в дневном отделении», — сказал он.

Родителям Лизы зять очень понравился. «Серьёзный, основательный, — говорили они. — Ничего что перевёлся, в наше время кто хо-

чет, тот получит образование и заочно». Радости родителей не было предела, потому, что дочь оканчивает учёбу, выходит замуж, в жизни находит свою нишу.

Молодые остались на родине жены, стали жить да обустройства.

Ганя стал работать шофером в одном из коммерческих предприятий, только-только создаваемых в те времена. Лиза полгода учительствовала, потом сидела в декретном отпуске. Ждала дочку. Весной, когда только началась оттепель, наперегонки с яркими лучами солнца, благополучно родила девочку. Эта девочка теперь уже большая, учится в школе.

Послышалось, как открывается входная дверь, спустя некоторое время, она захлопнулась дома. По полу застучали маленькие ножки. Лиза вскочила, поправила края халата.

— А папа ещё не приехал? — прозвучал разочарованный вопрос.

Девчонка, освобождаясь от ремня сумки, изумлённо посмотрела на мать.

— Нет, чукурук¹², ещё не приехал. Давай, переодевайся. Сейчас будем обедать, — отойдя от горьких мыслей, велела дочке Лиза.

Пряча лицо, она вытерла слёзы.

— Туйаара, дорогая, что ты там копаешься? Иди кушать.

Девочка, дую и отхлёбывая горячий суп, торпливо делилась школьными новостями:

— Слышишь, мама... Сегодня по математике и языку получила две «пятёрки». Сардаана Тимофеева не пришла учиться, заболела. Саргылаана Тимофеевна говорит, что скоро соберёт родителей и проведёт собрание.

— Ты бы постаралась правильно говорить! Не говорят по языку получила «пять», надо говорить, что получила «пять» на уроке родного языка.

— Ну, так получилось... Мама-а, послушай дальше... Мальчишки смастерили рогатки, когда учитель отворачивался, по нам стреляли бумажными пульками...

— Ну, хватить жаловаться... Потом вечером поговорим, ладно? Ешь не торопись. Я быстрень-

¹² Чукурук — ласковое обращение к детям.

ко схожу к соседям и бабушке, скоро буду. Ладно?

— Лаа-дно. А я выйду на улицу, поиграю.

— Хорошо, выходи. На улице пока тепло, — мать, надевая пальто, податливо согласилась.

Когда мама вышла, Туйаара налила себе чай, выпила, съела конфетку. Забежала в свою комнату, включила маленький телевизор «Грюндиг» и игровой компьютер. Вложила дискету. На экране началось начало игры и стала играть — складывать разноцветные кубики «Тетрис».

Лиза вышла на улицу. Солнце ослепительно сияло, пекло, образовались лужи. Какой замечательный день для ходьбы и прогулки! Как легко дышится, какой бодрящий чистый воздух!

Как хорошо, чудесно было так радостно, разглядывая окружающих, идти лёгкой поступью по этой длинной улице, сверкающей солнечными зайчиками, если бы не груз тяжёлых мыслей. Но всё это — доброту, ожидание лучшего, мечты — омрачают горечь и печаль.

Есть ведь великая сила, которая высекает и раздувает у человека разные настроения: мечты, веру в будущее, надежду. Человек милосердный с самого рождения до старости, на протяжении всей жизни, ждёт чего-то хорошего, пытается разглядеть своё предназначение. Для него, ожидающего от жизни прекрасное, доброе, волеющего благополучия всем, наступают времена, когда к силе прибавляется сила, к уму — разум. Потому он и ходит весь возбуждённый, готовый неожиданным событиям.

А, если вера и надежда покидают его, ожидания сменяются горем, он падает духом, отступает на пядь.

Если ожидание чуда круто повернётся задом, то человека переполнят слёзы и жизнь перевернётся с ног на голову...

Вот такова она пылкая сила, предоставляющая надежду и веру!

Супруги жили в ладу и согласии. Ганя работал, ни одну сессию не пропускал, экзамены сдавал «без хвостов», дипломную работу защитил успешно и, таким образом, окончил учёбу. Но он знал, что это не только его заслуга. Лиза сидела дома по уходу за ребёнком, потому была сво-

бодна от работы и могла помогать мужу. Выполнение контрольных работ, курсовых, написание дипломной — всё было сделано с её помощью...

Отец мальчика и девочки, человек в расцвете сил, с помощью двух своих работников из числа местных жителей и при поддержке родственников, за два года построил огромный четырёхкомнатный дом современного типа. Справили новоселье.

Во времена нехватки продуктов, дефицита одежды и инструментов, внутреннее убранство дома, бесконечные отделочные и внешние работы довершили мастера, которым муж расплатился телевизором, электрическим рубанком, электродрелью, привезёнными из центральных городов.

Торговля удалась, Ганя и три его товарища-партнёра впоследствии создали предприятие, открыли магазин. Привозили оптом и продавали цветные телевизоры разных стран, видеомагнитофоны, другие товары вплоть до меховых шуб. Хорошо одевались, сытно питались. Появились красивая мебель, удобная утварь: шестисекционный шкаф заграничного производства, прихожая, мягкая мебель, два импортных телевизора, во дворе стояла новенькая автомашина — УАЗ.

Если бы жизнь стояла на месте, то неизвестно, когда бы они собрали деньги на строительство своего дома. В наше время часть молодёжи старается заранее построить свою жизнь, хочет быть состоятельной, самодостаточной. Для крепких, имеющих связи, умелых молодых людей ничего невозможного нет. И правда, что плохого, что они желают быть зажиточными? Только человек, который живет полнокровной жизнью, богатый, хорошо одевающийся, сытно питающийся, может быть свободным и не быть пленником собственных неудач. У свободного и счастливого расширяется кругозор. А неимущий всегда борется за существование, у него ослабевают физическое состояние и умственные способности, возникают зависимости. Куда это денется? От одной ошибки, начинается развал, опрокидывание судьбы...

Нет, Лиза не позволит этому случиться... Она

сделает всё: использует все возможности, обойдёт все инстанции, ничего не жалея, не останавливаясь ни перед чем, не гнушаясь даже тратой больших денег, выручит своего Ганю. Ведь человек создает свою судьбу сам.

«О, когда же наступит завтра! С завершением сегодняшнего дня, ночь пройдёт быстрее. Вряд ли и в эту ночь спать буду спокойно, и вообще усну ли, — думала Лиза. — Буду до поздней ночи читать книгу, пока глаза не слипнутся».

Витая мыслями совсем в другом месте, Лиза, стремительно шедшая по улице, вдруг поскользнулась, чуть не упала, но сбалансировавшись, удержала равновесие. Что за наказание! Ещё не хватало падать на улице... Но, всё равно, надо быть внимательней и осторожней, лучше идти по краю дороги...

После девяти лет совместной жизни трудно что-то утаить друг от друга. То, в каком состоянии тыходишь в дом — радостным или сердитым — известно по походке, по движениям. Нельзя отрицать — мелкие недоразумения, капризы, недопонимания, ссоры у них тоже бывали. Искры гнева надо гасить, не допуская разгорания, надо тушить вовремя и забыть навсегда. Такие недоразумения, как сейчас помнит, были, когда она сидела дома по уходу за двухлетней дочерью. Тогда, конечно же, много было одиночества, ожиданий, обид от этого. Хорошо, что Ганя соответствовал своей суровой внешности и оказался спокойным, толстокожим человеком. При недоразумениях лишь отмахивался: «Перестань, не беспокой меня, устал».

Ну, как же можно было спорить или ссориться с человеком, который не отвечает на крик. Так, постепенно сама успокаивалась и агрессия пропадала.

В первые дни замужества на душе скребли кошки, боялась, что он будет попрекать тем, что не досталась ему девственницей. Думала, что он найдёт какую-нибудь зацепку, чтобы предъявить претензии по этому поводу. К счастью, молчит по сей день. Пил он редко (но на то и мужик, чтобы пить). Казалось, без всяких на то причин. В армии, на войне видел всякое, так что очень хорошо понимал трудности молодых

людей. Некоторые мужчины ревнуют жён из-за пустяков, вгоняя их в страдания и мучения. И сами не живут, и другим не дают, ломают чужие судьбы, в том числе родных и детей.

Обдумывая разные мысли, анализируя их, Лиза прошла довольно длинное расстояние, не заметила, как подошла к дому подруги Лиды. Открыв скрипучую дощатую дверь ограды, прошла через двор в дом.

— Эге, откуда выскочила эта тетенька, скрывавшаяся так долго? — изначально сварливо встретила Лиза, пытавшаяся затопить печку, и не дав опомниться, сама стала тараторить: — Как пришла со школы, вот только что из хлева зашла, накормила скотину. Ночью стучались какие-то хулиганы, дергали за ручку двери, не дали спать. Поэтому поднялась поздно, печку не успела затопить, так и ушла на работу. Не было бы так темно, вышла и поставила бы им фонари под глазами.

— Да, ты и вправду поставишь! Куда мать ушла? — Лиза сняла сапожки, надела туфли и прошла в зал.

— Старушка уже шесть дней как лежит в больнице. Сердце у нее болит, может в обморок упасть, поэтому, опасаясь осложнений, положила в больницу.

— Какие новости в школе? Что он нас говорят: сплетни, слухи есть?

— А что, я должна следить за сплетнями?! Работа горит, коровы не доены, так что покоя вовсе нет у меня. Тебя замещает Матрена Степановна. Позавчера соревновались по лыжам. Я на десяти километрах заняла первое место. Подруга, давай-ка из холодильника что-нибудь достань и приготовь кушать. А я пока расколю дрова и занесу в дом...

Лиза — учитель физкультуры. Энергии хоть отбавляй. Её нескладное тело сложено по мужскому типу: мускулистая, жилистая, как будто железная. Движения у неё угловатые, грубоватые, волосы короткие, никогда не знавшие завивки. Про макияж и вовсе говорить не приходится. Какой мужик захочет к ней подойти? Так что до тридцати с лишним лет она ходит «холостой».

— Ну, что, разогрела пищу? — зашла Лиза,

сбросила дрова у печки. — Давай пить чай. Там должно быть сало. А ещё сухое вино есть. Будешь?

— Давай, вытаскивай, — гостя не стала отказываться. — Хотела вчера вечером выпить для душевного равновесия, да из-за дочки не стала. Апатия какая-то.

— Что за слова, почему нет настроения? Ужас какой! Неужто успели засудить и отправили в тюрьму? Найдешь хорошего адвоката и выручишь, спасёшь своего Ганю. Хотя бы до суда должны бы выпустить. Даже убийцы и те ходят на свободе.

— Тоже верно... Завтра вылетаю. Вечером в пять часов. Узнаю, что да как, и обратно. Из-за чего был конфликт, почему стрелял — неизвестно. Откуда мне знать, что они не могут подельца, почему грабят. О своей работе Ганя никогда не рассказывает.

— Конечно. Надо просто поехать, узнать, что за сыр-бор, в чем проблема. Что за дела, мы же не отрезанный ломоть!

— Чэ, за то, чтобы всё было удачно, — Лиза подняла рюмку. — Настроение поднимается только тогда, когда прихожу к родителям и тебе.

— Нужно, не тормозя, разобраться во всём этом. Говорят, что братва делится на коммерсантов и бывших заключённых. Устраивают разборки. Чтобы эти претензии судить и решить проблемы, говорят, приехал какой-то «положенец» Гоша Кроха.

— Мой об этом ничего не говорил. Товарищей, с которыми работает вместе, домой не приглашал. И это меня устраивало. Не люблю дома посторонних.

— Да, да. Вот этим летом возвращаюсь с сенюкоса. На Кыталыктахе у них, между коммерсантами и заключёнными, шла большая разборка. Много машин было: «Тойоты», «Вольво» других иномарок. По-моему, у некоторых были ружья. Их шухер приказал, чтобы не исчезли, и мы ушли, даже слово не сказали. Там одного зарезали ножом. Рассказывали, что он попал в больницу. По слухам, в магазинах, у предпринимателей-торговцев собирают налоги.

— Такое я тоже слышу. Чэ, ладно, оставим.

Скажи-ка, ещё какие новости есть? Лучше о них расскажи.

— Какие новости? Состязалась по лыжам с той девчонкой, которая на прошедшем ысыахе первенствовала в женской борьбе. На тренировках вместе занимались. На турнике совсем не может подтянуться. «Такая слабая и ещё борешься? В этом году ты на соревнованиях вообще не участвуй!» — запретила я напрямую. Против меня никто из этих девчонок не прёт. Если бы боролась, запросто обкидала бы вдребезги.

— Ого, оказывается, обзавелась новой шапкой? Хорошая кубанка вышла, — Лиза сменила тему разговора, увидев на серванте новую лисью шапку.

— Совсем нет. Себе что ли закажу? Это заказала для сестры-сороки, которая учится в университете. Как получаю зарплату, сразу же ей деньги отправляю. Нынешние студенты кутаются в меха, в шубы, красивые тряпки. Видя всё это, завидует, в каждый приезд изводит меня, плачется, что того нет, этого нет.

— Кто шил? Дивное рукоделие получилось.

— Подруга Тоня сшила. Из улуса два дня тому назад приезжала. А ещё она стихи пишет. Поэзию понимает, вот смотри. По-моему, очень хорошие строки...

— Дай-ка их, почитать, посмотреть... И правда, названия очень интересные... «Мерцающие звёзды», «Берёза родины моей», «Речка Чилэм»... А теперь прочитаем...

***В тёмно-синем бархате неба
Звёзды жгуче сверкают огнём,
Украшив собою полнеба,
Брызнули щедрым, ярким дождём.
Сверкайте, сияйте игриво,
Убаюкайте ночи Нюрбы.
Обнялись в перевале ивы,
Предвещая знаки судьбы.
Берёза нежная в инее,
Украшая родную страну,
Смотрит в небо тёмное, синее
И волнуют душу мою.
Под сиянием яркой звезды,
При свете прекрасной луны***

***Взращу в тех снегах я цветы,
Для людей моей милой страны.***

— Да уж, девушка имеет талант... Это стихотворение может стать прекрасной песней.

— Да какая там девушка? Ей уже хорошо за сорок, зрелая женщина.

— Давай, ещё прочитаем. Чэ, читай вот это:

***Когда рядом нет тебя,
Наверху грустит звезда.
И слова звучат печально,
Затихает всё прощально.
Тоску томную мою
Будто в песне я спою.
Дорогой мой человек,
Счастлив будь со мной навек!
Дома ты, и вот тогда
Наверху блеснит звезда,
Берёз белеет береста —
И это всё ведь неспроста.
Отчего вокруг темно
И безрадостно давно?
Отчего грустит берёза?
И тоска, словно заноза,
Грудь пронзает не щадя?
Оттого, что нет тебя.
Когда дома будешь ты,
Расцветут вокруг цветы,
Мороз трескучий потеплеет,
Нежностью с души моей повеет...***

— Если привести в порядок, огранить, стихи вполне могли бы превратиться в песни. Хорошо бы показать газетчикам или куда отправить...

— Она, чертовка, мне поручила показать в редакции улусной газеты.

— Действительно, отнеси туда.

Так, две подруги, не спеша, никуда не торопясь, беседуя, кушая, сидели за столом. В печке трещали и полыхали сухие дрова. Затопленная печка постепенно обогрела остывшие стены дома. Стало уютно.

Туйааре стало одной в доме скучно, захотелось общения. Был бы брат, поиграли, по бы вме-

сте. Мать с гостей всегда возвращалась поздно. Девочка, устав играть, выключила телевизор и компьютер. Ей хотелось выйти на улицу играть. В такую теплынь, наверно, собралась детвора. Возможно, придут подружки Сардаана и Лика. Если не поленился, еще сходит к брату и сестре Ньургуну и Сандаарыи.

Надев куртку, яркую вязаную шапку, мелкими шажочками вышла во двор. Девочек не видно, лишь вездесущие мальчишки кидаются снежками. Крик-ор, смех, радость без меры...

— Туй... Туйаа-ра-а! Обменяемся касс-кассетами? — заметив ее, прибежал запыхавшийся соседский мальчик Михайлов Банчик, весь покрытый липким снегом. — Вот у меня «Американский ниндзя», — с трудом вытащил застрявший в узком кармане куртки плоский коробок видеокассеты.

— Не одолжу! В прошлый раз брал кассету и дал поиграть всем ребятам. Не отдам. Потому что не приносишь обратно, — подтверждая свой отказ, Туйаара даже не стала смотреть на кассету, отвернулась.

— Жадина, жадина... Тууйас-тыыйас! — рассердившийся мальчишка резко крикнул. — Пахай, пахай¹³! Твой папа лежит в тюрьме, лежи-ит!

— Неправда, неправда! Вот тебя самого посадят. Дьяабы-дьюубу¹⁴! — девочка тоже не стала молчать, стала браниться.

— Дура, дурындыа... Губы отвисли... Порасспроси-ка у матери... Моя мама говорит, что отец Омукowych убил человека, и сидит в тюрьме... Это ты знаешь?

— Ложь, ты врешь! — девчушка не нашла слов, чтоб ответить, замолчала.

Она понурила голову, стояла, будто оглушенная, в одиночестве посредине улицы. Маленьким сердцем догадалась, что мальчик говорит правду. Вот почему отец не приезжает. Ведь давно же уехал.

Тонкие губы Туйаары стали дрожать, неожиданно брызнули слезы из глаз. Мальчик только тогда заметил убитое лицо шмыгающей носом

девочки. Оглядываясь назад, ссутулившись, он побежал прочь.

Вдруг со стороны реки подул весенний рьяный ветер. Острые верхушки деревьев, кучно протянувшихся с долины Куочая вдоль дороги, заволновались, стали с шумом качаться...

— А ты почему здесь стоишь, плачешь? Мама куда ушла? — Нэлээсэ, вышедшая за дровами, увидела девочку, отбросила дрова. — Иди-ка сюда! Этот мальчик длазнился? Зайди в дом. Оладьи будем кушать. А куда же мой сын заплостился? Опять, навелное, пьянствует!

Нэлээсэ взяла девочку за руку и повела к себе домой.

*Перевод с якутского
Николая ПЕТРОВА.*

¹³ Пахай — междометие, выражающее презрение, отвращение, разочарование.

¹⁴ Дьяабы-дьюубу — безобразный плохой.

Литературный фестиваль-конкурс «ПОЭЗИЯ РУССКОГО СЛОВА»

28–30 сентября в Анапе прошёл IV Всероссийский фестиваль-конкурс «Поэзия русского слова», учредителем которого стали Краснодарское краевое отделение Союза писателей России и Администрация города-курорта Анапа. В этом году на конкурс поступило свыше ста тридцати заявок из тридцати регионов России.

Успех сопутствовал участникам из Якутии: Ольга Пашкевич заняла второе место в номинации «Малая проза», категория «Мастер», а Ольга Фролова-Янцен в номинации «Поэзия», категория «Открытие» и третье место в номинации «Поэтический перевод».

Возглавлял жюри Президент фестиваля – конкурса Василий Владимирович Дворцов, заместитель председателя – генеральный директор Союза писателей России, куратор Совета молодых литераторов Союза писателей России, член Высшего творческого совета Союза писателей Союзного Государства Россия-Беларусь. Рассматривали конкурсные работы известные поэты, прозаики, публицисты: С. Н. Макарова-Гриценко, В. А. Динка, Е. Е. Пиетийнен, Н. А. Зиновьев, Н. А. Ивеншев, С. А. Лёвин.

В дни работы фестиваля состоялись творческие встречи членов жюри с учащимися школ и студентами, выставка – продажа авторских печатных изданий участников фестиваля-конкурса, пешеходная экскурсия по Анапе и посещение археологического музея «Горгипия», а также гостей тепло приняло литературное объединение «Парус» г. Анапы.

Предлагаем нашим читателям подборку стихов членов жюри, участников и организаторов поэтического фестиваля-конкурса.

Елена Пиетиляйнен,
г. Петрозаводск

Между Ладогой и Онего,
Где горячий пахучий мох,
В колеснице июль проехал,
Август лето закрыл на замок.

Между Ладогой и Онего –
Жилы счастья и вены рек.
Путешествует на телеге
Странный искренний человек.

Между Ладогой и Онего,
Где у елей растёт борода,
В предвкушении первого снега
Деревянные спят города...

Над взлётной полосой – снегопад.
На взлётной полосе – обледенелость.
А я живу, шагая невпопад,
Себя коря за слабость и несмелость.

Над взлётной полосой – горизонт,
На взлётной полосе – рябые лужи.
Не парашют держу – всего лишь зонт,
Он мне единственной
защитой
служит.

Топчась внизу, я вверх смотрю,
как все, –
Идёт гроза! Я от неё укроюсь!
Но нет! – бегу по взлётной полосе
И постепенно набираю скорость...

Александр Пасхин,
г. Гусь-Хрустальный,
Владимирская обл.

В часы житейских ненастий
К Парнасу трудно лететь.
Среди забот и напастей
Увидеть хочется счастье,
Да как его разглядеть?

Писать бы набело.
Сразу!
И рифмы густо стелить.
Назло заезженным фразам
Спать бы душу и разум.
Да как потом разделить?

Чтоб лира не обветшала,
Гордыню надо смирять.
В потоке критик и жалоб
Найти себя не мешало б.
Да как бы не растерять?

* * *

Понимаешь, не сложены крылья,
И душа без полёта болит,
Душит воздух, не смешанный с пылью.
Что-то в путь собираться велит.
Ветер воли, любви и скитаний
Поселился однажды во мне.
Он безжизненный парус мечтаний
Наполняет дыханьем извне.
Не поспоришь с дыханием ветра.
Вот и сердцу неймётся в груди...
И лежат позади километры,
И они же бегут впереди...

Лариса Каменщикова,
г. Анапа

ШТОРМИТ

Штормит. Прибой катает камни,
Волну швыряя за волной,
Из глубины, повадкой давней
Крушит покой береговой.

А волны жадно лижут берег,
Глотая гальку и песок,
Как хищные морские звери,
Достать моих стараясь ног.

Но я спокойна. Только брызги
Мне ожерельем жемчугов.
Июль. Живу курортной жизнью
У черноморских берегов.

Зинаида Палиева,
г. Анапа

Полковнику никто не пишет.
А мне не позвонит никто.
Моя любовь на ладан дышит,
И ветер просится в окно.

Он хочет в форточку ворваться,
Пройтись по шторкам сквозняком,
Меня заставит разрыдаться,
И снова рассмешит потом.

Свечу потушит... Тише. Тише!
Долой дневную суету.
Полковнику никто не пишет?
Так, может, написать ему?

За осени тепло и слякоть.
За деревянный твой порог,
Где никогда не стыдно плакать.
Благодарю тебя, мой дом,
За то, что брал меня на руки,
За то, что под твоим крылом
Поднялись дети! Будут внуки!
Опять щекой своей коснись
Я вышитого полотенца
И благодарно помолюся
За твой покой, за крик младенца
В твоих стенах!!!

Вячеслав Динека,
г. Краснодар

Всё дожди и дожди, и промозглые серые ветры,
И раскисшие русла протянутой в степь колеи...
Мне опутали сердце, Отчизна, твои километры,
Закалили мне душу бескрайние дали твои.

Проводите добром утомлённое нежное лето,
Отпустите осенние листья взлететь в облака,
И зима вам свои, начинённые
солнечным светом,
Парашютно-десантные вышлет войска.

И пойдёмте в поля –
искупаться в серебряном чуде,
И в молочную свежесть нырять
раскалённым лицом!
Тот, кто пережил это, на вечные веки не будет
Подлецом...

Кто хоть раз омывался твоими снегами, Россия,
В бесприютной степи,
где за сотнями вёрст – города,
Кто вдыхал полной грудью твои роковые стихии,
Тот уже не предаст никогда.

* * *

Знаешь, птицы летят
в те края, где сытней и теплее,
Растворяются в тучах бесследно –
зови, не зови...
На мгновенье зависнув,
прощально над кронами рея,
И не надо им знать
ни печалей моих, ни любви.

Не моё это дело...
А я бы летал по-другому–
Распахнув над простором
прозрачные крылья небес,
Чтоб навеки остаться
защитой родимому дому,
Светлой памяти детства,
открытый его и чудес...

А они улетают. И что-то кричат, улетаю.
Их нельзя удержать
за заслонами наших границ.
Лишь зарядят дожди,
лишь забрезжит пора золотая –
Слышно хлопанье крыльев
за тучами тающих птиц.

Вот и снова летят –
им не люб этот воздух дождливый,
Эти хмурые степи с крестами забытых могил,
Им не нужен мой дом,
им не мил мой приют сиротливый...
Не моё это дело...
А я бы –
любил и любил!

Марина Капуста,
г. Краснодар

Депрессия

Весна как раскраску расцвѣтила город,
На грядках теснятся семейки нарциссов,
Сосед для чего-то сажает маисы
И вроде от спячки очнуться есть повод –
Побелка деревьев, покраска забора,
Но мягок диван, да и нету задора.

Вот лето искрится, играет, мелькает,
В окошко открытое, вспрыгнув как кошка.
Вдохнут занавески:

«Пройдись хоть немножко,
Взгляни на небесную синь с мотыльками!»
Наполнены окна небесным простором
Таким же бескрайним как там, за забором.

По лужам осенним плывут светотени,
А следом бежит непогода босая,
Парчу золотую на кроны бросаю –

Погода для лени и стихотворений.
Отправлю тебе я с почтовым Пегасом
Своих бесполезных словес выкрутасы.

В объятиях юного первого снега
Казалась прозрачной декабрьская ночь.
Такая же ночь поставила точку
На всѣм, что сближало нас. Точка. Омега.
...Меня приручили диван, одеяло.
А, может, всё сон и меня вдруг не стало?

* * *

Я свет отражѣнный, я снег прошлогодний,
Меня почти нет, как метелей на юге,
Меня за собой не помянут подруги,
Я с Миром не в мире, себе не угодный.
...Но если однажды услышу твой голос,
Я в жизнь прорасту, на твой свет,
словно колос.

*Подборку подготовила
Ольга Пашкевич.*

Дана САРД

МАШЕНЬКА, МАША, МАРИЯ ИВАНОВНА

Даже не верится, что когда-то меня звали Машенькой. Машень-ка! В том, как произносили мое имя, чувствовалось столько умиления, что даже этот шипящий звук «ш» ничуть не искажал звучания. Наоборот, он будто давал понять, что девочка-то, не простая: может, и милая, но с характером. В младенчестве меня любили и всячески баловали, позже – тянулись, а некоторые даже побаивались, и потому, все равно тянулись. Мне нравилось быть главной среди своих, нравилось, что атмосферу вокруг себя создаю именно я. Именно с таким ощущением полной уверенности в себе и твердым убеждением, что мир вертится вокруг меня, я поступила в один из центральных вузов.

В студенческом общежитии меня поселили с девушкой из Рязани Валеи. Ее лицо, словно поляна с незамысловатыми одуванчиками, было густо усыпано веснушками. Увидев ее в первый раз, я чуть не прыснула со смеху: ей Богу, эти рыжие точки придавали девичьему лицу весьма карикатурный вид. «Давай, скинемся деньгами!» – огорошила она меня в первый же день. «Это еще зачем?» – сморщила брови я. «Как зачем? Вместе будем покупать

ДАНА САРД. МАШЕНЬКА, МАША, МАРИЯ ИВАНОВНА.

продукты, готовить! Так ведь гораздо экономнее выйдет?!» – деловито заявила она. – «О, нет, я – пас!» – в город моей мечты я попала не для того, чтобы ежедневно стоять у плиты. Я выбрала театры, музеи, выставки, встречи с интересными и творческими людьми, которые с придыханием говорили о вечных ценностях. Такая жизнь меня вдохновляла и устраивала полностью. Но, когда я поздно вечером возвращалась в общежитие, и комната встречала меня запахом кислых щей и пережаренных котлет, я понимала, что есть ведь и другая жизнь, совершенно обыденная и оттого унылая, например, как у Вали.

Впрочем, откуда ей было знать о том, какие мысли вьются в моей голове; она каждый раз с материнской заботой предлагала: «Машенька, хочешь пирожок?» – «Нет!» – отведать ее стряпни означало бы только одно: что я с ней наравне. А это было не так. Валя, со своими жалкими сковородками и кастрюльками, бесчисленными тряпками и полотенцами, которые она стирала и по старинке кипятила, вызывала во мне чувство жалости и отвращения. И потом, ну зачем покупать за раз столько продуктов? Я бы, например, постеснялась идти по улице с пакетами, полными картошки, лука и капусты. «Не тяжело?» – для приличия интересовалась я. «Да нет, своя ноша-то не тянет!» – бойко отвечала она. Валя напоминала мне мать большого семейства. Что, кстати, в скором времени подтвердилось: на третьем курсе Валя благополучно вышла замуж за такого же простого парня, как и она сама, и, счастливая, переехала в заводское общежитие. А я осталась в комнате одна. Запах щей-борщей в скором времени улетучился, вместо этого комната наполнилась ароматом моих сладких духов.

Студенческие годы пролетели как одно яркое мгновение. Мой результат – красный диплом, а Валя – обычный синий, да двое мальчиков-погодков.

Признаться честно, после университета возвращаться домой не хотелось, город мечты к тому времени стал настолько «моим», что я чувствовала себя в нем как рыбка в воде. Но вмешались родители. «Где родился, там и пригодился!» – убеждали они меня. «Ну, кто в век глобализма рассуждает так узко?!» – негодовала я в ответ. Однако родителей тема глобализма не волновала, их беспокоило только одно: дочка должна быть рядом. Последнюю точку поставил отец, путивший в ход самое опасное оружие: в

телефонном разговоре он жалобным, я бы сказала, утробным голосом сообщил: «Машенька, я болен». Пришлось смириться и брать билет в один конец.

Позже выяснилось, что болезнь отца пустяковая: стоило ему мало-мальски соблюсти диету, и он моментально пошел на поправку. Я же попыталась устроиться на работу в одно предприятие, считавшееся перспективным. Собеседование прошло успешно, думаю, успешнее всех остальных кандидатов вместе взятых, но вот невезуха – начальница отдела кадров срезала меня без всякого сожаления. А все потому, что я ей не понравилась с первого взгляда: слишком красивая, слишком ухоженная, слишком самоуверенная и слишком умная.

Тогда я не на шутку разозлилась и назло родителям, чтобы те почувствовали себя виноватыми в моем крахе, уехала в районный центр. Конечно же, с моей стороны это был крайне не обдуманный шаг: я знать не знала, что такое село. Ну, и узнала в скором времени на свою голову. Инфраструктуры – ноль, счастья и радости тоже ноль! Ни-че-го хорошего! Глядя на свои безупречные ногти, я тоскливо думала: «И что же я здесь, Машенька, делаю-то, и как долго продержусь? Месяц, два, полгода?» Если бы кто-нибудь в тот момент сказал, что я останусь в этом поселке надолго, а может быть даже навсегда, то я бы точно решила, что он рехнулся! Сельская жизнь меня угнетала. Эти мужчины, вечно взъерошенные, будто только что вышли из картофельных полей, и эти женщины, с тяжелыми продуктовыми пакетами в руках (и чего они все тащат и тащат!) – все это никак не вдохновляло. Казалось, тень Вали из Рязани, вечно нагруженной, режущей, мешающей, чистящей, преследовала меня. На работе, а я по специальности экономист, разговоры велись все о том же – о щах и борщах! Одним словом, не удалось мне примкнуть к местной элите.

И я, честное слово, дезертировала бы оттуда, не случись одно важное обстоятельство. Рядом со мной каким-то странным образом оказался «первый парень на деревне». Тот, по ком вздыхали местные девчата, выбрал именно меня – странную и непонятную для всех остальных, зато желанную для него. Когда он сладострастно шептал мне на ухо: «Ма-ашенька, Машенька...», я сдалась. Справедливости ради надо отметить, что мне захотелось утереть нос местным

девицам, казавшимся мне тогда такими заносчивыми и скучными. К тому же внутренний колокольчик уже подавал тревожные сигналы: «Время идет, время идет, а ты все одна, Машенька!» Одним словом, этот молодой человек с коротким и твердым на слух именем Петр, что в переводе с древнегреческого языка означает «камень», как нельзя лучше подходил на роль мужа: хозяйственный и работающий, эдакая Валя с Рязани, только в мужском обличии, явно бы меня не подвел.

Как выяснилось чуть позже, дома Петра моего звали не иначе как «Петрушенька». Зато я вместо Машеньки в одночасье стала Машей. Звонкое «ш» в моем имени отныне звучало как шипение змеи. «Маш-ша! Ты почему так долго спишь?» – свекровь невзлюбила меня люто. Как увидела краем глаза мои красные ногти на пальцах, да чересчур длинные ресницы на глазах, сразу же сделала для себя соответствующие выводы: эх, не та, не та девица досталась ее единственному сыночку! «Ну и болван же ты! С такой Машей у тебя впредь одни проблемы будут!» – безо всяких обиняков заявила она любимому отпрыску при мне же. На что Петрушенька пусть тихо, но все же возразил: «Она хорошая, и я ее люблю!» Свекровь, редко слышавшая от своего чада отпор, смолчала – хватило все ж таки ума ей прикусить язык.

Зато меня она доставала своими поручениями: «Делай это, делай то!» Я, что, рабыня ей? «Выходной же?» – сопротивлялась я как могла. «Маш-ша, ну и что с того что выходной? А кто уборкой-то будет заниматься-то, или пусть пыль клубится по углам?!» Мой муж только за пределами дома становился настоящим Петром, энергичным и уверенным в себе, а дома, удивительное дело, рядом со своей властной мамочкой, эдакой Вассой Железновой во плоти, он в мгновение ока превращался в мягкого и послушного Петрушеньку. Справедливости ради надо отметить, что вдвоем они ладили прекрасно: шутили и смеялись, взахлеб рассказывая друг другу какие-то случаи из прошлого, о которых я знать, не знала. И эта их одна-единственная фраза «А помнишь?», с которой они обращались друг к другу, ставила меня в ступор, напоминая о том, что я в их компании лишняя.

Впрочем, отдельно взять, мы с мужем тоже души не чаяли друг в друге. Он смотрел на меня с таким обожанием и трепетом, будто перед ним не девушка

из крови и плоти, а неземной ангел. Соответственно, мы жили будущим, в мечтах строили воздушные замки. Одним словом, кто-то в этом треугольнике был явно лишним. Но вот кто? В нашей новой семье страдали все, и больше всех доставалось мужу: Петруша метался между мамой и мной, пытаюсь угодить каждой из нас. Впрочем, в скором времени ситуация изменилась коренным образом. Я забеременела. Свекровь, узнав эту новость, изменилась до неузнаваемости. Она воспылала ко мне со всей материнской нежностью и заботой, неусыпно следила за моим питанием, сном и отдыхом. И даже в ее обращении ко мне звук «Ш» превратился в более мягкое и теплое «Щ», так что мое имя из ее уст звучало вполне ласково. Лишь позже я узнала причину столь разительной перемены в ее поведении: Прасковья Ильинична пеклась не обо мне лично, а о зародившейся во мне новой жизни, частички ее. Я же служила лишь необходимым проводником в этой самой цепочке.

В положенный срок я родила мальчика. Само собой, ему дали имя Петрушенька с приставкой «младший». Внимание бабушки теперь переключилось на внука, и она на некоторое время оставила меня в покое. После родов я то ли от усталости, то ли от осознания того, что подарила миру нового человека, окунулась в сонное царство, будто погрузилась в воду. Сон одолевал меня повсюду, даже, когда я кормила грудью, стоило только мне закрыть глаза, как тут же на меня накатывало знакомое тягучее состояние.

Сами понимаете, долго так не могло продолжаться. Однажды, едва открыв глаза и все еще находясь в полудреме, я услышала недовольный голос свекрови. Сначала мне показалось, что это явно сон, так сказать, сон во сне, ведь наши отношения в последнее время стали вполне дружелюбными? Но ворчание продолжалось. И, наконец, до моих ушей отчетливо донеслась ее тирада: мол, эта Маша никудышная мамаша, только и делает, что ест да спит, совсем перестала смотреть за Петрушенькой-мл., и что все хлопоты по уходу за ребенком я взвалила на плечи старухи-пенсииерки! Ясное дело, эти слова предназначались для мужниных ушей. «И где это видано, чтобы муж после тяжелого рабочего дня приходил домой и стирал грязное белье малыша? Этим должна заниматься мать!» – причитала Ильинишна. «Она же устает!» – пытался возразить мой муженек, одна-

ко Ильинишна как всегда, была куда убедительнее: «Устает! Да она целыми днями только и делает, что дрыхнет!»

Лежа под толстым пуховым одеялом, я понимала, что все возвращается в круги своя, и что пора, наконец, поставить жирную точку на всем этом безобразии. Я встала, вышла из спальни и села рядом с ними. Помню, как тревожно посмотрел на меня Петрушенька и с каким негодованием свекровь. Но я решила не обращать внимания на тираншу: пусть хоть сколько причитает, меня этим уже не возьмешь! Вместо этого я, четко выговаривая каждое слово, обратилась к мужу: «Дорогой, мы должны переехать в другую квартиру, пусть даже съемную, и начать жить самостоятельно! Чем раньше мы это сделаем, тем лучше!» Помню, как испуганно заморгала Ильинишна (ой, не ожидала она такого поворота событий!) А Петрушенька промолчал, но я поняла, что он все делает именно так, как я сказала.

Нет худа без добра. Именно этот случай сподвиг нас к тому, что мы в скором времени купили участок и построили небольшой дом. Все бы ничего, да бабушка под видом того, что ей надо проведать внука, часто навещала нас, и каждый раз оставляла за собой порцию яда. Ей все мерещилось, что я ничего не успеваю и мало занимаюсь домом, ее раздражало даже то, что я стала ходить на йогу. «Так мне же надо поддерживать форму?!» – пыталась защититься я. «Хм-м, форму! Если хочешь быть подтянутой, дома двигайся больше! Можно подумать, делать тебе нечего! Вон, шкафы не убранные стоят!» – верещала она.

Не знаю, как долго бы это продолжалось, но нагрянула беда, нанеся на нас сокрушительный удар. В автоаварии погиб Петрушенька. Горю нашему не было предела. Прасковья Ильинична из статной, дородной женщины в одночасье превратилась в изможденную старуху. А я, как обычно, окунулась в царство сна, будто там искала свое спасение. Дай мне волю, я бы проспала всю жизнь. Но вот однажды, открыв глаза, я увидела Ильинишну за обеденным столом. Она напомнила мне старое, засохшее дерево, готовое при порыве ветра упасть на землю. Худыми, как сухие корни дерева, узловатыми пальцами рук она теребила волосы внука, болтавшегося рядом. Дома стояла оглушительная тишина, свекровь уже не

ворчала по своему обыкновению, а ведь могла: дом запущен, как старый сад, ребенок растет трын-трава.

Не в силах вынести эту тишину, я встала и вышла на улицу. Оказывается, наступила весна, скоро растает снег и позеленеет трава. Крепко сколоченные теплицы напомнили мне о безвозвратно ушедшей жизни, о муже. Осенью, когда мы дружно сняли урожай, Петрушенька, кажется, второпях забыл свои перчатки на палисаднике. Но, может, он вовсе и не забыл, а просто хотел весной сразу их надеть и взяться за весеннюю работу? От этой мысли мне стало еще горше, и я почувствовала, как к горлу подкатывает комок. Чтобы не заплакать, я отвела взгляд в сторону и увидела в правом углу двора гору пиломатериала. Бедный Петрушенька хотел построить большой двухэтажный дом, да не сбилось. «Скоро все это добро сгниет, ведь строить-то некому? Да и к чему теперь нам большой дом?» – с тоской подумала я.

Сидя на скамейке, я грелась под яркими лучами весеннего солнца. Казалось, солнце своей энергией оживляло каждую клеточку моего обмякшего тела, и я чувствовала, что постепенно будто пробуждаюсь после долгой-долгой спячки.

Когда я сообщила свекрови, что летом начну строительство дома, она, кажется, хотела возразить, но, заметив мой решительный настрой, воздержалась.

Когда надо, откуда-то появляются сила воли, сметливый ум и желание жить. Наблюдая за тем, как с каждым бревном очертания будущего дома приобретают вполне реальный вид, я понимала, что смысл жизни не в снах, а в движении. Вместе с домом я открыла небольшой бизнес. Хорошее образование и чувство ответственности (ведь на мне не только Петрушенька-мл., но и свекровь), в скором времени дали свои плоды: пусть медленно, но все же я встала на ноги. Теперь я меньше сплю и много работаю. Когда раздается домашний телефон, трубку обычно берет Прасковья Ильинична, перебравшаяся недавно к нам жить навсегда: ведь, мы, как ни крути, одна семья. Меня искренне забавляет то, как она деловито отвечает: «Нет, Мария Ивановна, в данное время никак не может подойти к телефону, она занята». Да, теперь меня все зовут Мария Ивановна. И это имя мне нравится очень, даже больше, чем Машенька и Маша.

Книга народного поэта Якутии Михаила Тимофеева «Первый снайпер» («Бастаки снайпер») вышла на якутском языке в 1971 году, переиздана с дополнениями в 2011 году, переведена на русский язык в 2018 году.

Это документальная повесть о первом якутском снайпере, зачинателе снайперского движения, кавалере ордена Красного Знамени, награжденном медалью «За боевые заслуги», значком «Отличный снайпер» Дмитриии Алексеевиче Гуляеве, которому 20 октября 2018 года исполняется 100 лет. Народный поэт Якутии С.Р.Кулачиков-Элляй в 1942 году посвятил Дмитрию Гуляеву такие строки:

**Родной народ!
В дни праздника ысыаха
Расскажем о наших героях,
Вспомним, кто же они!
Как Гуляев меткий,
На три головы фашиста
Не истративший
Больше трех пуль,
У нас сто таких
Лучших людей
И бесстрашных воинов.
Эта могучая весть,
Для врага губительная,
Для народа благодарная,
Пусть наполнит гордостью
И силой сердца людей,
Собравшихся в круге танца,
Для растущей юности
Пусть станет
Лучшим примером!**

Представляем журнальный вариант - заглавную часть книги «Первый снайпер» под названием «Лоскутки», состоящую из ярких детских воспоминаний Михаила Тимофеева о старшем двоюродном брате, писем с фронта Д.А. Гуляева.

Перевел заслуженный работник культуры РС(Я), лауреат Государственной премии Республики Саха (Якутия) в области журналистики, член Союза писателей Республики Саха (Якутия), член Союза журналистов Российской Федерации Николай Николаевич Петров.

Михаил ТИМОФЕЕВ,
народный поэт Республики Саха
(Якутия)

ПЕРВЫЙ СНАЙПЕР Лоскутки

*У могилы отца
Рядом не похоронен,
В жестоких сражениях
Ты закрыл свои глаза.*

Пантелеймон Туласынов.

Семен Иванович Колтовской, мой земляк и друг детства, в тяжелые военные годы живший со мною в одном доме, каждый раз при встрече спрашивал:

— Догор*, почему ничего не пишешь о брате Дмитриии? Умершие, погибшие остаются в забвении, — и смотрел укоряющим взглядом.

— Э-эй, когда напишу... Да еще скажут, что умершего человека, своего родственника только прославляет. Едва-едва помню его, он в армию ушел, когда мне, наверно, было шесть-семь лет, — отвечал я и отказывался.

Действительно, так и есть. Детские впечатления, хоть и неясные, как утренние сумерки или тени, все же остаются в памяти, не забываются. Мои воспоминания о Дмитриии (его имя по-якутски Миитэрэй) как картины, мелькающие в кадрах кино, лоскутки, мелкие кусочки.

ЛОСКУТОК ПЕРВЫЙ

«Первый призыв»

Лето клонилось к осени, наверно, месяц сентябрь. Когда вечером с наступлением сумерек, мы, семья, проживающая у большой дороги, собирались спать, вдруг услышали стук копыт, это прибыли около тридцати всадников. Некоторые из них входили в дом, обнимались, целовались, прощались, выходили. Среди них был и Миитэрэй. Повестка нашла его, полевого бригадира, когда он вместе с другими находился на сенокосе в местности Дабан, что от нас в нескольких десятках верст.

Прощаясь с моим отцом, пожимая его руку, напомнил:

— На озере остались сети, не было времени и возможности вытащить улов.

Но отец не слушал его, по старинному обычаю делал в воздухе кресты перед лицом Миитэрэя и что-то шептал про себя. Кажется, благословлял. Мать из подполья вынесла туесок с маслом, который держала про запас, отдала Миитэрэю, тоже поцеловала его. Миитэрэй взял этот туесок, перекинул через плечо ровдужные торбаза «сарыы» и легкой поступью направился к выходу. По пути поднял меня на руки и, то ли всерьез, то ли в шутку, сказал:

— Мы все уходим на войну, так что с этого дня ты остаешься главным сенокосчиком и заготовщиком дров, так что будешь кормить и ухаживать за отцом и матерью, расти скорее! — опустив меня на землю, понюхал в лоб и стремительно выскочил наружу.

Мы все домашние торопливо вышли во двор. Было темно. Упали крупные, как слезы, капли. Начался дождь. А мы, босоногие ребяташки, собравшись под навесом сеней амбара, слушали песни и тойук*, раздававшиеся на дальнем берегу озера, и стояли, пока звуки совсем не потерялись в гуще западного леса и тропинку не поглотила темнота.

Это, по словам матери, был «первый призыв».

* Тойук - песня-импровизация.

ЛОСКУТОК ВТОРОЙ

В Онхое

В предисловии я сказал, что Миитэрэй наш родственник. Он — старший сын сестры моего отца, старушки Степаныи. У него есть брат Прокopies, младше на шесть лет. Отец их, Алексей Чоон, как говорили, мужественный медвежатник, знаменитый охотник, «зверя мимо не пропустит по земле, пернатых - по небу»*. Был известен как удалой, ловкий и быстрый человек.

Рассказывали, что в детстве, когда Алексей гонялся за подраненными утками, его чуть не задрал медведь. Содрал кожу с затылка и накрыл ею лицо мальчика. Так, закрыв глаза мальчишки, медведь решил, что он умер, и поэтому

* Якутская пословица.

медленно удалился к лесу. Тогда парнишка потихоньку встал на четвереньки, прополз немножко, потом встал и побежал в сторону озера к лодке. Медведь, заметив это, догнал мальчика и, не давая возможности добежать до озера, опять напал на него. Мощными лапами сжимал и мял мышцы парня, как игрушку, подбрасывал вверх, играл с ним, будто с палочкой-хабылыком**. Ушел в лес только тогда, когда ребенок уже не подавал признаков жизни, и то некоторое время лежал рядом, ждал.

Мальчик, притворившийся умершим, открыл глаза, вскочил и изо всех сил побежал, и, наконец, вспрыгнув в лодку, стал что есть мочи грести на середину озера. Проплыв некоторое расстояние, оглянувшись, увидел — медведь, яростно рыча, стоял на берегу, как огромный черный пень, на задних лапах. Алексея, истекающего кровью, обессиленного, нашли и спасли родственники у места причала лодки.

Впоследствии он, будучи неграмотным, активно работал в организации наследного совета, создании колхоза и в ликвидации кулаков.

Был проводником в поимке неуловимого главаря вилуйских бандитов, человека, в те времена с «высшим» образованием, по имени Маччаасай. Поймали его около тунгусской землицы в местности Тенургэстээх.

Умер Чоон преждевременно в довольно молодом возрасте. Ставя мережу на озере, вонзил ногу в острие ржавой косы, пролежавшей на дне озера. Началась гангрена, вследствие которой он через несколько дней умер. Мать их, как я помню отрывками, соседствовала с нами в одном доме, тоже умерла после долгой болезни. Так что оба сына, остались круглыми сиротами, как два рога быка.

Старушка Степанья в молодости, была, говорят, искусной швеей, мастерицей отменной. Волосы с носовой части важеньки три раза скручивала в узелок. Раньше мастерство и способность женщины к шитью определяли этим умением. У моей матери было берестяное ведро «ыагыя» для сметаны, которое она, объясняя, что это сотворенный руками Степаньин подарок, не позволяла трогать, образно говоря, «тем, у кого

имелись ногти». Это «ыагыя» имело, тальниковый ободок, опоясывающий его тонкими черно-белыми волосяными нитками. Было приятно смотреть на разные замечательные узоры в виде орнамента «таналай», рисунков-зигзагов «дьяргаа». Так я сейчас думаю. Девушки на выданье всегда хранили у себя в ящиках сшитые Степаньей шапки «дьябака», украшенные узорами теплыми рукавицы, изготовленные ею ровдужные торбаза «сарыы». Восторженно сказывали, что оторочка на одежде из оленьей шкуры, а также на унтах из лап важеньки, шубы из меха, сшитые Степаньей, будто совсем не имели швов — так искусно они были изготовлены.

Наши предки, род по линии дедушки Тимофея — три-четыре хозяйства, издревле проживали на границе наслегов Дьюоху и Модут на северной стороне озер Нэлэкээ и Кюсюччю.

Нэлэкээ — озеро круглое, наподобие скворороды, в длину и широту простиралось соответственно на три версты. Вокруг сенокосные угодья. В первые колхозные годы здесь были пашни с обильным урожаем зерновых. Это озеро было окаймлено высоким лиственничным лесом с примесью берез и осин. Возле воды на краю леса росли ивы и тальники. Летом здесь ярко пламенели багряным светом красная смородина и земляника, разносился ароматный запах спелой смородины, княженики, малины. На пригорках — ягель, голубика; в лесной чаще расстилался зеленый ковер с множеством ягод брусники. Озеро и сейчас славится в Вилуйском районе обилием пернатой дичи, карасями, богатым уловом мелких рыб, таких как гольяны, жирные красавки. Во время нереста тихим вечером, если взглянуть, в лучах заходящего солнца широкие просторы воды кипят из-за игрищ рыб, мелкие брызги воды сверкают, будто кто-то разбрасывает золотые и серебряные монеты.

На озеро стаями садились турпаны, летом размножались все виды уток и выводили свое потомство на водах озера. В устьях долин, ручейков и притоков летом линяли стаи гусей и журавлей.

МИХАИЛ ТИМОФЕЕВ. ПЕРВЫЙ СНАЙПЕР.

** Хабылык - настольная игра.

Весной здесь собираясь из двух-трех наслегов, люди охотились на уток и турпанов, ловили рыб. Днем и ночью были слышны звуки выстрелов, туда-сюда сновали быстроходные лодки. В весенне-летнее время здесь находили ночлег сеятели зерна, сенокосчики, просто проходящие люди...

Это озеро люди называли «Наш сайылык»*** или, в знак огромного уважения, «Эбэ»****.

Прямо на восток от Нэлэкээ, если пройти через редкий лиственничный лесок, в глубине тайги, как большой след от подошвы торбазов, впечаталось в землю озеро Кюсюччо, продолговатое и длинное. Вода — с самого начала леса. С северной стороны есть очень маленькое, неровное, с кочками подобие покосного луга.

Там на опушке леса, на поляне, виднелись одинокие зимовья, стояло несколько амбаров, кладовок наших предков. Как помню, до поздних времен между потолочными балками, были прищемлены стрелы с пером старинного лука.

Это озеро славилось особенной глубиной, насквозь до самого дна прозрачной, зеркальной, светлой водой; да еще тем, что когда-то здесь утонул шаман. Здешнюю рыбу в пищу не употребляли, потому что она была тощей. Уток здесь не было, зато многочисленные гагары любили садиться на озеро: заунывно кричали, жалобно пели, стенали, причитали. На окружающих озеро ярко-зеленых ягельниках, на ягодниках с высокими травами обитали все виды тетеревов и глухарей. В густых лесных зарослях, в которых даже не пролезала морда собаки, жили зайцы, белки, колонки, горностаи, лисы, хозяйничал «лесной царь» медведь.

На такой богатой, прекрасной земле, между речками Уоранаа и Мунхаарыма, протянувшийся на десятки верст, распростер свои владения Онхой — край с удивительно красивой природой. И вот в этом дальнем глухом уголке Вилюйского района родился ставший знаменитым в начале войны первый якутский снайпер Дмитрий Алексеевич Гуляев.

***Сайылык - летнее жилище, летник.

****Эбэ - «бабушка» (як.).

ЛОСКУТОК ТРЕТИЙ

Весенняя оттепель

Посевная зерновых была завершена, свободных часов стало больше. Мы, ребяташки сайылыка, вечно занятые непоседы, играли во дворе волосяным мячиком и луками со стрелами.

Запахавшись, я влетел в избу — отец вязал из тальников мережу, слева от двери мать была занята своими делами.

— С востока едет какой-то человек на быке с санями. И вот... стоит на том берегу озера, на пригорке. Давно стоит, — сообщаю я.

— Наверняка, проезжающие люди. Поставьте чайник на огонь.

— Как может быть проезжающий человек с быком да с санями? Наверное, Миитэрэй стоит. Недавно поехал собирать вещи со стана посевищиков, — предположили некоторые.

Я выскочил обратно. Скоро из амбара вышел Миитэрэй и не спеша зашагал на восток, в сторону, где на пригорке стоял бык. Мы бегом догнали его:

— Это твой бык? Мы пойдем с тобой, на обратном пути посади нас на сани, — упрашивали мы, едва поспевая за ним. А он вдруг остановился:

— На сани посажу потом, а теперь идите домой, не шумите, не кричите, не орите.

Мы, конечно же, наверняка, не стали слушаться, играли в «сокола и утку», с криком и гиком бегали по всему аласу*. При этом я заметил, что что-то черное (я подумал, собака) быстро перебежало пригорок и исчезло на берегу озера среди высокой осоки. Затем, спустя некоторое время, прогремел выстрел из ружья. Из камышей, окаймляющих берег, с гогогом шумно взлетела всполошенная стая гусей.

Один гусь, хлопая и опираясь на здоровое крыло, бежал по льду, торопясь на растопыренных лапах к середине озера. Откуда ни возь-

* Алас - поляна.

мись - когда успел оказаться рядом - какой-то человек, державший в одной руке ружье, кинулся вдогонку за гусем. Почти на середине озера настиг и только хотел схватить, но гусь каким-то образом ускользнул и повернул в сторону леса. Вот так, когда человек преследовал гуся по непрочному льду, над сайылыком нависла тревожная тишина... Люди, стоявшие на берегу, не выдержали, стали кричать:

— Нокоо**, Миитэрэй! Иди, иди сюда, под лед уйдешь!..

— Вернись, верни-ись! Лед стал мягким, он рыхлый, не плотный!..

Тем временем человек поймал гуся, несколько раз ударил прикладом ружья и так же, как и появился, мгновенно исчез в лесу. Тишина над сайылыком прервалась, напряжение испарилось в воздухе. Все вздохнули с облегчением. Послышались говор, шум-гам. Движение, подобно течению воды, вдруг прорвавшейся запруду, восстановилось, как и прежде.

Старики все стали ругать и корить Миитэрэя. Весенний лед мягче, чем осенний, говорили они, человек в любой момент может провалиться под лед, так что надо быть осторожным. При этом они признали Миитэрэя ловким, способным выйти из трудного положения человеком. Но потом были упомянуты, такие его качества, как безрассудность, иногда еще и неосторожность. Вспомнили, как когда-то, гоняясь за подраненной гагарой, перевернулся на лодке и чуть не погиб, упрекнули, что даже тогда не образумился, не получил урока — всё было сказано. Напоследок сделали вывод — в азарте охоты, он когда-нибудь все равно попадет в чрезвычайное положение. Все эти упреки и нытье направились и к нам: «... Не вздумайте подражать Миитэрэю! Пеняйте на себя, если ступите на лед, будет плохо, если будете карабкаться на дерево — жди беды, нельзя спрыгивать с балана. Предупреждаем — кости сломаете, умрете!». Среди нас, «виноватых», нашлись и те, кто защищал Миитэрэя — мол, знал, что не погибнет, поэтому гонялся за дичью. Было упомянуто, какой он ловкий, отменный пловец, который переплывал озеро; как он не оставлял на воде

дичь в пределах обзора, не то что на расстоянии ружейного выстрела. Рассказали и не только это, было много чего, но власть «обвинителей» была безграничной, потому все доводы были пресечены на корню.

Когда пыл разговора уже остыл, появился Миитэрэй, сидя поперек на спине быка. Он был весь мокрый снизу до груди, на плече висело старое одноствольное ружье. По избенкам маленького сайылыка пошла гулять радостная весть: «Миитэрэй одним выстрелом уложил сразу пять гусей!».

Как потом узнали, он увидел стаю гусей, которая села кормиться на берегу, скрытно через лес прибежал домой, зарядил патроны специально крупными дробями и побегал обратно. Первым выстрелом поразил пять гусей, зарядив ружье вторым патроном, выстрелил уже по взлетевшим гусям, но ружье дало осечку.

Вечером все семьи сайылыка ощипывали гусей, с радостью варили уху. Головы, грудные кости тех гусей потом долго служили для нас мишенью, «дичью», по которым стреляли стрелами из самодельных луков.

ЛОСКУТОК ЧЕТВЕРТЫЙ

«Зауэр»

Озеро Нэлэкээ, только что очистившись ото льда, успокоенное, лежало раскинувшись, играя серебристыми пенящимися волнами. Ветки лиственницы покрылись почками, появилась зеленая трава, темно-зеленые дали и синее небо сливались на горизонте, природа, пробудившись, возрождалась к жизни.

...Когда просыпались первые жители сайылыка, охотники на турпанов, поздно вернувшиеся домой, еще спали, как валежник. Вдруг снаружи у дверей раздался ружейный выстрел! Я встал рано вместе со старушками, уже съел ложку керчеха с суоратом*, первым торопливо выскочил во двор. У дверей сеней стоял Миитэрэй, держа в руках двуствольное ружье с

МИХАИЛ ТИМОФЕЕВ. ПЕРВЫЙ СНАЙПЕР.

*Нокоо, нохоо - обращение к мальчику, парню» (як.).

*Керчех, суорат - соответственно молочный и кисломолочный продукты.

оторванным ремнем. Обе щеки были красными, сам смотрел виновато, как ребенок, склонив голову к плечу.

Оказалось, он никогда не видел, в руках не держал двустволку под названием «Зауэр» с внутренним замком. Захотел подержать в руках, просто прицелиться, пока хозяин ружья, уполномоченный из города, спал. Но напрасно — зарубежная дорогая вещь, наверняка, посчитала его чужим. Как только наш парень дотронулся до нее, взорвалась «громким окриком», при этом даже порвался ремень ружья.

Спустя некоторое время, чаевничая, моя словоохотливая мать снова стала выговаривать Миитэрэю:

— Зачем же трогал-гладил незнакомую вещь. Хорошо, что ружье дулом к небу висело, и поэтому несчастья не было.

А отец, по обыкновению, защищал:

— Есть пословица «где мило, там глаза, где

больно, там рука», так и он завидует хорошему ружью.

Теперь, если подумать, в те времена для наших предков хорошее ружье и хорошее ружейное снаряжение были недоступными. В сайылыке самый лучший охотник, наш Миитэрэй, имел старинное, иногда не стрелявшее одноствольное ружье. И это ружье он закреплял клином в надрубке, выпиленном на столбе балагана, чтобы при работе с ним оно не двигалось. Потом в дуло ружья засовывал четырехгранный стержень вроде шомпола и им крутил, был слышен скрежет металла. Иногда усердно тёр кончик ствола, укорачивал, из меди мастерил мушку. Медная мушка, он говорил, в осенней темноте лучше виднеется.

Маленькие куски свинца растягивал в виде округлой проволоки. Затем ножницами обрезал их на мелкие кусочки. Потом эти коротенькие кусочки засыпал в бутылку и сильно тряс и взбалтывал. Когда переворачивал бутылку, из нее вываливались мелкие дробинки. Время от времени плавил свинец, его разливал в формы; заливал крепкий сучок плавленным свинцом, отбивая молоточком, делал пули. Их называл — «картечь».

Когда такая подготовка заканчивалась, и всё было готово к охоте — шел стрелять по мишеням. На это стрельбище собирались стар и млад сайылыка, люди шли, будто на большое соревнование.

ЛОСКУТОК ПЯТЫЙ

Воспитанники

Однажды мы, как говорили о нас, «быстрые только на всё готовое», сняв рубашки и штаны, плескались в мелководной протоке с холодным быстрым течением, протекавшей через поляну и впадавшей в другой ручей. Это значит, в тот раз мы шли проверять расставленные братьями силки на уток.

И случайно увидели: совсем близко от нас,

тихо подкравшись, стоит Миитэрэй и тайком наблюдает, как мы снимаем пойманных уток и как с натугой заново заряжаем силки.

— Ну, друзья, вы даже не заметили такого большого человека, пришедшего по колено в воде, а если придет медведь, как тогда узнаете?— стал подсмеиваться над нами. Некоторые из нас, поймавшие впервые в жизни дичь, эти слова восприняли с возмущением и как оскорбление. Уток, которых сняли из силков, дразня его и стоя в высокой траве, показали в поднятых руках.

— Еще одну самку турпана видели, — похвастались мы.

— Где видели?

— Вот оттуда вылетела, где ивовый остров, и направилась на середину озера. Кажется, снесла яйца.

Мы, увлеченные рассказом, даже не заметили, как исчез Миитэрэй.

Оставшись одни без него, мы добрались до ивового острова и стали искать гнездо турпана, потом еще долго ждали ее возвращения — но впустую. К полудню мы, очень уставшие, поплелись домой.

Вечером прошел слух, что Миитэрэй нашел на месте, где мы топтались, гнездо турпана. Самому старшему из нас по возрасту — «вождю команды» — велел дорогу на тот ивовый остров забыть, потому что самка-турпан, испугавшись ватаги ребят, бросит гнездо и улетит насовсем. Через некоторое время Миитэрэй из этого гнезда принес более десяти, похожих на волосяные мячики, малюсеньких птенцов турпана, завернутых в платок. Их выпустил в ранее смастеренную клетку в отдельном закутке хотона*, где содержались утята. Кроме утят здесь еще «воспитывались» озерные чайки.

Миитэрэя из-за этих «воспитанников» опять-таки ругали: дескать, они загрязняют хотон, да еще их надо кормить гольяном, вареной рыбой, а некоторых даже молоком. У «воспитанников» были подрезаны жилки на крыльях, чтобы не улетели. Старушки говорили, что это мучение для птиц, это грех.

МИХАИЛ ТИМОФЕЕВ. ПЕРВЫЙ СНАЙПЕР.

*Хотон - хлеб, коровник.

ЛОСКУТОК ШЕСТОЙ

Запись трудодней

Сладкий сон мой прервался, я проснулся. Летняя ночь. Внутри дома стелется едкий дым. Тем не менее, комариный писк не прекращается. Оказалось, я проснулся от того, что вошел отец и застучал металлической ручкой ведра, куда мы накладывали навоз для дымокура. Мать тоже проснулась.

— Как же долго работаете в конторе, — вроде попрекнула.

— Приходится припоздниться нам, людям, которые целый месяц не подводили итоги трудодней...

— Ну-у, вот старший сын твой грамотный же. Почему бы ему не дать задание ежедневно записывать? Неужели всем нравится, когда один Миитэрэй записывает?

— Да, хорошо. Миитэрэй самый лучший в счете. Молодой человек сам скоро станет бригадиром. Пусть учится.

Отец мой был неграмотным. Потом «на старости лет» учился в ликбезе, но пользы от этого не получил, а все-таки в колхозе несколько лет работал бригадиром. Он из тальника на каждого работника делал тонкие, короткие, как лучина, палочки «хабылык», а также палочки «сэрии» с четырьмя-пятью гранями. На этой палочке «сэрии» делал не только зарубки «сотка», «десятина», «муос», «га», но и другие, по которым отмечал иные мерки. Потом показания этих зарубок, перенеся на бумагу, с Миитэрэем выводили трудодни — до поздней ночи.

ЛОСКУТОК СЕДЬМОЙ

Лук со стрелой, подошвы торбазов и многое другое

Закрываю глаза и вижу, как наяву, картины тех лет, как будто они происходили сегодня.

Летний, с отвесными стенами, балаган. На огне камелька вот-вот вскипит, грозясь вылиться через край чугунок, молоко, из которого сделают суorat. Это было время дополнительного удоя, около четырех часов дня. Слышно, как мать, сидя на кровати, со вздохом подшивает подошву торбаза Миитэрэя. Я по настойчивой просьбе матери после неоднократных уговоров с размахом подметаю венником мусор, который хламом лежал посередине балагана.

С правой кровати встал Миитэрэй, и, прыгая на одной ноге, плюхнулся на ивовый табурет. Ногу с перевязанной ступней положил на шесток. Развязал берестяную перевязку. Отогрел ногу на огне. Потом от новой бересты отдрал очень тонкий слой и, сидя на табурете, снова перевязал рану.

Всё это время моя мама упрекала его и рассказывала:

— Увидев перевернутую на середине озера лодку, да еще без человека, страшно перепугались — кто же этот бедняжка, утонувший в воде? Желающих поплавать на лодке и так много. Кстати, наш отец тоже пошел проверять вершу, беспокойно нам. Другие охотники-турпанщики? Или это наши? Возникают разные мысли... Недаром мы обегали всё озеро?!

Это она рассказывает о происшествии, которое случилось два или три дня назад. Миитэрэй в тот ветреный день, гоняясь за раненой уткой, перевернул на озере лодку. А потом, достигнув вплавь западного мыса озера, случайно ударился ногой о торчащую палку, куда привязывали бечевку от сетей, и повредил её. Лечит, кажется, вот эту рану.

Миитэрэй на упреки моей матери не обращает внимания. Зато глазами подмигивает мне:

— Поддай-ка из-под топчана ствол можжевельника. Не высох ли?

— Мне... Арбалет... Лук со стрелами... сделаешь?

— Смастерю. А взамен что отдашь?

— Порцию лепешки.

— На лепешку не делаю, слишком мало.

— Тогда на олады.

— Когда же?

— Когда-нибудь. На празднике, когда переедем на зимнюю усадьбу.

От радости я под собой не чую земли. Спешно выдергиваю нож с ножнами из кожаного ремня, висящего на вешалке, и торопливо отдаю Миитэрэю.

Оо, как я завидовал луку со стрелами Прони! Тот лук смастерил тоже Миитэрэй. Луку тому не было равных среди игрушек детей сайылыка. На состязаниях дальше всех стрелял тот лук, точнее всех попадал тот лук! Стрелы у него были отличными. Стрела, падая в густую траву, и то не терялась. Но теперь, берегись! И у меня будет такой же лук с хорошими стрелами!

А у матери есть один свой интерес, в паузах между скрипами ниток из жил, спрашивает:

— Миитэрэй, вот когда же ты женишься, когда же обзаведешься семьей? Хорош только мастерить лук со стрелами. С девушками не умеешь разговаривать. Горько-то как! Не всегда же я смогу подшивать твои торбаза. Даже обувь своих шалунов теперь трудно ремонтировать стало. Сестра Петрушки Мария, девственница, одна живет в богом забытом Дабане. Наверняка, упустим ее. Такая хорошая, швея отменная, работающая, нрава прекрасного... Какому счастью попадетс...

А мы с Миитэрэем не обращаем никакого внимания на эти сетования. В поте лица мастерим лук и изготавливаем стрелы. Щепки от досок, стружки из-под ножа стелются кипящей горкой перед камельком.

ЛОСКУТОК ВОСЬМОЙ

Травяной шалаш

Северо-восточнее озера Нэлэкээ сквозь чащу ив и тальников виднеется маленькое, имеющее форму жирного караса, озерко Инньээн. Оба озера сообщаются мелким ручьем с тихой стружкой воды и узкой полосой долины с редкими кочками.

На одном из высоких мысов берега озера с березовой рощей, там, где всегда причаливает

Против течения

лодка, в травяном шалаше я остался один. Миитэрэй, старик Дырба и его внук — чуточку старше, чем я — Харитон, которые, не желая остаться дома, пришли с Миитэрэем, на двух лодках поплыли ловить карасей. Миитэрэй, мотивируя тем, что лодка тесная и что я буду обузой, меня на рыбалку не взял. Так что мне суждено было наблюдать издалека, как мои друзья ставят сети на осеннего карася. К моему огорчению, рыболовы переплыли озеро и остановились на противоположном берегу. Вдали на солнце лишь сверкают лопасти весел, и еле виднеется сама лодка. Как ставят сети, как вытаскивают улов, как трепыхаются караси в ячейках сети — мне не видно. А чтобы идти к ним по краю берега — на пути заслоном лежит протока. Так что приходится одному возле травяного шалаша ждать товарищей. Когда ждешь — день такой длинный!

Чтобы скоротать время, в лесу собрал и съел ягоды и полакомился шиповником. Вернувшись, в берестяной туюсок стал собирать малину, прораставшую на травяном покрове кочек. На устье речки увидел чирков, которые, не замечая меня, кормились у озерного болота, стал кидать в них палки. Потом это занятие стало надоедать. Уставшее солнце ушло на запад и клонилось вниз к горизонту.

Я подошел к издали похожему на копну сена травяному шалашу. Вошел и, закинув руки за голову, разлегся на старый полинявший матрас из оленьей шкуры. Внутри шалаша так приятно дышать ароматом сухого сена, веет теплом, воздух свежий — так хорошо. Вот такой замечательный шалаш строит только Миитэрэй. Он весной и осенью, даже всё лето, исчезает в таких шалашах, охотится, рыбачит. А в балагане, если дождь льет два-три дня, земляной покров на крыше не выдерживает и вода просачивается внутрь. Дом превращается в озеро, «где может сесть утка». Тогда Миитэрэй убегает в этот шалаш. Здесь он не сидит без дела, а вяжет сети, мастерит верши и морды* для рыбы. Этот шалаш никакой силы дождь и град не пробьют, никакой ветер не разрушит.

Лежа на матрасе, разморенный теплом шалаша, я незаметно для себя уснул.

— Какой прекрасной стала Эбэ! Караси еще лучше, крупнее стали! Завтра, наверно, еще раз будем загонять рыбу в сети и рыбачить? — проснулся я от бормотания старика Дырба. Оказалось, снаружи уже темнеет. Товарищи мои уже разожгли костер, над ним висело ведро с ухой, которая вот-вот вскипит, вокруг огня в землю были воткнуты палочки, которые время от времени поворачивали старик и мой друг. На этих рожнах жарились караси.

Тогда я впервые узнал вкус пицци, которую едят на свежем воздухе, на стане. Как хорошо сидеть под осенним темным, теплым и тихим небом возле костра! Пламя костра алыми искрами возносится к небу. Поверхность тихого озера, будто гарусный шелк, чернеет и блестит, а там, где поддувает ветер, ровный лик воды превращается в серебристую пену. Слышны крики гагар, вокруг стоит свист утиных крыльев.

Утром встали — прямо с севера начался страшный ветер, накрапывает проходящий дождь, облака плывут наперегонки, озеро колыхается, волны плескаются, как вода в чашке. Как будто вчера не было ясной погоды, не было покоя. Миитэрэй, как может только он, в такую погоду убрал оставленные на ночь сети.

— Рыба ушла в глубину, поймали лишь пять-шесть штук, — проговорил он.

Помыв и собрав посуду, нагрузившись вчерашним уловом, собрались домой.

Пройдя долину с редким кочкарником, высотой по грудь, по тонким жердинам переправились через речку. Подошли к озеру Нэлэкээ, а там серо-бурые волны бушуют, бросаясь на берег озера, брызжут белой пеной. Возникающие из глубин озера длинные полосы шумных волн сплошными стремительными стенами бьются о крутой берег высокого обрыва!

Как только пришли к месту причала лодки, Миитэрэй снял с плеч берестяную плетенку с

рыбой. Потом на пригорке приподнял лежащую верх дном лодку и, перевернув в нормальное положение, быстро столкнул в бурлящую, как кипящий суп, воду озера.

— Положите ношу в лодку! — крепко, раскинув обе ноги, стоял, придерживая за нос подбрасываемую волнами лодку. Старик Дырба в смятении заморгал, скрипнул зубами, плюнул на землю.

— Подожди-ка, догор, может, сети оставим здесь, а когда ветер стихнет, придем и заберем? — старик стоял, согнувшись в три погибели, казалось, что даже острая борода стала дрожать. — Сегодня, как смотрю, невозможно на лодке идти в озеро Эбэ.

— Этот ветер, кажется, сегодня не прекратится. С сенокоса, по всей вероятности, во второй раз сюда прийти будет невозможно. Лодка вместительная, можно переправиться.

— Оо, смерть моя! — старик, опустив ношу на землю, стоял вопросительным знаком, не отрывая глаз от Миитэрэя. — Ну, тукам*, надеешься на себя, да? Напасть-то какая!

Все стали загружать плетенки и сети в лодку. Волны забрызгали лодку пенной водой, стали подбрасывать вверх-вниз. Миитэрэй, сев в лодку, сразу же веслом направил нос лодки поперек волн. Сам, от природы имевший короткую толстую шею, втянул голову в плечи и, превратившись в одну сплошную спину, будто приклеился к лодке. Затем длинными, как кузнечные клещи, руками стал энергично грести веслами. Лодка, подбрасываемая могучими волнами, пошла по страшно дышащей из глубин озера, сильно колыхающейся, темной, как ржавое железо, воде. Лицо Миитэрэя, покрасневшее от натуги, промелькнуло среди волн.

Мы с Харитоном, оставив старика далеко позади, побежали вокруг широкого озера по серой тропинке лесистого пригорка. К нашему приходу домой Миитэрэй был еле виден, чернел, как точка, на середине озера, то появлялся, то исчезал на вершинах и впадинах пылающих волн.

* Тукам - «дитя» (як.).

ЛОСКУТОК ДЕСЯТЫЙ

«Зверь про запас»

В ту весну я лежал пластом на кровати за занавеской, сильно болел. Смотрю в окно — на улице небо синее-синее, светлое и чистое. Снег тает. С крыши веранды свисают, подобные уздечке лошади и поводку носового кольца у быка, серебряные сосульки.

— Да уж, пришла настоящая оттепель. Хорошо бы после этого наступили крепкие звенящие заморозки...

— Собаку привязали, надеюсь — не накормили?

— Почему запаздывает сын Сыччыны?

Это мой отец и Миитэрэй собираются идти охотиться на сохатого.

Скоро пришел тот сын Сыччыны — Василий, которого ждали утром. Вечером на закате солнца, сказали, что они, наконец-то, отправились на охоту. Смотрю в окно — трое на лыжах вышли из деревни и точно посередине озера направились прямо на юг.

Утром проснулся от возгласа: «Смотрите сюда, старик этот, чтобы порадовать бабушку, несет четверть туши лося, еще повредит спину!» Нашим охотникам улыбнулась удача, одного крупного сохатого завалили. Началось веселье, все радостные, везде громкий галдеж. Разделали, сварили мясо, раскололи берцовую кость лося.

Слышно было, как отец хвалит Миитэрэя:

— Не смотрите, что здесь он ходит медленно, степенно, когда надо, оказывается, скорый да проворный. Когда собаки загнали животное ко мне, я с метров двадцати несколько раз стрелял дробью, которые не могли пробить шкуру лося. В это же время между деревьями внезапно появился Миитэрэй и одним выстрелом поразил сохатого!

— Откуда подняли-стронули лося, где завалили?

— Ээ, близко отсюда, в роще Долгуосайа. Да-леко не убежал.

— Ба! Но вы же строго на юг — в сторону Ёляса пошли же. И тогда как вы оказались на севере в Долгусайе?

— До Ёляса шагали впустую, от усталости валились с ног. На рассвете позавтракав, стали собираться, тогда Миитэрэй сказал: «Предположение ваше о том, что здесь жировал сохатый, оказалось неверным. В лесах Долгусуойа будто бы зимовал один лось. Давайте, лучше пойдём туда». Это его зверь про запас был, оказывается. Берёг, как лакомый кусок.

— Миитэрэй все знает. Может быть, и запасался. Миитэрэй есть Миитэрэй, — подхватывает сын Сыччыына. — Десятилетним мальчишкой в берлоге обвязал медведя*, чтобы вытащить наружу. Так что, он с самого детства удачливый и смелый охотник.

— Тоже скажешь — «обвязал», — это мать моя, как вспомнит тот случай, всегда сердится, — помню, как я тогда испугалась, что душу ребенка ранят, сердце его разобьют...

— Да уж, страшное дело. Всё же вползать в

темный дом лесного дядюшки, хоть и крепко спящего, потом сунуть руку в пасть с острыми клыками, не каждому под силу...

— Ээ! Говорят, что Миитэрэй не испугался. Ребенок ребенку рознь. Вот здесь упомянули о запасе. Так вот, Миитэрэй наоборот вошел в берлогу, будто в свой погреб за запасом мяса. Спокойно обвязал медведя и также выполз обратно.

— «Выполз», говоришь? Боялся, но все равно вошел в берлогу, думаю. Что еще остается, если взяли с собой на охоту. Маленького ребенка с самого начала должны были оставить дома.

— Всё-всё, хватит! Неужели наша вина в том, что научили человека науке охоты? — отец ставит точку в перепалке.

*Охотясь на медведя в берлоге, туда отправляют самого молодого охотника. Он засовывает в пасть медведю поперек палку, через нее обвязывает арканом голову хищника, тянет за собой, выходя из берлоги, другие охотники волоком вытаскивают добычу.

МИХАИЛ ТИМОФЕЕВ. ПЕРВЫЙ СНАЙПЕР.

ЛОСКУТОК ОДИННАДЦАТЫЙ

Берестяной сосуд

— Наш Миитэрэй опять ушел без провизии. Как хватает ему выдержки ходить с рассвета до темноты? — сокрушается мать. — Имея такую привычку, когда-нибудь в будущем попадет в переделку.

— Да уж! — отец не воспринимает это утверждение. — Охотник должен быть очень выносливым. Если проголодается, найдет, чем поживиться от матушки природы. Нынешней весной во время пахоты осмотрел его шалаш, который построил осенью прошлого года. Смотри-ка, разбойник, съел огромного селезня. Тальником скрепил берестяную тордуйа* и в ней сварил утиную уху.

— В берестяном сосуде говоришь? Та берестяная тордуйа должна же была на огне свернуться и даже сгореть?

— Если смастерил умелый человек, да еще, если в сосуд залита вода, тогда с берестой, оказывается, ничего не случается.

ЛОСКУТОК ДВЕНАДЦАТЫЙ

«Хотя бы одного фашиста...»

— Война! Началась война!

— Оо!..

Из Балагаччы приехал нарочный старик Чыычаайы. Он: «Вчера ночью германская нация напала войной. Говорят, что точно половину России вот-вот захватит», — горячася и преувеличивая, возбужденно сообщил он тревожную весть.

Движение людей между Дьооху и Модутом стало оживленным. Стали создаваться военные

комиссии. Мой старший брат Афанасий и Миитэрэй вернулись с «красными билетами».

В один из вечеров Миитэрэй сидел за изготовлением поперечных скрепов саней. Я запомнил его таким, если описать: был он телосложением мощный, как литой, небольшого роста. Имел немного кривоватые, но крепкие ноги, не соответствующие его размерам длинные руки. Плечи широкие, а спина длинная, шея была толстой и короткой. Поэтому наверно, в детстве его ласково прозвали Ыкаах* Миитэрэй. Лицо круглое и плоское, как у девушки, с огоньком живые большие глаза.

Он скоро завершил работу, потом будто чем-то озабоченный, вскочил, быстро вынес сани во двор и, подойдя к огню, отряхивая одежду, сказал:

— С этого етёха** по всему видать, мы с Афанасием уйдем вдвоем. Доехав до места, неужели станем, не участвуя в боях, жертвами бомбежки или случайной пули. Умереть бы, убив хотя бы одного фашиста!.. Даже подумать об этом приятно.

— Оо, грех, нохоо, грех! Не говори непотребное! — вскрикнула мать.

ЛОСКУТОК ТРИНАДЦАТЫЙ

Утренняя пороша

От Модутского наслега до центра наслега Дьооху тридцать верст. В годы войны в Модуте не было ни школы, ни медицинского пункта.

В Дьооху семилетняя школа была сокращена и преобразована в четырехклассную начальную школу. Так что, кто окончил четыре класса, продолжал учебу в семилетке, находящейся в местности под названием Балагаччы. Село находилось в удалении от нас более сотни километров.

Мы, ребята из Модута, с продуктами, рассчитанными на неделю, шли учиться в школу наслега Дьооху. Там жили, кто как договаривался — кто-то у родственников, некоторые у знакомых, большинство в пустующем здании

* Тордуйа - берестяной сосуд из одного листа берёсты, скрепленный деревянными гвоздиками.

*Ыкаах - сжатый, сдавленный.

**Етёх - усадьба.

школы. В теплое время осенью и весной, сами таскали питьевую воду, кроме того, заготавливали топливо, домой на плечах приносили жердины из леса, пилили и кололи дрова.

Продуктами, которые в мешочках на плечах приносили, были жареные на рожне гольяны, у кого-то зайчик, несколько кусочков лепешки и немного муки для каши. Чтобы у детей, были сахар и масло, мы такого не видели. Зимой все эти запасы иссякали. Мы учились, если родные дадут запасы продуктов: лыбыа*, хохту**, барча***, пойманного неводом карася. Принесенную на спине провизию, старались растянуть на шесть дней недели. Потом, в субботний день, с радостью бежали домой.

В трехкомнатном доме, где раньше жил директор школы, мы вдвоем с другом соединили свои постели на одной кровати и легли валетом. Завтра после четвертого урока должны были отправиться домой.

Под осенней луной оглушительная тишина и непросветная темень. Нам уже надоело рассказывать друг другу сказки, загадывать и разгадывать загадки. Остальные ребята, у которых закончилась еда, уже сегодня убежали домой. От печки веяло теплом. Кажется, запахло угаром. Сучками и корой топили печку. Разве это хорошо?.. Скоро начнет потрескивать, как будто звук падающих на стол деревянных камешков.****

— Семен, что-то у меня начинает болеть голова, — жалуюсь другу.

— У меня тоже. Печку закрыли с угаром. Встань-ка, открой задвижку, — как старший по возрасту, велит Семен.

Задвижку открыл, но головная боль не проходит.

— Догор, давай выйдем в большую школу и там поспим.

— Давай!

С тюфяками и одеялами под мышками, босиком, вышли из дома. По холодной земле бегом бежим по просторному двору, широко распахнув незапертую дверь большой школы, влетаем в помещение.

Там опять-таки возле печки, собираемся ложиться на полу.

Оо, да и здесь, оказывается, присутствуют шум, звуки падения камешков, стук кругляшек счетов... Но все-таки здесь проживает сторожика с сыном, а там в конце длинного коридора, в дальней комнате спит наш учитель Герасим Егорович, у него допоздна горит свеча. Так что чувствуешь себя каким-то образом защищенным.

Утром проснулись от света и особой свежести. На стену из толстых, от старости ставших сероватыми, морщинистыми, сосновых бревен, сквозь окно упал, будто сделанный из ярко-желтого шелка, солнечный свет.

— Оо, снег выпал! Снег!

— А где наши торбаза?

— В том доме остались...

— Чэ, побежали! Кто первый!

Быстро надев рубашки и штаны, сломя голову выскочили во двор. Небо, покрыв поверхность земли белоснежной порошей, стало чистым — прозрачно синим. Будто бы стало еще выше. В небе поднимается ясное солнце. Как чисто, воздух какой свежий!

Босиком бежим по пушистому снегу. Снег мягкий. Мороза не чувствуется. Посредине двора друг остановился и отскочил в сторону.

— Смотри... Чей это след? — подозрительно взглянул на меня. От двери, откуда выскочили мы, остались следы ребенка в торбазах, потом след дошел до нашего дома, вероятно, ребенок зашел в дом и вернулся обратно. Следы чуть-чуть запожило.

Как только вошли в дом, я стал растирать замерзшие ноги, как будто горящие огнем, и одел торбаза. А друг сразу же кинулся за печку, где висела полка:

— Ба, где моя лепешка?

В поисках лепешки перевернули весь дом, но так и не нашли. Зато моя оказалась на месте. Такая маленькая, всего один кусочек. Лепешка Семена не нашлась. Потерялась. У него слезы выступили на глазах:

— Жалко-то как... Нарочно оставил большой кусок, чтобы съесть перед дорогой домой. Запасся, называется.

— А вот с торбазами... чей след оставлен, как думаешь?

МИХАИЛ ТИМОФЕЕВ. ПЕРВЫЙ СНАЙПЕР.

* Лыбыа - гольян, замороженный осенью на льду.

** Хохту - гольян, засушенный летом на солнце.

*** Барча - засушенная после варки или жарки рыба.

**** «Камешки» - настольная игра.

— Сын сторожихи Иона. Его след!

Нам было не до разжигания печки, кипячения воды для чая. Обратно помчались в большую школу. Иона на кровати матери (тоже спали валетом), повернувшись к стене, «спал».

— Нохоо, Иона-а, вставай! — а он ни за что не просыпается. — Лепешку ты взял. Отдай! Оставил хоть что-то! Все съел?

Услышав такой крик, подошла мать Ионы, которая растапливала печки.

— Что случилось?

— Ну, вот Иона... мой запас лепешки... Если не верите, посмотрите след его на снегу. Ыы-ыы-ыы...

— Оо, несчастный! Вполне возможно. Никак не насытится. Жадностью отмечен, горемычный. Ходит по пустующим домам... — Мать, по-моему, еще раньше нас узнала про ночное хождение сына. Она тут же вытряхнула из мешочка в крохотную мисочку пушистую мягкую муку и принесла Семену:

— На, возьми и дома состряпай лепешку... Оставила, чтобы вечером сварить кашицу.

— Это мало. Моя была больше этой. Лепешка была сделана из муки больше этой...

После третьего урока на большой перемене состоялась линейка. В просторном, по меркам того времени, коридоре с высокой сценой, где проводили концерты, собрания, классы построились в четыре ряда. Было как-то неуютно. Наш учитель Герасим Егорович командует:

— Ученик второго класса Афанасьев Иона, выйти из строя! — и проинформировал о ночном происшествии. — Учитывая, что Афанасьев Иона дал крепкое слово, что больше не будет брать чужое, объявляю строгий выговор перед строем. Афанасьев Иона, вернись в строй.

Потом учитель из классного журнала достал газету на русском языке, размером с «Кыым»****. Развернул ее. (Мы потом узнали — это была «Комсомольская правда», 28.06.1942). Показал всему строю. А там напечатан снимок человека со снайперской винтовкой и в каске, похожей на перевернутую железную миску. Учитель, показав всем, спросил:

— Это якутский снайпер, кто он, знаете? Его зовут Гуляев Дмитрий Алексеевич.

Стоящая рядом со мной девочка Паша воскликнула:

— Знаем. Я его знаю. Он мой дядя!

Про себя досаую. Почему же я раньше всех не сказал, что знаю его. Кажется, я же и есть самый близкий родственник Миитэрэя. Между тем, как только учитель стал продолжать, нити дум оборвались.

— Он учился в нашей школе. Был скромным, смиренным учеником, старательным в учебе. Сегодня он храбро сражается на поле боя. Стал известным снайпером. В этой газете пишут о том, что он уничтожил 78 фашистов. Вот так на фронте наши отцы и братья, невзирая на смерть, сражаются против диких зверей. А мы должны исполнить свой долг перед фронтом отличной учебой, железной дисциплиной. Не должны допускать позорных поступков, как это сделал Иона Афанасьев. Так да?

— Да! — вздрогнула затихшая, словно опустевшая, просторная, с высоким потолком школа.

— Скоро, обсудив на совете дружины, одному из лучших пионерских отрядов присвоим имя снайпера Дмитрия Гуляева. Согласны?

— Да!!!

ЛОСКУТОК ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

Гостинец

В годы войны жители Модута и Дьооху каждой весной на озере Нэлэкээ ловили неводом рыбу, добывали множество карасей. Благодаря этим карасям, живыми оставались люди двух-трех наслегов. Они дожидались благословенного времени — весны, когда рыба шла на нерест, когда корова телилась, когда вырастала зеленая трава.

Наступил вечер. Вокруг печи-камелька ровным рядом были воткнуты рожны с двумя-тремя карасями. Жир с шипением и треском капал с них на земляной пол. Из гущи пепла мигало синее пламя. Слева от очага бурлил полный ка-

**** «Кыым» - («Искра») республиканская газета на якутском языке.

расями огромный котел. Вкусный запах першит горло, доходит до сердца. Радостный камелек гулко горит, брызжет алыми искрами. Беззаботный смех, шутки-прибаутки, оживленный разговор добычливых рыбаков тоже разгораются так же, как и огонь в камельке. Мать обращается ко мне:

— Нохоо, найди-ка ту книгу, в которой написали про Миитэрэя, и подай этим людям. Пусть грамотные люди прочитают вслух, чтобы мы слышали.

— Ээ, действительно! Чэ*, дай-ка сюда! — шумно откликаются собравшиеся.

Я из-под подушки достаю книжку с голубой обложкой, где были нарисованы солдаты, наступающие с высоко поднятыми винтовками с примкнутыми штыками и кидающие гранаты. Принес, отдал гостям. В той книге, как утверждает мать, в «железной шапке» со звездочкой сидел, держа в руках снайперскую винтовку, наш Миитэрэй.

В доме наступила тишина. Некоторые, окружив чтеца, некоторые полулежа на кроватях, слушали очень заинтересованно. При этом, как принято при прослушивании красноречивого олонхосута, призывая друг друга быть потише или замолчать, вникали в каждое слово.

— ... «Это Дмитрий Алексеевич Гуляев, — читает хриплым, осевшим, тихим голосом «грамотный человек» с четырьмя классами образования, а дальше не учившийся мальчик-сирота по имени Харитон, — он герой-снайпер, истребивший 92 солдат и офицеров фашистов. 92 немецких дикарей! Сколько советских жизней они погубили бы, сколько бед и горя принесли бы они, сколько слез пролилось бы из-за этих хищных зверей!».

— Ээ, не говори! Целый отряд людей! Сколько бед натворили бы! Уроды, вооруженные до зубов!

— Миитэрэй наш молодец! Хорошим стрелком был. Ну-ка, скажите, кто же написал эту книгу? Оказывается, знает название нашей Эбэ Нэлэкээ, — прервав чтеца, слово за слово — начали беседу между собой.

— По-моему, написал тот, кто знает нашу

сторонку, кто побывал в наших краях. Написал все правдиво и о том, что касается нашей жизни. Только вот об отце ошибся...

— А может он встретил самого Миитэрэя на том фронте.

— Ну, сынок, Харитон, продолжай читать.

— «Снайпер-герой Дмитрий Алексеевич Гуляев, полностью впитавший в свое пламенное сердце справедливый гнев нашего народа против кровавых фашистов, принял твердое решение не прекращать простреливать головы врага, пока не исчезнет последний фашистский солдат на нашей Родине...»

— Оо, пусть же будет так! — прошептала мать. Она позабыла, что недавно говорила: «грех это, когда человек убивает человека».

— Стервятники, когда же исчезнут с лица земли? Возвратятся ли наши дети домой живыми или нет?

— Если Миитэрэй ныне жив, увеличил, наверно, счет. 92 это давнишняя цифра, кажется.

— Да-да превысил, вот недавно письмо пришло с сообщением, что стало 104. Миша-а, те письма с фотокарточками принеси-ка. Пусть люди прочитают и посмотрят.

Из трещин потолочной балки, из ящика стола, с полки старинной иконы достаю завернутые в газеты письма и карточки, отдаю их гостям. Прочитав эти письма, узнав, что он несколько раз был удостоен правительственных наград, в том числе получил орден Красного Знамени, от командования получил в подарок золотые часы с выгравированной фамилией, вступил в партию, выразили восхищение и сильное изумление.

— Когда жил здесь, по-русски чуточку знал, теперь пишет, что сносно разговаривает. Пострел, еще получил звание старшины, стал командиром, обучающим снайперов, — улыбается дядя Миитэрэя, брат его отца — Николай Иванович Гуляев, всегда бодрый и ласковый пожилой человек приятной внешности.

Передавая друг другу, полюбовались фотокарточкой, где сидели в ряд человек тридцать в пилотках со снайперскими винтовками наперевес.

МИХАИЛ ТИМОФЕЕВ. ПЕРВЫЙ СНАЙПЕР.

*Чэ - «ну», междометие (як.).

— Миитэрэя посадили на почетном месте — посередине! Ээй, чуть не забыл, он же их командир, короче, учитель меткой стрельбы.

— Внимание, здесь должны быть только только ставшие известными якутские парниснайперы Миронов и Спиринов. Посмотрите, у кого зрение острое, есть ли они? — поднимается шум-гам.

О том, что когда Миитэрэй был на родине, от других детей ничем не отличался, только был более скромным, как, охотясь, незаметно для других, всегда приносил добычу, каким он был немногословным, умевшим хранить секреты, что он имел твердый, но покладистый нрав, беседовали довольно долго. Потом, переворачивая рожны с карасями, выразили сомнения:

— Гостинец наш получит ли он? А не испортится, пока дойдет до фронта?

— Караси, жареные на рожне, так быстро не испортятся. Лучше жарьте побольше.

— Хоть бы получил. Попробовав рыбу родного озера Эбэ, развеял бы тоску свою.

— Не зря в каждом письме спрашивает о рыбалке и охоте, видимо, тоскует по родной земле, вспоминает с любовью.

ЛОСКУТОК ПЯТНАДЦАТЫЙ

Ссора старушек

У нас, у семьи, проживающей на границе двух наслегов, чайник не покидал огня. С востока — гость, с запада — гость. Замерзший на морозе горячим чаем отогревался, лошадь свою кормил; вспотевший от жары успокаивался в прохладе, прохладной водой жажду утолял. Ночующих и то было много.

«Хозяева, есть какие новости?» — «Не-ет, а у вас?» — так начиналось знакомство. После вопросов начинался нескончаемый длинный разговор. Разговор выходил из круга новостей восточных-западных наслегов и районов, затем, по-моему, охватывал далекие страны и государства, до которых даже в мыслях невоз-

можно было добраться. Судя по словам «Ньярмаанньыйа» (Германия), «Амыарыка» (Америка), «Дьоппуон» (Япония), «Кытай» (Китай). Ну и, как положено, те разговоры, в основном, были о войне. Кто ушел на войну, чье письмо с фронта пришло, чью «похоронку» кто получил... Кто, дезертировав, прятался в лесах... Содержание тех бесед, их подробности для нас, домочадцев, вызывали не меньший волнующий интерес, чем нынешние сообщения газет, журналов, радио и телевизора.

— Проезжающих-проходящих кормить-поить дня не хватает. Ни тебе шитья, ни одной заплатки не поставишь, работа и та стоит. А детям уже пора идти в школу, — мать иногда ругается, жалуется неизвестно кому.

Спустя некоторое время говорит:

— Почему никого нет, никто не приезжает? Сынок, выйди, посмотри, может гость едет к нам?

Если человек проходит мимо, не заходя в дом — держится так, будто ее оскорбили. Без гостей скучаем весь день — как-то пусто, плохо.

В тот раз был осенний серый день с темными облаками, шел дождь вперемешку со снегом, солнце не светило. Я, осмотрев петли, поставленные в ближайшем лесу моими родственниками на тетерева и зайца, ничего не добыв, вернулся домой. Во дворе на привязи стоял гнедой жеребец. В доме чаевничал житель наслега Дьооху Апанас. Как и прежде, сидел, складно и громко делясь своими новостями. При этом гладил медного цвета широкий лоб, лысую голову и густую бороду.

Мать спросила гостя:

— Как поживает старушка Ылаара — та самая родственница твоей жены?

— ?

— Говорят, позавчера, будто злорадствуя, расспрашивала школьников: «Перестали, что ли, приходить письма от героев-модутцев?» Проявилась-таки спесивость ее предков — богатеи до сих пор не могут обойтись без задних мыслей. Наверно, это она насмехается над нашим Миитэрэем. Считает, что он безродный,

нелюдимый, умеет только охотиться, поэтому по привычке обижает бедного, беззащитного парня. Дает нам знать, что ей не по нраву сообщения о героизме Миитэрэя.

— Ээй, та старушка...

Мать моя не дает договорить старику:

— Они тоже хороши. Даже грехом не считает, у самой сыновья тоже в армии служат же. Если они станут, как Миитэрэй, героями — запоет по-другому, от гордости забудет имя свое. У людей, привыкших унижать и обижать человека, всегда тяжелые, плохие мысли...

— О, не обращай внимания на слова старушки. Прошлой весной, когда сыновья уходили в армию, слышал, что она сильно плакала. Тогда я сказал: «Конечно, будет плакать, в старину плакали даже, когда умирал теленок». А эти слова дошли до ушей старухи, и она ругалась, говоря, якобы я уподобил ее сыновей телятам. Поэтому я к ним не хожу...

— Чэ, пусть слышит. Куда же денется слово, вылетевшее из человеческого рта — всегда кто-то услышит. Это я нарочно говорю, чтобы она услышала.

Удивительно, но то, что человек закрепил в сердце и печени, никогда не забывается. Четко помню, как мать от досады с раздражением, чуть не рыдая, сквозь слезы, разочарованно говорила те слова. До сих пор в моей памяти этот крохотный миг, эта крохотная картина, которая продлилась всего минуту — болтая без передышки, старик Апанас, подмигивает разноцветными с бельмом глазами и прихлебывает из белого блюдца горячий чай.

ЛОСКУТОК ШЕСТНАДЦАТЫЙ

«Был бы брат...»

С братом Миитэрэя — Прокопием — до половины пути идем вместе. Под ногами — осенняя густая пороша времени загона рыбы в запруду. Отсыревшие торбаза покрываются ледяными корками, становятся твердыми. Лицо рассекает острый ветер.

В руке у меня берестяное ведро с волосяной ручкой. Должен успеть дойти до фермы пока не закончился надой молока. Оттуда должен забрать молоко, обработанное на сепараторе, и вернуться домой. В голове одна лишь мысль, как бы ведро не уронить, как в прошлый раз!

Прокопий несет на плечах деревянную манатку, похожую на рогатку. На ней закреплены маленький куль и ружьишко с тонким стволом. Он пойдет дальше, должен перезимовать в местности Сис. По пути в одном месте, в Бестяхе, должен переночевать. Там, в местности Сис, у него есть дальний родственник, охотник. Он живет там, где в изобилии водится рыба. Еды, с которой можно перезимовать — гольяна, вяленой щуки, речной рыбы, — можно запастись сколько угодно. Даже голодное время можно пережить спокойно. Прокопий должен будет вместе с ним добывать зверьё, стать охотником, заготовителем пушнины. Охотникам дают норму муки и не только...

Вот так, раздумывая про себя разное, неторопливо идем вперед. Не разговариваем. Изнутри голос не идет. Разлука всегда трудное дело. В такие голодные годы, как говорится, «расходимся раздавать рты».

Дошли до озера Билиилээх. Оно подобно растянутой медвежьей шкуре, которую бросили на землю, имеет множество рукавов и заливов.

Прокопий, шагающий впереди, некоторое время идет вдоль берега озера, дойдя до ворот изгороди, резко поворачивает в лес. Я подумал, что он увидел белку или боровую дичь. Подождал. Спутник мой дошел до одного толстого дерева, снял поклажу. Подтянувшись на ветках дерева, стал карабкаться вверх. Пройдя густую кучку веток, достал мешочек с чем-то, бросил на снег.

— Оо, имеет запас!

Быстро спустившись с дерева, поднял мешочек и вышел на дорогу. Развязав узел мешочка, несколькими щепотками наполнил мою ладонь крошками засушенного карася. В сердце влилось что-то теплое. Как ни хотелось съесть барчу, засунул в карман. Прокопий положил ме-

МИХАИЛ ТИМОФЕЕВ. ПЕРВЫЙ СНАЙПЕР.

шочек в куль, заново обновил поклажу и опять закинул на плечи. Снова мерно, неторопливо пошли друг за другом. Прошли через ворота изгороди. Прошло немного времени, как дошли до того места, где должны были расстаться. Прокопий вдруг развернулся:

— Чэ, я пошел, — рукой в рукавице хлопнул по плечу. — Если всё будет нормально, весной, пока вода речки не подтопила окрестности, возвращусь. Был бы брат Миитэрэй... вместе ходили бы... Из родных краев не пошел бы к чужим людям... — Он хотел еще что-то сказать, но не смог, слова застряли в гортле.

Затем, развернувшись, сбежал вниз по крутому обрыву озера, ссутулившись, пошел по еле заметной узкой тропинке, проложенной вдоль берега прямо на север.

Сквозь радужные блики на мокрых ресницах, я смотрел, как его фигурка то удлинялась, как железный гвоздь, то укорачивалась, как обух топора, быстро уменьшаясь и становясь все тоньше.

ЛОСКУТОК СЕМНАДЦАТЫЙ

В гостинице «Украина»

В одном из тихих, спокойных номеров замечательной гостиницы «Украина» города Москвы остановились вдвоем с председателем Союза писателей Якутии Семеном Даниловым.

Он каждый день вставал рано и торопился по нуждам Союза. Чтобы издать книги якутских писателей на русском языке в Москве, как он сам говорил, «погостить в издательствах, гоняться за переводчиками». Поздно вечером, он, уставший до упада, возвращался в номер. А я, по пути простыв — на шее выскочил фурункул, в глазу чирей — не мог смотреть в лицо собеседнику, крутился, как медведь. На Москве-матушке реке тоже не увидел то, что хотел увидеть, не сходил туда, куда хотел. Еле ходил на

совещания редакторов, издающих книги, потом вернувшись, валился с ног. По обычаю, заложенному издавна, пытался лечиться разными лекарствами...

Утром рано проснулся от громкого шмыгания носом:

— Чэ, догор, вставай! Делай зарядку. Даже я, который перенес несколько инфарктов, и то делаю зарядку, если сказать, например.

Я не вставал, лежал, тяжело дыша. Почему-то не хотелось вылезти из-под теплого одеяла.

— Ты всю ночь стонал. Такой молодой, но что за болезненный человек, дружище! — помолчав некоторое время, — наверное, ты человек, ставший жертвой Гитлера.

Я сразу понял. Но, чтобы удостовериться, спросил в ответ:

— Э-ээ... Гитлер?

— Гитлер! Ты же человек, которого «съел» Гитлер. Кто же еще? Он же съел здоровье нашего поколения. Он тот, кто забрал половину нашей печени, кого оставил без желчи! В те военные годы, мы, дети войны, сколько мерзли на морозе, сколько жарились в зное... Впоследствии стали беспомощными, больными, беззащитными людьми, с тех пор нашими спутниками стали «айа-дьойо», то есть «больно-то как».

Мне в тот день, в гостинице «Украина» возникла мысль написать вот это стихотворение:

СОЛЬ

**Не забыть мне горечь
этой соли,
чем я бредил в детстве
день-деньской.
Не забыть военной
тяжкой доли:
хлеба нет
и котелок пустой.
Кажется,
что даже
слезы наши
были солоней
в те времена.**

Мать за стол посадит,
тихо скажет:
«Ешьте, дети...»
Ох, и солоната
ты была,
военная похлебка!
Не похлебка -
горькая вода.
Не похлебка -
а людские слезы,
да на дне -
соленая беда.
Мы ее глотали.
Забывали
хоть на миг
о голоде своем.
Мы ее глотали.
Голодали
все равно.
И покидали дом.
Шли гурьбой
в нетопленную школу.
А мороз
до сердца доставал.
И как будто
едкой, вязкой солью
посыпал его
и посыпал.
Сколько же её
в крови осело,
И в душе,
и в сердце, и в костях,
этой соли.
Подсчитать не смею.
Всю ее не взвесить
на весах.
И теперь,
когда врачи качают
головой:
«Как много съели вы
соли...» -
я тихонько отвечаю
«То не соль во мне,
а боль войны...»

Перевод с якутского Анатолия Горюшкина.

МИХАИЛ ТИМОФЕЕВ. ПЕРВЫЙ СНАЙПЕР.

ЛОСКУТОК ВОСЕМНАДЦАТЫЙ

«Раненые деревья»

Поднявшись бегом по высокой железной эстакаде, стою на площадке в ожидании поезда. Немного устал, хотя чемодан не такого уж огромного размера. Вытираю пот.

Если взглянуть вниз — глубокая впадина железной дороги. Может закружиться голова, в глазах рябит. По этим рельсам часто-часто друг за другом, как ивовые гусеницы, с грохотом и придыханием проезжают, покрытые белым паром, длиннющие поезда.

Это западная сторона Москвы — загородная деревня Малеевка под городом Старая Руза. Здесь, в доме творчества писателей, я прожил почти месяц.

До прихода Московского поезда еще минут десять. Ожидая его, про себя думаю: «Столько раз приезжаю, нахожусь близко от могилы Миитэрэя и опять возвращаюсь, не посетив его. Когда же еще приеду сюда? Что тогда...»

Уезжать из этих прекрасных мест как-то не хочется. Возможно, поэтому, чтобы сохранить их в голове на долгое время, с высокой эстакады обзораю окрестности. Природа, растительность, местность каким-то образом напоминают мне Якутию — особенно мою родину Модут. Кругом зеленые леса с крупными елями, между ними широкие равнины, узкие поляны. На них простираются крепкие березы с развесистыми ветвями, стоят высокие кудрявые ивы. С южной стороны под лесом, иногда расширяясь в размер озера, медленно спускает свои воды ленивый ручей. Там, где впадает травяная речка в глубокий темный пруд, в мареве еле виднеется сенокосный луг. Здесь, хотя и редко, но слышны мычание коров, кудахтанье кур и пение петуха, которые радуют мое сердце...

Как горестно, что такую красивую мирную землю фашистские войска растоптали, сожгли и уничтожили... Стоя на перроне, я мысленно читаю строки из стихотворения поэта, фронтовика Дьуон Дьянылы:

Здесь стоят раненые
Деревья, высохшие кустарники,
Луга и пашни
Сгоревшие в те времена.

По здешним местам прошествовали войска, отобранные из самых лучших армий — группировки «Центр», состоящей из 32 дивизий, чтобы Гитлер вошел в Москву. Но наши воины из Западного и Калининского фронтов их смели обратно железной метлой свинцовых пуль!

Про себя радуюсь и горжусь: сотни наших храбрых якутских парней в составе Западного фронта в огненных, кровавых страшных сражениях воевали так же достойно и мужественно, как Ньургун Боотур!

Знаменитые воины 110-й стрелковой дивизии Дмитрий Гуляев, Алексей Миронов, Степан Ковров, Софрон Бушков... тоже воевали в этих местах. Они прошли по этим дорогам, уничтожая, громя своей могучей грудью озверевшего, сильного противника. Они с боями прошли через эти темные глухие леса, широкие поля и долины, по этим оврагам, впадинам бежали, преследуя врага.

А вот Смоленская область, в освобождении которой Миитэрэй принимал участие, отсюда, от города Руза, должна быть совсем близко. Войска, где служил он, освобождали города Ржев, Гжатск, Вязьму, Ярцево. А деревни, где он показал себя овладевшим специальностью мудрого, умелого снайпера в годы войны, были деревни Рожково, Тулизово, Игумново, Челищево. Они находятся еще ближе. Оо, пройтись бы по этим местам!

У меня издавна была мечта, желание посетить деревню Петрово Ярцевского района Смоленской области. Там в братской могиле якобы захоронен Миитэрэй. Такие слухи были распространены. Это желание и на этот раз невозможно исполнить...

Но я все-таки надеюсь на красных следопытов Борогонской школы Вилуйского района. (В 1950 году Модутский наслег воссоединился с Борогонским наслегом). В этой школе работает пионерский отряд имени Дмитрия Гуляева. Возможно, они заинтересуются, захотят узнать

больше о том, почему до сих пор неизвестен точный снайперский счет уничтоженных Дмитрием Гуляевым фашистов за шесть-семь месяцев до его гибели.

В военкомате Вилуйского района есть известие о гибели Миитэрэя. На месте, где должна стоять подпись командира части, подписался некий Боровиков. Номер полевой почты изменился: вместо 754 стало 41158. Знаменитым Миитэрэй стал, когда служил в стрелковом полку 1289. А начальник отдела по наградам и учету Министерства обороны СССР полковник Федоренко сообщает, что старшина Д.А. Гуляев погиб, когда служил в стрелковом полку 1106.

Я надеюсь: пионерский отряд имени Дмитрия Гуляева найдет соответствующие пути, чтобы выяснить эти запутанные и неизвестные факты. Следопыты Борогонской школы даже создали археологический отряд и на местах, где родился, жил, рыбачил, охотился Миитэрэй, на стыке речушек Мунхаарыма и Уоранаа, нашли стоянку, оружие, утварь каких-то древних людей из веков неолита или палеолита.

ЛОСКУТОК ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

Не забудем

Уже прошло четверть века, как потух всепожирающий огонь страшной войны, принесшей народу горе, залившей страну людской кровью. Правду говорят — годы быстро летят, если живешь счастливо и благополучно. Тогдашние шести-семилетние пострелы, провожавшие родных — отцов, братьев в армию, теперь сами стали тридцатипятилетними, почти пожилыми людьми.

В одном из переулков Якутска стоит знакомый мне дом. Распахнув его дверь, я влетаю внутрь.

— Откуда, друг, пропадавший так долго, возник неожиданно, всплыл, как поплавок удочки? — хозяин дома встречает с шуткой. До блеска

чистит пуговицы шинели и гимнастерки. Похожие на отца, круглолицые, почти одного роста мальчики лет десяти, увидев дядю, наострили уши, чтоб услышать вести. На самом деле собирались, оказывается, идти покататься на лыжах и коньках. Зная, что я обязательно буду спрашивать у них про учебу, итоги четверти, и попрошу показать дневники, тетради, без напоминаний стали рыться в сумках, чтобы достать их. Только беззаботная трехлетняя Надя, сидя на полу, с треском заводила машинку. Мама отсутствовала — ушла на работу.

Это тот, о ком я отрывками рассказывал прежде — родной брат Дмитрия Алексеевича Гуляева — Прокопий Алексеевич Гуляев. Мы находимся в его теплом уютном жилище — доме, где царит счастье и покой. На стене в золоченой раме под стеклом висит портрет брата с орденом Красного Знамени, смотрящего прямо в глаза зорким взглядом. Проня с этой фотографией не расставался, даже когда освобождал Румынию, Австрию от озверевших фашистов Гитлера, всегда носил в кармане гимнастерки. Он с победой дошел до Берлина, участвовал в уничтожении врага, разгроме фашизма, живым вернулся на родину. Это отдельный рассказ...

Его, восемнадцатилетнего парня, призвали в армию весной 1944 года. Перед самым призывом получил весточку о гибели брата. Дмитрия фашисты специально разыскивали, убили выстрелами из пушки. Дмитрий Гуляев был убит снарядом 10 сентября 1943 года у деревни Петрово Ярцевского района Смоленской области.

Ефрейтор Прокопий Гуляев, выполняя священную месть за смерть брата, сражался храбро и мужественно. Свидетельством тому были медали «За отвагу», «За боевые заслуги» и другие, всего восемь боевых медалей, благодарственные письма командования.

Так же как и воевал за свободу на фронте, Прокопий Гуляев ныне трудится за торжество мирного труда, за благополучную жизнь. В 1968 году указом Президиума Верховного Совета СССР был награжден медалью «За трудовую доблесть».

Перед нами лежит тетрадь, в которой бережно и заботливо собраны и пришиты старые, потрепанные, пожелтевшие треугольники писем и фотооткрытки, на обратных сторонах которых написаны краткие записи о событиях. Это — письма Дмитрия Гуляева. Он имел, оказывается, привычку, в коротких передышках между боями, на привалах писать коротенькие в несколько слов письма. Некоторые письма и многие фотографии при хождении по рукам, чтении многими людьми, потерялись, исчезли. Но всё-таки, если со скрупулезной внимательностью прочитать эту тетрадь, то будто наяву слышишь и видишь брань и крики сражающихся солдат, жар и горе полей сражений и битв, чувствуешь запах дыма и огня, всё это проходит через сердце твое. Некоторые строки из этих писем вот они:

«Под Иркутском проучились больше трех месяцев. Тогда я вам не писал еще. Нас отправили на фронт 14 января. Но, все же, на передовую линию фронта — в войну вступили 17 февраля (1942 год — М.Т.). 19/III, в тот день меня вызвал командир роты и спросил: «Говорят, ты охотник?». «Да, охотник», - сказал я. Потом повел на стрельбище, приказал стрелять по мишени. Сказал, что я самый подходящий для снайпера человек. Так, полтора дня учился на снайпера. В первый раз нашел хорошее место для засады, на второй день, когда появились два человека в белых маскахалатах, их сразу повалил. Считаю с этого момента, уничтожил 75 человек. Имею Правительственную награду. Дали звание старшины...».

«... На расстоянии выстрела из винтовки — 700, 800, 900 метров, если увижу человека, пуля моя точно попадает в него, второй раз не поднимаются. Иногда с помощью оптического прибора винтовки попадаю даже на расстоянии одного километра. Охотимся за немецким снайпером. Это сильно отличается от охоты на утку или зайца. Допустишь хоть маленькую ошибку, это равняется смерти...».

МИХАИЛ ТИМОФЕЕВ. ПЕРВЫЙ СНАЙПЕР.

В то время в нашем наслеге из родни Миитэрэя не оставалось человека, который бы мог прочитать письма. Поэтому Миитэрэй, в основном, адресовал свои письма старшему брату Николаю Ивановичу и младшему брату Проне.

Теперь отрывок из письма, которое неизвестно когда было написано, начала нет:

«Стал вспоминать брата, родных, родину. Пища не пища, еда не еда.

Германцы засели в окопы, лежат, притаившись в блиндажах и дзотах. Каждый раз меняют роты. Отстреливаются одними пушками. У немцев вооружение в основном пулемет и автомат. Ночью осматриваются, выпускают в небо ракеты.

Мне, говорят, дадут награду. Фотографию отправил, вступил в комсомол. Пишите. К маю буду ждать, если останусь живым. Как живете, пишите обязательно. Если письмо ваше придет ко мне, буду думать, будто вы сами пришли ко мне. Так дороги мне ваши письма. Обязательно напиши, где мой брат, как он? Нет времени писать много».

Вот тоже из письма, у которого нет начала:

«... Если дойдет до вас, прошу рассказать всем родственникам, и отправил фотокарточку. Настанет ли день вернуться живым или нет. Если не вернусь, исчезну, прошу старшего и младшего братьев оставить фотографию на память. В штабе полка два раза сфотографировали. И сказали, что напечатают в газете и дадут мне. С пламенным теплым воздухом отправляю свое прощание. Пишу, чтобы все знали. Нет покоя, чтобы подробно написать. Было бы время, написал бы разное.

Д.А. Гуляев.
5/III. 1942 год».

«... Мне нельзя сообщать где, в каком направлении я воюю, так же как и точный адрес. Военная тайна. Когда фотографируют, снимают только голову. Немцы несут большой урон. Мы, освобождая безмерно много городов, деревень, день за днем продвигаемся вперед. Я

здесь пользуюсь уважением среди людей. Помогите брату Проне, следите за ним, сделайте человеком. Остался один-одинешенек, сиротой...».

«Я вам много раз писал, а мне даже маленькой, с лоскуток, бумаги не пришло. Как мой брат-бедняга мучается, пишите точно, не убавляя и не прибавляя ни одного лишнего слова. Мой адрес: 754 полевая почта, 1289 стрелковый полк, 1 батальон, II рота».

А вот на этой фотографии текст написан в годовщину начала войны:

«Гуляев Николай Иванович, Гуляев Прокопий Алексеевич.

Я сейчас здоров, нахожусь на прежнем месте. Собирался улетать в Москву на аэроплане. Остался из-за отсутствия места. Сейчас нахожусь в чести и почете. Свыше четырех месяцев пробыл на фронте. Присвоили звание — старшина. Зарплату — 298 рублей получил. Отправлю вам. Вы пишите. Пока, прощайте. Может, вернусь...

Гуляев Дмитрий Алексеевич
22 июня 1942 г.».

«Старший брат, братишка, примите от меня пламенный горячий привет! Я пока жив. Даже не ранен. Ныне, 23 июня, приехал в дом отдыха, отдыхаю. Служу в прежнем полку. Я на хорошем счету среди бойцов. В своем батальоне один из лучших. Я много снялся на фото. Из них отбирают для напечатания в газете. Меня считают известным человеком. В составе начальства нет такого человека, который не знал бы меня. Был награжден медалью, часами. Еще дадут «За отвагу». Вы пишите мне. Пиши, где находится мой брат. Ты прими к себе брата, сделай из него человека. Нехорошо будет, если бедняжка-брат останется между небом и землей. Сам это пойми. Так что пишите мне. Вдруг, если Гитлер проиграет, возможно, вернусь. Пока я здесь. На фронт попал 17 февраля. Я так много написал вам, но ответа нет. Мне неизвестно — живы вы

или нет. Пишите, пишите. Прощайте, если не погибну, возвращусь.

24 июня 1945 года».

«4 июля 1942 года.

т.т. Гуляев Николай Ив.,

-»- Прокопий Ал.

Я пока жив. Служу очень хорошо. В феврале сражались. С тех пор жизнь моя не так плоха. Сейчас служу снайпером. Вот только вы и я не знаем друг о друге ничего. Уже получил правительственную награду. Собираюсь получить вторую. Рядом со мной сражаются разные национальности и русские. Я вам отправлял три фотографии. Вы пишете мне. И о брате моем, где он находится, хорошо ли, плохо ли ему, жив он или нет, не утаивая ни одного слова, пишите. Как письмо дойдет, сразу же пишите ответ. Пишите, как живут люди, как трудятся в колхозе... Я буду писать, пока живой. Если погибну, даже душа моя не долетит обратно из дальней земли».

«...28.I. 43 г. из родины от имени колхоза получил дорогую, ценную посылку. Благодарю, словами не передать. Как будто побывал у Нэлэкээ-эбэ, где охотился и рыбачил, будто встретился и поговорил с родными людьми. Духом воспрянул. Какими счастливыми будем мы, когда вернемся на родину, оставшись живыми в этой страшной войне!...».

«Как нынче охота-рыбалка, урожай сена и зерновых? Пишите. Не ждите, пока дойдут мои письма, пишите заранее. Я тоже, если найдется свободное время, буду писать всегда. Эта птичка, которая в каждую весну у нас пищит «надо есть собо*, надо есть собо», здесь тоже пищит «надо есть Гитлера, надо есть Гитлера». Так что, наверняка, победим Гитлера... Прощайте...».

«Здравствуй, Гуляев Николай Иванович!

Я пока служу хорошо, здоров. Ныне всем фронтом отодвигаем немцев. Освободили несколько населенных пунктов с большим количеством населения. Я не ранен. Я сейчас нахожусь в снайперском... (четко не видно – М.Т.). Уничто-

жил 79 немцев. Вы почему мне не пишете? Я стал воевать с 17/II-42 года. С 20.3.42. считаюсь снайпером. Вы пишете мне. Обязательно сообщите, что живы. У меня бумага закончилась писать вам. Прощайте. Не погибну — приеду.

Твой брат Гуляев Дмитрий Алексеевич

19 августа 42 г.».

Как видно, долгое время не получая весточки с родины, особенно, не зная о судьбе брата, Митэрей сильно тревожился. У человека, который хорошо знал нашу трудную во время войны жизнь в тылу не понаслышке, наверняка, возникали разные мысли в голове...

Напоследок прочитаем последнее письмо из всех прошитых в этой тетради писем, написанных нынешним и латинским алфавитами, которых невозможно было прочитать без лупы. Это письмо было датировано самым последним, поэтому хотелось привести полностью, как есть, как написано:

«22.2. 43 года

Николай Иванович, больше года, не встречаясь друг с другом, шлю теплое воздушное слово привета!

Твои письма получил три раза. Сам я здоров. Знаю, что ты получил 700 рублей, которые я отправлял вам. 22.1. 43 года перевел одну тысячу рублей. Получили ли? А еще я от района получил посылку. Была адресована от моего колхоза. Почему-то твои письма не доходят до меня, или не пишешь? По истечении времени, иногда возникают мысли, что ты пренебрегаешь мной. Я еще написал в райком партии. Надеюсь, что оно выйдет в районной газете. Три раза получал награды. Я вам отправлял две фотокарточки. В последнем фото посмотри на мой облик и прошу сообщить мне о том, что получил деньги и жив ли ты. Если пренебрегаешь мной, сообщи мне. Служа в рабоче-крестьянской Красной Армии, хочу узнать о родине. Почему не даешь знать о себе? Если не надеяться на тебя, на кого же буду надеяться, почему не пишешь? На этом заканчиваю писать.

Твой брат Гуляев Дмитрий Алексеевич».

МИХАИЛ ТИМОФЕЕВ. ПЕРВЫЙ СНАЙПЕР.

* Собо - карась (як.)

Прокопий
Алексеевич
с семьей.
Благовещенск,
1972 г.

Дмитрий Алексеевич Гуляев один из первых снайперов-якутов, кто участвовал в уничтожении гнусного врага — фашистской орды. Лучшие якутские сыны отдали свою светлую жизнь ради свободы родины, за ее будущее процветание, не вернулись с полей сражений...

Друг мой из одного поколения, земляк мой Семен Иванович, ошибочно думаешь, что их священные имена в забвении, забыты. Их славные имена будут примером для будущих поколений, будут призывать горячо любить родную сторону, будут воспитывать ненавидеть врагов. Как Чолбон*, будут стоять в небе яркой звездой, как вечерний закат и утренняя заря, будут освещать небосклон. Они свои имена сами вписали не тускнеющими золотыми буквами в историю двадцатого века.

Поговорка гласит: «Что написано пером, не вырубишь топором». Свидетельством этих слов являются документы, включенные во вторую часть книги.

Нет, мы их никогда не забудем!

Гуляев Прокопий Алексеевич. Родился 15 мая 1925 г. Умер 4 ноября 2005 г.

Служил в воинской части 529 3 Украинского фронта, в пехоте, стрелком.

Боевые награды:

Март 1945 г. Благодарность за выполнение боевых заданий.

26.05.1945 г. Медаль «За отвагу».

Награды после войны:

05.11.1954 г. Медаль «За боевые заслуги».

11.03.1985 г. Орден «Отечественной войны» II степени.

* Чолбон - Венера.

Софья Прокопьева родилась в 1979 году в городе Якутске в творческой семье. В 2001 году закончила отделение журналистики Новосибирского госуниверситета. В годы учебы писала новостные заметки для газет «Якутск вечерний», «Эхо столицы», «Якутия» и «Экономический вестник». По окончании учебы работала в общественно-политическом еженедельнике «Поллярный круг». Через год перешла в пресс-службу президента и правительства Якутии.

Софья ПРОКОПЬЕВА

УЗОРЫ В ТЕТРАДКЕ

(рассказы)

НАЧАЛО

– Мы не можем предвидеть наше будущее, потому что мы не боги. Наш ум ограничен нашим жизненным опытом, представлениями о том, что возможно, а что нереально, впечатлениями, мнениями общества, других людей. Мы не видим всю картину целиком, – промолвил он. – Только Бог

видит всю картину целиком, у него свои планы на нас. Судьба же идёт своим чередом, – продолжал он, глядя на пламя костра.

Поэтому нам остается только принять и полюбить ту жизнь, в которой очутились, потому что мы шли к этому всю нашу жизнь и то, что мы имеем, есть результат наших мыслей, представлений, слов и поступков.

– А если нам не нравится то, что мы имеем, что делать с этим? – спросил его путник.

– Я уже сказал: принять, полюбить, наполнить это любовью и теплом. И с молитвой идти вперед, помогая другим. Тогда и жизнь преобразится. А теперь пора уже спать, – ответил он.

Лес погрузился в темноту. На черном небе блистали звезды, светила полная луна. Легкий ветерок шевелил ветви деревьев, становилось прохладно.

Они зашли в палатку, устроились в спальных мешках и уснули. Ночью путнику снились странные сны.

Когда путник проснулся, уже рассвело. Старец сидел на берегу и молился. Путник собрал хво-

СОФЬЯ ПРОКОПЬЕВА. УЗОРЫ В ТЕТРАДКЕ.

рост, развел костер. Огонь быстро охватил траву, перекинулся на мелкие сучья, завился сероватый дымок, и, вот уже затрещали заготовленные с вечера поленья. Путник набрал в реке воды, поставил котелок на огонь. Солнце только поднималось из-за гор, было слышно крики чаек и стрижей. Когда птицы замолкали, наступала полная тишина.

– Наша жизнь – это преодоление: преодоление себя, сиюминутных желаний, собственного эгоизма, жадности, лени, беспокойства, мнительности. У каждого свой набор. Преодолев каждое препятствие, мы становимся чище, а за следующей дверью открывается что-то новое. Жизнь становится чище и легче, более счастливой и наполненной. Важно только идти. Кто-то сворачивает, затем снова возвращается на нужную дорогу, у каждого свой путь. У кого-то прямой, как стрела, другой ходит, будто по кругу, третий петляет. Нет правильного и неправильного пути. У каждого он свой, – продолжал старец, когда они закончили пить чай с лепешками.

– Мне нравится вот так просыпаться на берегу реки. Я так и прожил бы здесь всю жизнь, – произнес путник.

– Жить в дали от людей – так себе испытание. Только среди них ты видишь свои недостатки, темные стороны. Здесь на берегу реки ты легко можешь показаться себе чистым и совершенным. Каждый встреченный тобой человек твое зеркало, отражающее частичку тебя.

В прозрачном воздухе ощущалось дыхание приближающейся осени. Редкие желтые листья начали свой бег.

– Скоро сентябрь, я возвращаюсь в город, к детям и внукам. Мое путешествие закончилось, – промолвил старец.

– И что дальше?

– Это уже друга история.

– Хорошо.

Они еще сидели у костра, погрузившись каждый в свои думы. Путник думал о том, что же важно для него. Ему нравилось быть в одиночестве. Мысли кристаллизировались, наступало полное умиротворение. Но сегодня он понял, что старец прав. Легко любить людей вдали от них, принимать мир, находясь вдали от боли и трудностей жизни.

Позже они собрали палатку, упаковали вещи,

посуду, забросали песком догорающий костер и направились на восток, в сторону города. Старец шел бодрым спокойным шагом, рядом следовал путник. К вечеру они остановились на ночлег. Разбили лагерь у сопки, разожгли костер. На небе светила луна. Они снова говорили. На сердце путника было тепло и спокойно. Он возвращался к людям.

ОСЕННЕЕ СОЛНЦЕ

Сентябрь выдался на редкость теплым и солнечным. Солнце светило ярко, отражаясь в золотой листве тальника и берез. Низкое осеннее небо сияло яркой синевой, почти прозрачной и насыщенной. В небе проплывали белые облака, напоминая гигантские замки, сказочные корабли, или гигантские волны. Безбрежное небо сливалось с золотистыми аласами и долинами. И казалось, что осень будет такой всегда – согревающей и смеющейся.

И все же с реки поддували холодные ветры, обдавая ледяным дыханием. Ближе к концу месяца небо затягивали серые, налитые свинцом тучи. Каждый день синоптики обещали снег. И казалось, вот сейчас снег начнет свой медленный танец. Но все тот же ветер уносил редкие снежинки куда-то вдаль.

Мария сидела на большом валуне на берегу реки. Бурные воды бились о берег, а река текла, сильная и могучая, древняя и вечная. Ветер дул в лицо, трепал выбившуюся прядь волос. Она любила приходить сюда и смотреть на течение реки, мощное и быстрое. Ей казалось, что река уносит все тревоги и волнения, беспокойства и грусть. Именно здесь можно ощутить, как мысли растворяются и рассеиваются, остается чисто сознание в первозданном виде, вне времени, пространства. Река возвращала её к себе самой, к душе, вечной и бессмертной. Она сидела и благодарила реку, деревья, песок, и желала всем счастья. От этого ей делалось тепло, не смотря на прохладу.

Она бывала здесь недолго, минут тридцать, редко удавалось провести час наедине с рекой. Потом она возвращалась домой. По дороге изредка встречались ей люди. Чаще всего это были мужчины с собаками. Иногда попадались влюбленные пары или сосредоточенные бегуны. Постепенно нарастал шум города, гул автомобилей,

голоса людей. Ей нравилось возвращение. Она шла легкая и спокойная, тихая и в то же время радостная. В этот момент она понимала, как она любит свой город. Любит его пыльные улицы, разбитые дороги. Это был ее город, она ощущала себя частью города, его историей, его дыханием.

Она всю жизнь провела здесь, встречала рассветы и провожала закаты. Город рос и преображался. Мария росла вместе с ним, дарила ему улыбку, тепло своего сердца. Иной раз грустила, проходя по его улицам. Радовалась, гуляя по набережной. Искала ответы на вопросы, присев на скамейке в парке. Ей казалось, что город слышит ее, дает ей подсказки, ведет по жизненному пути.

Июль. Солнце нещадно палило уже две недели. Все вокруг изнывало от зноя. Жители дачного поселка с утра уезжали в город на работу. И мир вокруг застывал. Лишь редкие бабочки и стрекозы пролетали меж сосен. А вечером дачники тихим шагом возвращались домой, ловили легкое дуновение ветра, вдыхали запах соснового бора, укрываясь в тени от вечернего солнца.

В один из таких дней Даша с Полей познакомились с девочкой. Полине недавно исполнилось пять. Друзей у нее было немного. Ей вполне хватало общества старшей сестры, закончившей 10 класс. Несмотря на разницу в возрасте, они прекрасно находили общий язык. Вечером Поля с восторгом рассказывала о новой подруге.

– Её зовут Шура. И у неё есть собака. Я тоже очень хочу собаку, – щебетала она.

– Классно, что ты познакомилась с девочкой. Здорово же. А с собакой не получится. У меня же аллергия.

– Ну ладно, – расстроено произнесла Поля.

На следующий день дочки уговорили меня пойти вместе с ними прогуляться к озеру. На обратном пути Поля попросила сходить вместе к новой знакомой. Идти туда совсем не хотелось. Дело шло к полудню и, даже в тени воздух обволакивал своим жарким дыханием. Хотелось быстрее вернуться домой и устремиться в его прохладу. Но младшая дочка увлекла меня за собой. Даша уже исчезла за зеленой калиткой.

– Ладно, зайдём ненадолго. А потом домой, отдохнуть.

Заскрипела железная калитка. И я попала в параллельную реальность, я застыла на месте. Духота усилилась, воздух стал вязким и тяжелым. Как будто время встало. Я не была здесь лет двадцать, с тех пор, как мне было двенадцать. За новым забором всё было, как когда-то давно. Абсолютное дежа-вю. Справа старый амбар, кусты смородины, за ними огромная собачья будка, детская песочница. Слева клумбы с огненно-рыжими сарданами, позади них палисадник, на кустах бузины, словно гирлянды, краснеют ягоды, рядом акация. За ними старый двухэтажный дом, стены выложены все теми же аккуратными досочками, которые даже не потемнели за эти годы, веранда выкрашена в ярко-синий цвет, белеют резные рамы. Рядом белая летняя кухня.

Нам на встречу с залиvistым лаем на коротеньких лапках выбежала маленькая рыжая дворняжка. «О, Шарик. Нет, не может он быть Шариком, он тогда был взрослым», – промелькнуло в мыслях.

– Шарик, фу! – раздалось с веранды. Голос резанул слух, пробудил старые воспоминания. Когда-то я уже его слышала, эти интонации, легкий акцент, слегка назидательный тон.

Шарик? Шарик! Они всех собак называют Шарик? И где находят такие экземпляры?

И тут показалась худенькая, смуглая девочка, с длинной косичкой. Я уже видела её много лет назад. Я ее вспомнила. Очень отчетливо. Эти глаза, сосредоточенный взгляд, серьезное выражение лица, без тени улыбки.

Я опешила и растеряно поздоровалась. Дети, не замечая моего замешательства, весело болтали. Девочка прыгала со скакалкой, что-то рассказывала Поле. Даша стояла в стороне и, казалось, внимательно слушала их.

А я как замороженная смотрела на всю эту картину. Ощущение времени потеряно. Казалось, пространство раздвоилось, закружилась голова, застучало в висках. Я здесь, смотрю на детей и одновременно я там, у песочницы. Солнечные лучи пробиваются сквозь ветки деревьев. Жена прыгает со скакалкой. Мимо пробегает Шарик, забирается в несоразмерно большую конуру, доставшуюся ему по наследству от немецкой овчарки. Я терпеливо жду своей очереди, чтобы взять скакалку и на первом же прыжке запнуться. Пытаться прыгать, снова и снова спотыкаться. А Жена пылливо смотрит на меня. Мы обе смеемся.

Через миг наваждение прошло. Все снова вернулось на места. Новый Шарик бегают вокруг Даши. Шура учит Полину прыгать со скакалкой. У нее не получается, она злится, бросает скакалку на землю, молча стоит в стороне. А Шура снова скачет, напевая себе что-то под нос.

– Может домой? – с надеждой спрашиваю я.

– Да. Идём.

– Шура, до свидания.

– До свидания. Приходите еще.

– Хорошо! – произнесли мы одновременно.

Медленным шагом пошли к нашему дому. Это странное ощущение ещё долго не отпускало меня. Где-то в параллельном мире мы прыгаем со скакалкой, строим замки из песка, носимся меж деревьев и кажется, что так будет всегда.

– Сколько солнц в вашей галактике? – спросила сестра.

– Теоретически бесконечное множество, ведь мы сами решаем, сколько их должно быть. Это вопрос внутренней готовности, – ответила я.

Мы разговаривали с сестрой на залитом солнцем аласе, рядом с дедушкиной дачей. С тех пор прошло несколько лет. И количество малых солнц в нашей галактике увеличилось. Но так больно и грустно от того, что другие угасают. И мы не в силах изменить это, мы можем лишь смириться и принять.

Солнца бывают разные, большие и малые. Среди них есть те, в чьей орбите мы находимся на протяжении долгих лет, с самого рождения. Мы можем отдаляться и приближаться, но их незримое присутствие всегда ощутимо, мы связаны с ними мощными родовыми потоками. И нам кажется, что так будет всегда. Что это мощное, доброе, светлое Солнце будет освещать твой путь всегда, всегда будет дарить свою силу, энергию и тепло. Но однажды оно гаснет, вопреки твоим надеждам и мольбам. И, кажется, что ты потеряла что-то очень важное. Но мироздание продолжает жить. И ты понимаешь, что тебе нужно двигаться самой, перестать брать и начать отдавать. Хранить в сердце память о Большом Солнце, верить, что оно будет и дальше светить в лучшем из миров,

продолжать свой путь, видеть в каждой слезе его свет и пронести его через всю жизнь.

МАГИЯ МАЛЕНЬКИХ ШАГОВ

– Ты, знаешь, я, кажется, поняла, чем я хочу заниматься, – начала разговор Марина, чуть растягивая слова. Она вдыхала аромат свежесваренного чая с облепихой. Какое это удовольствие зайти с холода в теплое, уютное кафе. Устроиться на мягком диване, заказать любимый чай, рассматривать картины, на которых изображены уютные улицы. Сегодня у Марины выходной. С утра проснувшись, она подумала, что давно не заходила к подруге. Закончив с домашними делами, она попрощалась с мужем побежала в кафе, где работает Света. Они дружили еще со школы, вместе гуляли, делились секретами. После их пути разошлись, но они продолжали созваниваться, встречаться, ходить другу к другу в гости.

– Это здорово! И, что же это? – спросила Света, отпивая малиновый чай.

– Помнишь, я в детстве много рисовала? Почему бы мне не начать снова рисовать.

– О, да. Ты готова была рисовать везде, на чем только возможно, и чем только возможно, – засмеялась подруга. Ее смех звучал все так же звонко и заразительно, как в те дни, когда они играли на даче в сосновом бору. Да, Мариниными рисунками восхищались все. Она рисовала портреты, пейзажи, стенгазеты. Она рисовала легко, беззаботно. Ее рисунки были теплыми и радостными. Но в какой-то момент, в старших классах, Марина сказала, что это только развлечение, а профессия должна быть серьезной. Отложила альбом, краски и карандаши в сторону. «Буду юристом», – говорила она. И с головой погрузилась в историю, обществознание, правоведение.

– Хочу уволиться уже. Правда, не представляю, как это сделать и что меня ждет. Ты как думаешь?

– Ты, правда, хочешь получить мой совет?

– Хм, да, – кивнула Марина, откинув прядь иссиня-черных волос назад.

– Я рада, что ты снова будешь рисовать. Это так здорово. У тебя всегда были потрясающие рисунки, – произнесла подруга. – Только прошу тебя, не увольняйся вот прямо сейчас. Просто рисуй, выкладывай свои картины в интернет. Каждый день

понемногу. По полчаса в день, к примеру, потом постепенно увеличишь.

Марина резко подняла взгляд и внимательно изучила лицо подруги, пытаясь понять ее чувства. Она увидела в этих обычно смеющихся, серых глазах спокойствие, серьезность и всю ту же теплоту, как всегда.

– Почему?! – удивленно спросила она. – Я вот прямо сейчас готова пойти и уволиться. Ты, знаешь, как я устала, вот просто пустота и никаких сил. А на днях я купила карандаши и скетчбук, и начала рисовать, один набросок за другим. Столько радости появилось, я ощутила такой подъем, умиротворение и спокойствие впервые за много лет. У меня просто какой-то душевный подъем. И я поняла, что не тем занимаюсь. Я как будто столько лет потеряла, закрыла себя на замок.

– Слышала про искусство маленьких шагов?

– Нет, – помотала головой Марина.

– Если выразиться в нескольких словах, то к цели надо идти постепенно, не спеша, чтобы не надорваться на старте. Это как в беге, если в самом начале побежишь быстро, сил на всю дистанцию не хватит. Ну и материальные вопросы никто не отменял. Потом, посидишь вот так без работы, без денег, закутишься в повседневных делах, и можешь быстро разочароваться. Все же надо есть, пить, оплачивать счета, покупать те же краски, кисти, холст.

Марина откинулась на спинку дивана, отвернула взгляд к стене, минуту вглядываясь в картину неизвестного художника. Она как будто на мгновение забыла про тему их разговора, разглядывая цвета. Ей всегда нравились игра цвета, тени, переходы. Помолчав, она повернулась лицом к подруге.

– Я уже решила. Вот смотри, уволюсь, появится время и силы. Буду писать картины дома и искать работу. И вообще я думала, ты меня поддержишь, – обиженно произнесла она.

– Я поддерживаю тебя. Я всегда знала, что ты отличный художник. Просто, я хочу, чтобы ты не разочаровалась. А вдруг ты не найдешь работу сразу. Потом согласишься уже на любое предложение, и скорее всего, работать придется больше, а получать будешь меньше. Это только, кажется, что ты уволишься, всё сразу получится: время появится, вдохновение, силы и все такое. А что Сережа об этом думает.

– О, ему я не говорила. Он, конечно, будет только рад, если я буду рисовать. Он всегда меня подталкивал к рисованию, но мой уход с работы он точно не поддержит. Я об увольнении и раньше говорила.

Подруги, какое-то время молча, пили чай. Марина готова была обидеться, но где-то в глубине, понимала, что Света в чем-то права.

– А как выделять время с моим графиком, с 9 до 18 в душном офисе? – она прервала паузу.

– Посмотри с другой стороны. В теплом, уютном офисе, – улыбнулась подруга. – А если серьезно 15 минут в графике можно выделить, да хотя бы вместо получасового обсуждения коллеги из соседнего отдела. Или в обеденный перерыв те же 15 минут. После работы, до работы. Да, придется чем-то жертвовать. Одной съеденной булочкой, парой просмотренных сайтов, бесцельным листанием фейсбука. Заодно, сделаешь полезное дело – украсишь офис картинами.

– Слушай, ты права. Это же так просто. И, правда, время можно выкроить, – оптимизм возвращался к Марине. Она осознала, что хоть и готова уйти с работы, но вот так взять и уйти на самом деле не сможет.

– Просто, и в то же время очень сложно. Это нелегкий путь, но он того стоит. Отказаться от привычных действий. Тяжело изменить привычку откладывать то, что действительно важно на завтра, послезавтра. Это так просто задвинуть себя на второй план. Мы часто ждем идеального времени, стечения обстоятельств, настроения. Но дело в том, что эти условия могут не наступить никогда. Всегда что-то происходит, есть дела, которые мы должны делать. Не жди этого дня. Он может и не наступить.

– Но, если уйти с работы, у меня будет больше свободного времени, которое я посвящу себе и своему делу, – нотки сомнения заговорили в ней.

– У тебя уже есть заказы? Отказы?

– Пока нет.

– Конечно, дело твое. Но мне кажется, тебе надо вспомнить, усовершенствоваться. С каждым днем у тебя будет получаться все лучше и лучше. Ты обрешь реальную силу, обрешь веру в себя, у тебя появятся клиенты, единомышленники, команда, группа поддержки, и тогда тебя уже ничто не остановит. Попробуй не брать новые проекты

на работе, просто выполняй задания быстро и качественно, так, чтобы появлялось время на свое дело. И там, глядишь, подвернется верный твой вариант. Вселенная поможет. Поверь, так будет лучше, – продолжила Света допивая чай.

Вкус малины успокаивал ее и настраивал на правильный лад, вдохновлял.

– Да, в этом что-то есть. Я подумаю, – ответила Марина, – Ладно я побегу. Столько дел еще. Я в лавку художника. И рисовать. Спасибо, подруга. Ты такая умная.

– Пока. Удачи тебе – улыбнулась Света. Проводив подругу, она отправилась на кухню, где ее ждали уже с нетерпением. Посетители прибывали, и пора было браться за работу.

Света работала в этом кафе уже три года. Она любила свою работу. Ей нравилось готовить. Она точно знала, что люди не просто поглощают калории, нет, она верила в то, что с едой они получают энергию, которую вкладывали в процессе приготовления пищи. Ее вдохновлял и наполнял процесс приготовления еды. Но так было не всегда. К этому она шла долго.

В детстве она видела волшебство в руках мамы. Магию продуктов, специй, масел, огня, посуды, в которой готовят и в которой подают еду. Ей нравилось проводить время с мамой на кухне. Ее завораживали мамины руки, смешивающие разные продукты, разминающие тесто, нарезающие свежую зелень на доске, шипение масла на сковороде, аромат специй, которые мама легким движением добавляла в масло. Сначала она наблюдала, училась, запоминала рецепты. Потом начала готовить сама. Но постепенно ее интересы изменились. Она все меньше времени проводила на кухне. Все больше общалась с друзьями, появились другие интересы, походы в кино, на дискотеки, школьная жизнь, домашние задания, контрольные, рефераты, кружки. В старших классах она решила стать экономистом. Ей казалось тогда, что это достойная профессия, хорошее дело жизни. Она легко закончила институт. Окончив его, она долго не могла найти работу. Устроилась менеджером в магазин. Но через какое-то время она поняла, что не получает удовлетворения от того чем занималась, росли усталость и раздражение. Однажды возвращаясь с работы, она вдруг свернула в переулок. И тут на глаза попало объявление с

рекламой кулинарных курсов по выходным. Рука как будто сама потянулась за телефоном, она сфотографировала объявление и пошла дальше. «Это то, что надо», – крутилось в мыслях. Как я раньше об этом не подумала. Это то, что у меня получается, я чувствую продукты, пропорции, получаю удовольствие от приготовления пищи.

Да, так оно и было. Света каждые выходные бежала на занятия. В будние дни по вечерам экспериментировала дома, угощала друзей, коллег, соседей. Все хвалили ее блюда, уходили сытые и довольные. Постепенно ей стали заказывать выпечку, десерты. Она экспериментировала. Что-то получалось, что-то нет. Но постепенно слава о ней разошлась по городу. Посыпались предложения. Но она выбрала это небольшое и уютное кафе. Ей понравилась хозяйка. То, с каким отношением она создавала дизайн, меню, выбирала продукты. Это было то, что откликлось у нее в сердце. Она ушла из магазина. И теперь колдовала на кухне душевного кафе. Она была счастлива. Она видела, какими довольными люди покидают кафе, как меняется их настроение, как они согреваются, наполняются энергией и радостью.

Света прекрасно понимала подругу и верила, что у нее все получится, что она найдет себя, и ее картины будут радовать и вдохновлять.

ВЕЛОСИПЕД

Дочка уехала кататься на велосипеде. И Виктория снова ощутила предательское раздражение, тихое, почти незаметное. Можно отмахнуться и дальше заниматься дачными делами. Прополоть грядки, прибрать веранду, полить цветы. Она прошла мимо рядов с ярко зеленой петрушкой, укропом, морковкой, окинула взглядом беседку, взглянула на клумбы с розовыми петуниями и ярко оранжевыми бархатцами. Нет. Сегодня раздражение задвинуть не получалось, оно не отступало. Женщина подспудно ощущала это гложущее чувство.

Обычно она с радостью подставляла лицо ветру, а в этот раз он казался ей холодным и совсем некстати, развевающиеся волосы неприятно щекотали лицо. Солнце било в глаза. Она зашла в дом. Привычным взглядом окинула комнату. Разбросанные игрушки, неубранные карандаши

и альбом вызвали волну возмущения, она вдруг ощутила невероятную усталость. «Почему нельзя убраться за собой, это что так трудно, собрать карандаши в стакан, закрыть альбом, прибрать игрушки?» – закрутилось в голове. Она усилием остановила поток этих мыслей. «Они дети, их просто надо попросить и они уберут». В этот раз эта мысль не помогла. Раздражение нарастало. «Так стоп!» – сказала она себе, сложив карандаши в стакан. Она опустила на стул и спросила себя: «Что меня так раздражает?» Откинувшись на спинку, слегка запрокинула голову, выпрямилась и посмотрела на потускневшую репродукцию с цветами. Эта картинка висит, сколько себя я помню, подумала Вика.

В памяти всплывали одна за другой картинки из детства. Вот она бежит с сестренкой под дождем. Потом вспомнилось, как они строили шалаш в глубине двора, рядом с большой сосной. От воспоминаний стало тепло и радостно, улыбка украсила ее лицо. Она вспоминала красивое лицо бабушки и песни дедушки на их даче. Кусты боярышника, смородины, черемухи. Дедушка выводит из сарая новенький ярко-зеленый велосипед. Помогает ей сесть на него. Она неумело катится по кругу, с каждым новым поворотом получается все лучше и лучше.

Она любила с друзьями садиться на велик и ехать, ехать, ехать. Сворачивать с одной дороги на другую, изучать укромные, тенистые места, любоваться домами, деревьями, бабочками, пролетающими птицами, ярко-рыжими белками. Воображение рисовало волшебные тропинки, старинные замки, затерянные в густом лесу, забытые дома, уютные палисадники. Казалось, тот мир остался где-то там, а здесь начиналась новая таинственная жизнь. Вокруг происходили чудеса, завораживающие приключения.

В такие моменты она представляла лесных красавиц, храбрых рыцарей, добрых старушек. Оживали деревья, перешептывались друг с другом травы и цветы. Вика представляла себя сказочной принцессой, отправившейся в далекое путешествие или вождем племени индейцев. Здесь она встречала новых друзей, вместе с ними спасалась от опасностей.

Да. Женщина вздохнула и отвлеклась от воспоминаний. Она ощутила грусть и печаль.

Когда я в последний раз каталась на велике?

В школе. Классе в десятом я забросила велик и перестала на нем ездить. Потом с мужем купили велосипед дочке. Вика всегда хотела ездить сама, но что-то ее постоянно сдерживало. Она придумывала самые разные отговорки. То не было времени, то она считала себя уставшей, то ей казалось это пустой детской забавой, потом она решила, что будет кататься, когда дети подрастут. И вот Ире уже десять лет, Максиму – семь, а она так и не собралась.

– Да, напридумала же ты себе, – прошептал внутренний голос. – А что тебе мешает сделать этой сейчас?

– А как же уборка? Еще обед приготовить надо? – ответила она про себя.

– Мир не остановится и не разрушится, если ты немного прокатишься, пару кругов.

– Нет. Я не могу. Наверно уже не умею.

– Умеешь. Один раз научившись не разучишься.

– А почему бы и не попробовать, – решила Вика.

Она встала. Посмотрела на часы. Стрелки показывали время 10:15.

– Успею, – произнесла она негромко.

Женщина вышла во двор. Как раз дочка заехала во двор.

– Ира, калитку не закрывай. Можно я прокачусь? Как ты думаешь, помещусь на твоём велике.

– Конечно, мама, – с радостью сказала девочка.

Вика села на велосипед. Да, немного маловат, но прокатиться можно. Она оттолкнулась и поехала. Она боялась упасть, было немного неудобно, но оказалось, что тело действительно все помнит. Она неуверенно выехала за двор, вилля рулем то влево, то вправо. Постепенно движения становились уверенными и быстрыми. Она уже набрала скорость. Ветер приятно дул в лицо, играя выбившимися из косы волосами. Она мчалась вперед, и ей казалось, что все ей под силу. Она ощутила невероятную свободу, энергию и вдохновение. Все грустные мысли, груз проблем, все суетное и преходящее остались где-то позади. Виктория поняла, что жизнь на самом деле легкая и счастливая. Она ощутила это самое «здесь и сейчас», о котором много читала и слышала. Но не могла понять до конца. Она была здесь и сейчас. Ее не покидало ощущение, что она соприкоснулась с чем-то невыразимым вечным и прекрасным.

НА ПОРОГЕ ВЕСНЫ

– Мы часто придумываем себе заменители. Ну, вот представь. Ты прекрасно можешь передвигаться самостоятельно. Но придумал себе, что можешь споткнуться и упасть. И начал передвигаться с помощью ходунков. Осторожно и надежно. И все вроде бы хорошо, но побежать с ними ты не сможешь, – произнес отец. Он снял очки, положил очки на стол, рядом – начатую недавно книгу.

Свежий ветер ворвался на гостиную. С улицы доносились звуки весны: щебетание птиц, детские голоса на площадке.

– Не понимаю, к чему ты это клонишь, – спросил юноша на вид лет шестнадцати.

– Да, Коля. Я не раз встречал людей, которые решили, что любимое дело – это лишняя трата времени, забава. Надо заниматься чем-то серьезным. Зарабатывать на жизнь, – продолжил мужчина. Голос отца звучал мягко и уверенно. На нем была голубая футболка. Его черные с проседью волосы были коротко пострижены.

– А если действительно любимое дело не приносит доход?

– В этом случае надо зарабатывать, но не забывать о том, что действительно важно для тебя, уделять время этому делу. Помнить о нем, совершенствоваться в нем. Пусть это будет хобби. Быть может, оно перерастет в дело жизни. А может так и останется увлечением, отдушиной, которая дарит нам энергию, вдохновение, отдых. И еще важно, чтобы любое дело делать с любовью, на пользу людям. Тогда к тебе придет успех.

– Как-то я совсем запутался. Как можно подметать улицу с любовью?

– Представь себе, что ты делаешь этот мир чище. Выходит человек во двор, а вокруг чистота и порядок, которые создал ты. Ты помогаешь, кому-то начать свой день с хорошего настроения.

– А если я не вижу в этом пользы? Вот бухгалтерский отчет.

– Бухгалтерский отчет. Ты делаешь это для людей. За сухими цифрами попробуй разглядеть судьбы людей.

– Это сложно.

– Поначалу сложно. Здесь важен навык. И тут

тебе хобби пригодится – оно дает настрой и вдохновение.

Юноша вспомнил о том, что отец всегда с любовью и вдохновением занимался любым делом. С работы почти всегда приходил радостным и довольным. С воодушевлением ездил на дачу. С упоением работал в огороде, колот дрова, что-то мастерил. Ему всегда нравилось то, что он делает.

– Надо подумать об этом.

Коля поднялся со стула.

– Пойду, пройду – задумчиво произнес он.

– Да, конечно. Погода сегодня отличная, – отвел отец. Какое-то время он сидел в задумчивости.

Сын прошел в прихожую. Накинул легкую куртку. Повернул замок, перешагнул за порог и закрыл за собой тяжелую металлическую дверь. В коридоре он ощутил легкую прохладу. Где-то наверху хлопнула дверь. Николай легко спустился по лестнице. Вышел во двор. Яркое солнце ослепило его. Мимо проехала желтая машина. Теплый ветер играл со свежей весенней листвой, молодой травой.

Коля думал о словах отца. Перед ним открылась новая жизнь. Он хотел найти свой путь. Делать в этой жизни что-то важное и нужное. Так чтобы не жалеть ни об одном дне.

ЗА ПРЕДЕЛАМИ ГРАНИЦ

Вчера я понял одну вещь. Я прогуливался по улице. Мимо шли люди, проезжали машины. С пронзительным воем сирены пронеслась машина скорой помощи. Я думал о последнем проекте. С утра отправил его заказчику. Сомневался, но отправил. Потом пошел в магазин. Проект не шел из головы. Вроде всё как надо. А я начал сам себе придумывать, а можно было сделать так, или по-другому. И на обратном пути меня осенило. Мы любители придумывать себе рамки. Ставить себе определенные условия и ограничения. И не то чтобы я против правил. Нет, не подумайте, что я такой вот анархист. Нет. Разумные правила и законы должны быть. Просто обязаны, иначе мы скатимся вниз. К полной деградации.

Я о других рамках. Надуманных. Придуманных. Чтобы что-то упростить, унифицировать, быть может, запретить, сделать последовательным. По-

нятно, что в производстве, в какой-то деятельности это действительно полезно и нужно. Вот только мы переносим это правило на всю свою жизнь и жизнь близких. Вот в чем загвоздка. В том, чтобы увидеть, где ты вдруг сам себя загнал в рамки и стараешься изо всех сил им соответствовать.

Когда я закончил университет, я решил стать журналистом. Подрабатывал в разных газетах. Учился писать у мастеров своего дела. Так прошло несколько лет. Я даже добился успеха. Мое имя стало узнаваемым. Меня приглашали на разные мероприятия.

Мне многое давалось легко. Потом я решил заняться рекламой. Там совсем другие правила. Мне не стоило большого труда перестроиться. Затем была работа в информационном агентстве. Мне нравилось, как говорится, держать руку на пульсе, быть в курсе событий. И все прочее. Но мне это быстро наскучило и перестало приносить радость.

Так я решил уйти в свободное плавание. Уже год. И все это время я терзал себя сомнениями. Правильно ли я делаю. Может писать надо больше или меньше. Так или по-другому. Пытался создать сам для себя какие-то рамки. А вчера понял. Рамок нет. Я сам должен прислушиваться к внутреннему чутью. Где остановиться, а где продолжить. Доверять внутреннему голосу. Голосу окружающего мира. Прислушиваться. Анализировать. Создавать.

Сомнения это нормально. Но пока не попробуешь, не узнаешь. Есть вещи, которые не стоит пробовать и начинать. И все мы о них знаем. Я не буду здесь о них говорить. Мы все об этом знаем с малолетства. И о том, к чему приведут. Стоит только включить телевизор, и все увидишь.

А есть то, о чем мы понятия не имеем. То, о чем знают высшие силы, а мы не ведаем. Потому что боимся рискнуть. Боимся попробовать.

Вот с такими мыслями я дошел до дома. Остановился перед знакомым подъездом. И увидел, что вроде все такое же, как раньше, но что-то изменилось. Все то же крыльцо, та же дверь, те же деревья в палисаднике, но что-то стало другим. Как будто преобразилось все вокруг. Я постоял с минуту, разглядывая каждую деталь, каждую ветку, листву. На сердце было легко и радостно. Ну, пусть будет так. Я поднялся по ступенькам, от-

крыл старую-новую дверь и зашел в подъезд. В коридоре также что-то изменилось, не скажу точно что. Но ощущение изменилось.

Я зашел в лифт. Лифт со скрипом пополз вверх. Один, два, три, четыре. Дверь открылась. Я уже предчувствовал. Лестничная площадка словно преобразилась. «Вот чудеса. Я вижу все по-новому. Классно»

Быстрым шагом я пересек площадку. Достал ключи из кармана, повернул замок, открыл дверь и зашел в квартиру. Какое-то время осматривал мебель, обои, полы. Все по-прежнему. Но как-то светлее. Зашел на кухню. Поставил чайник кипятиться. Достал смартфон. Пришел ответ от заказчика. Пишет, что все в лучшем виде. Да. Это подтвердило мое открытие.

Вода закипела. Я заварил себе чай. И сел за новый проект. Дело пошло гораздо быстрее. За пару часов я накидал основу. Теперь дело за деталями. На это уйдет несколько дней, быть может, пара недель. Но, вот так, без рамок работать оказалось гораздо проще.

ЛУЧШИЙ ПЕКАРЬ

Как ни странно, но лучшее тесто получается, когда делаешь его с детьми, в этом деле им можно полностью довериться. Я просто направляю процесс, помогаю отмерить, вымесить до нужной консистенции. И всё. Они нарушают все правила, они делают это долго: щедро рассыпают муку, одежда и волосы покрываются тонким слоем белой пыли, твоя чистая кухня погружается в легкий хаос. Вот тут самое главное, расслабиться и получать удовольствие вместе с ними. Спротивляться бесполезно, более того вредно и для себя, и для детей, и для теста.

Обо всем этом я начала смутно догадываться, когда дочка подросла и с невероятным энтузиазмом начала помогать мне. Я пыталась сделать так, чтобы Анюта готовила по всем правилам, которые мне когда-то рассказали мама, тетя, о которых рассказывают с экранов телевизоров ведущие разных кулинарных шоу, шеф-повара и мастера. В большинстве своем это тщетные попытки.

Поначалу я жутко расстраивалась, когда видела, что дочка делает всё по-своему. Но к моему удивлению результат получался отличным. Ниче-

го страшного не происходило. И тесто поднималось, и вкус был что надо. Но я все еще пыталась влиять на процесс готовки.

Окончательно капитулировала перед кулинарными талантами детей жарким июньским днем. Ане было уже два с половиной, я была на пятом месяце беременности. Накануне прилетела младшая сестра с двумя детьми – Свете было три года, Антону – полтора.

– Зой, давай испечем печенье, как в детстве. Правда, рецепт не помню, – попросила сестра, стоя в дверях гостиной.

– Давай. Ты и так сказала, что хочешь чего-то вкусенького. Я тоже этот рецепт плохо помню.

– Позвоню тётё, спрошу, – Зина развернулась и прошла в прихожую. Набрала номер тётё, подробно записала рецепт.

– Так, у нас все ингредиенты есть. Классно. Дети, давайте готовить печенье, – громко позвала Зина.

Предложение было встречено всеобщим восторгом. Дети дружно вбежали на кухню.

Достали масло, муку, творог. И процесс начался. Мы с сестрой изо всех сил пытались заставить детей делать так, как учили нас когда-то. Но нынешнее поколение загнать в рамки практически невозможно. Общими усилиями тесто было готово. Принялись лепить печеньки.

– Света, ты делаешь слишком большие. Ань, надо делать вот так, – поправляла я. – А, это бесполезно, пусть будет, как будет, – тихонько сказала я сестре после нескольких неудачных, на наш взгляд, печенюев.

– Ага, они нас даже не слышат, – хихикнула она в ответ.

Лепка закончилась. Противни отправились друг за другом в духовку. По квартире разнесся вкусный запах из детства.

Ребятишки в ожидании кружили вокруг кухни. Печенье готово. Сели пить чай.

– А детские печеньки вкуснее, – произнесла Зина.

– Да, точно.

И я тогда подумала, что дети каким-то мистическим способом знают, как приготовить вкусно. Они привносят в этот процесс радость творчества, погружаются в него полностью. Они не размышляют о смысле жизни, не перебирают в голове о

том, что уже прошло, не фантазируют о том, что будет, они не боятся, что что-то не получится. Они просто уверены, что все будет вкусно, они полны радости, любви, позитива.

С тех пор, я перестала вмешиваться. Я лишь показываю, сколько надо добавить масла, соли, сахара, молока, куркумы, муки и все. Поначалу это невероятно сложно. Порой так и хочется выхватить лопатку из маленьких ручек, и начат перемешивать так, как я считаю нужным. А потом я просто отпускаю ситуацию. И оно того стоит. Так получается вкуснее. Даже если нарушена последовательность, бухнули чего-то больше, чем положено. Я перестала спешить, я просто наблюдаю и тоже получаю удовольствие.

Особенно любит готовить Тимур. У него все здорово получается. Он еще плохо говорил, но отлично помнил рецепт оладьев, творожного пирога, запеканки. Он каким-то седьмым чувством угадывал, когда я собираюсь что-то испечь. Он тут же прибежал на кухню и начинал рулить процессом. И вот однажды, я решила быстро испечь оладьи сама. Я быстро замесила тесто, уверенная, что будет очень вкусно, гораздо вкуснее, чем обычно. Когда я уже закончила, зашел возмущенный сын. «Ты сама сделала тесто? А почему меня не позвала?»

– Ой, Тимушка, извини, я совсем забыла, – сказала я.

– А ты молоко налила?

– Да.

– Кефир с содой добавила?

– Конечно.

– А муку? – угрожающе продолжал допрос Тима.

– Да.

– Все равно невкусно получится, – в сердцах произнес он, развернулся и быстро вышел из кухни.

И ведь, правда, получилось невкусно. И это не только я так решила, с Тиминим утверждением согласились все. И вообще, я потом не раз убеждалась, когда изо всех сил стараешься сделать вкуснее, чем обычно, получается так себе.

Приготовить хорошее тесто – это магия. Надо расслабиться и успокоиться. Выбросить лишние мысли, сомнения из головы. И готовить с любовью, добрыми словами и мыслями. Этому я научилась у детей.

УЗОРЫ В ТЕТРАДКЕ

Варвара лежала на кровати и неподвижно смотрела в потолок. Так она пролежала минут пять. В голове крутился вопрос «Для чего мне это всё. Я же все правильно делаю. Или нет? Должен же быть ответ». Ответ почему-то не приходил. Она подождала какое-то время. Тишина, никаких мыслей.

Женщина стала рассматривать неровности на потолке. Потом взгляд перекинулся на люстру. Она разглядывала прозрачный цветочный узор. «Как же все-таки красивы цветы». Она внимательно изучала каждый изгиб стебля, листочки и лепестки. Отчего-то ей вдруг стало легче. Все мысли ушли. Появилось ощущение, что мир не смотря ни на что прекрасен. Закончив рассматривать люстру, она перевела взор на стену. Песочные обои с причудливым цветочным узором. Варваре нравилось следить за каждой черточкой, рассматривать узор со всех сторон. Тогда среди привычных деталей можно было разглядеть загадочные силуэты, наделять их характером, эмоциями, настроением.

Вдруг Варя вспомнила, что в детстве ей нравилось переписывать тетради. Да. Такая вот странность. Причем с первого класса. Пунктик. Ее радовали новые, чистые тетради. Первые страницы она вела аккуратно и красиво, но постепенно с каждой страницей почерк становился все более небрежным, появлялись ошибки, помарки, исправления. И тогда она брала новую тетрадь и потихоньку, так, чтобы мама не заметила, аккуратно все переписывала. Вот, только само собой, потратив несколько часов, а то и пару дней, она все равно безнадежно отставала. Оставив надежду переписать все, что есть, она отсчитывала нужное количество страниц, оставляла их чистыми, чтобы дописать остальное позже. И шла на уроки. Начинала новую тему. Потом она дописывала оставшиеся страницы. Хотя иной раз не успевала, учительница собирала тетрадь на проверку. И получив тетрадь назад, она с тоской смотрела, как чистые листы украшают алые восклицательные знаки. С тоской и чувством стыда она заполняла их, изо всех сил, стараясь не смотреть на эти кричащие загогулины.

А в десятом классе она вдохновилась тетра-

дями одноклассницы. У Карины были самые аккуратные и невероятно красивые тетради. Было непонятно, каким чудом они у нее не мнутся, углы не загибаются, края не треплются, обложки не грязнятся. Это было чудо. То же самое было и внутри. Ровный почерк, буква к букве, цифра к цифре, и даже если что-то было зачеркнуто, то так филигранно, простым карандашом, а сверху такая же аккуратная буква или цифра. И это выглядело не как ошибка, а как специально задуманная композиция. Казалось, что ручки у нее не мажут, не оставляют безобразных помарок. Но самое сногшибательное, это были поля в тетрадях по истории и литературе. Карина не чертила их по линейке. Это были орнаменты. Она с такой любовью обводила их разноцветными ручками или фломастерами. И вот Варвара решила также украшать свои тетради. Она внимательно рассматривала, как рисует подруга, потом повторяла. Получалось у нее не так красиво и не так аккуратно, но она старалась.

В университете раскрашивать поля она забросила, но тетради все также тщетно переписывала, особенно по любимым предметам. Потом началась работа, там уже ничего особенно не переписывал, но этот перфекционизм порой не давал ей успокоиться и выматывал.

– Ты слишком многим забиваешь себе голову. Сделай проще. Ты уже полчаса просматриваешь фотографии, чтобы выбрать лучшую. Это новость на сайте, через полдня она уже не будет актуальной, – сказала как-то коллега.

– Да, ты права, – согласилась Варвара. – Но так хочется, чтобы все было красиво.

– Ты выбираешь из того, что есть. Ну, если фото не очень, чего выбирать-то. Потом он же не женщина, чтобы привередничать, какой уж получился.

– Ладно, уж какой есть. Пусть эта будет.

«Да, жизнь вот так с новой тетради не начнешь, не перепишешь», – Варвара встала с кровати. «Лучшее лекарство от хандры это чистые полы, ха-ха. Шутка. А полы действительно пора помыть». Она с тоской посмотрела на плитусы, углы. «Пора двигаться. А то совсем скисну».

Она с легкостью водила влажной тряпкой по полу, выметала пыль из под кроватей и на сердце становилось радостней и спокойней. Дом преображался. Варе нравилась эта магия, но часто она

пренебрегала ею. То от усталости, то от спешки. «А зачем вообще переписывать жизнь. Идеально то все равно не получится. И потом, мой замысел не идет ни в какое сравнение с замыслом Бога. Никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь, что хорошо, а что нет, всего не предусмотреть и не увидишь. Вот если бы я все-таки в Москву поступила, а не в Новосибирск, я бы не познакомилась со своими девчонками, не жила пять лет в Академгородке, среди природы и интеллигентных, образованных людей. Если бы поехала дальше учиться в Штаты, не встретила бы мужа, не родились бы Мира и Тихон». Она продолжала мыть полы, очищать пространство. Мысли становились ясными и спокойными. Все события ее жизни ложились в ровную логическую цепочку. Она четко видела, как одно приводило к другому. Как она извлекала из них уроки, становилась чуть лучше, получала новый опыт, сдавала и проваливала экзамены жизни, падала и вновь вставала. Вспоминала минуты апатии и отчаяния, дни, когда она больше не видела цели, из них потом рождались новые идеи и увлечения, знания и успехи.

«Нет, я не стану ничего переписывать. У меня не было бы моих друзей, работы. Моего опыта. Да, я устаю. Но, мне нравится. И в ней есть смысл. Моя жизнь кому-то важна. Да, не все нравится в ней, пусть только 50 процентов нравится. Но это уже что-то. Да, меня не сделали редактором отдела. Все правильно, я же тогда писать меньше буду. Я же хочу больше времени семье уделять. И хочу найти другую работу. Вот пойду в журнал. Там график не такой, как в новостях. Да, я пишу по-другому. Но ничего, научусь. Все получится. И вообще жизнь прекрасна».

Пол помыт. Дома блеск и чистота. Пространство изменилось. Мысли успокоились, настроение улучшилось. «Какая я молодец. Супер. А теперь напеку кексов и заварю малиновый чай, заслужила».

ДЫХАНИЕ ВЕСНЫ

В Якутске стояла чудесная погода. Было еще морозно, но дыхание весны уже ощущалось в воздухе, в щебетании птиц, во взглядах прохожих.

Солнце проглядывало сквозь молочную, по-

лупрозрачную дымку облаков. Огромный солнечный диск казался белым. В то же время редкие снежинки медленно кружились в воздухе.

Даже люди замедлились в этот будничнейший день, сбавили темп, медленно прогуливаясь улицам. Да, весна приближается, подумала она. Казалось что чудеса где-то рядом, а может весь этот день уже чудо.

Хотя ей было немного грустно. Так бывает, все вокруг хорошо, и ты понимаешь, что все прекрасно, а грусть все равно подбирается. «Иногда походы в поликлинику бывают грустными», – думала она, держась одной рукой за мужа, а другой, удерживая сына. «Ты считаешь, что все нормально. А врач говорит, что нет. Или я нагнетаю и все на самом деле не так плохо. И когда я проглядела. Вот снова начинаю искать виноватых», – они прошли вдоль набережной, свернули направо.

– Ну что, пошли покупать очки, – спросил муж.

– Пошли, – вздохнула она.

Они прошли еще метров триста. Мальчик отпустил мамину руку и скакал впереди родителей. «Да, все нормально. Ну, подумаешь очки, чего я драматизирую. Многие носят очки. Конечно, хотелось, чтобы у Димки было стопроцентное зрение. Но ведь здоров. И нечего жаловаться. Иногда для того, чтобы изменить жизнь, нужна небольшая трудность, чтобы начать действовать по-другому. Я давно хотела ограничить мультики на планшете и не решалась».

– А сегодня чудесная погода. Мы с тобой не на работе. Прогуливаемся по центру города. Что еще надо? – спросил муж. – Ну, будет в очках. Гарри Поттер.

– Да, в этом что-то есть, – улыбнулась Катя.

Она подумала о том, что в последнее время совсем перестала уделять внимание Никите, детям. И, даже, сегодня ей пришлось преодолеть себя, чтобы отпроситься в поликлинику. «Как интересно. В последний год я говорю себе, что семья на первом месте, а на деле все равно на втором получается. Может, вот только последний месяц я реально начинаю больше времени уделять семье. Да, сложно перейти от слов к делу», – вывод стал для Кати неожиданным и в то же время абсолютно очевидным.

Николай ГАБЫШЕВ,
г. Санкт-Петербург

«Положить душу свою за имя Христово, за веру православную...»

(Династия якутских
священников рода Черных)

«Я создам церковь мою,
и врата ада не одолеют её».

(Мф. 16:18)

...Был конец октября 2016-го года.

В Ленинградской области установилась на редкость тёплая и безветренная погода. Деревья и кустарники в окрестностях оделись в свой сказочный разноцветный наряд.

...Стояла незабываемая золотая пушкинская осень.

Горожане в воскресные дни толпами заполняли пригородные электрички, чтобы попасть в дивный лес; устремились с семьями в парки и скверы полюбоваться чарующим осенним листопадом и просто для души «пошуршать листьями»...

В это время нам в гости из Якутска приехал Андрей Дуглас, который, как и я, долгие годы занимается составлением нашей общей замечательной родословной.

Весь вечер мы просидели с ним, рассматривая фотографии наших предков, переснятых им из фондов якутских музеев.

Он рассказал мне, что в этом году, в Красно-

дарском крае разыскал Ивана Черского – правнука известного полярного исследователя Ивана Дементьевича Черского, родная сестра которого – Михелина Дементьевна – является прабабушкой Андрея.

Черская Михелина Дементьевна в 1865 году вышла замуж за графа Дуглас Иосифа Иосифовича, владевшего поместьями в Витебском уезде (Белоруссия), имевшего шотландские корни.

Затем Андрей показал мне фотографию улыбающейся женщины и пояснил, что это моя близкая родственница по бабушке, Седалищева Галина Серафимовна, которая живёт в Москве и хочет со мной познакомиться, так как несколько последних лет тоже «заражена» исследованиями своего вилюйского рода Седалищевых-Корякиных-Кондаковых-Игумновых-Юшмановых.

Андрей дал её адрес и телефон.

...По моей родословной картотеке Галина Серафимовна приходится мне троюродной сестрой.

Её прадед вилюйский священник Седалищев Иван Александрович (1842 г.р.) был старшим братом моего прадеда – вилюйского купца Седалищева Гаврилы Александровича (1852–1916).

Его внук Седалищев Серафим Степанович (1904 г.р.) и его жена Кондакова Вера Николаевна – родители Смирновой-Седалищевой Галины Серафимовны.

Буквально, через две недели в городе на Неве произошла наша незабываемая встреча.

...Вечер пролетел незаметно.

Рассматривая привезённые фотографии, Галина Серафимовна бережно указала на одну из них и сказала, что «это её муж, якутский геолог Смирнов Валерий Федорович, недавно покинувший этот мир, который вместе с нею долгие годы пытался разыскать своих родственников из династии священнослужителей Черных, и который со слов матери знал, что якутский поэт Пётр Никодимович Черных-Якутский и писатель Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк являются её родственниками».

Немного помолчав, Галина Серафимовна тихо произнесла: «Нужно обязательно выполнить просьбу мужа», – и, обратившись ко мне, попросила, чтобы я выбрал время, чтобы разобраться в её бумагах, так как ей это не под силу из-за возраста и слабости глаз.

...Несколько дней я бережно рассматривал до-

Слева направо: (стоят) Черных А.С., Черных О.С., Лебедева Т.Н, Габышев С.С. (сидит), Лебедев С.Н., 2-й ряд (сидят) Черных З.С, жена Лебедева Н.А., Черных И.С. 1927 г.

кументы семьи Смирновых-Седалищевых и их фотографии.

В них были собраны разрозненные сведения о священнослужителях Черных, якутском книготорговце Г. Игумнове.

...Передо мной разворачивалась трагическая картина истории России, начиная с революционного времени, страшного периода «красного террора» большевиков, сплошной принудительной коллективизации крестьян и беспримерного гонения на церковнослужителей с репрессиями их многодетных семей, кончая 1945-ым – годом окончания Великой Отечественной войны.

Вначале я квалифицировал род якутских Корякиных-Игумновых-Юшмановых.

...У вилюйской бабушки Седалищевой Галины Серафимовны – Корякиной Татьяны Федоровны (1885–1957) в Якутске жил родной брат Корякин Григорий Федорович (1888–1942), женатый на Юшмановой Вере Павловне (1887–1966) – дочери гла-

вы города Якутска, купца 2-й гильдии Юшманова Павла Андреевича и его жены Стефаниды Ивановны (умерла в 1942 г.).

В семье Юшмановых было четверо детей: Вера, Клавдия, Мария, Андрей (застрелился в 16 лет).

Юшманов Павел Андреевич, уроженец г. Кяхты Иркутской губернии, до революции был головой думы г. Якутска, образованным купцом 2-й гильдии, которого избирали на этот пост четырежды с 1905 по 1917 годы.

Вместе с якутским губернатором И.И. Крафтом он много сил и труда вложил для развития культуры и экономики города.

В январе 1908 года его «Высочайше жаловали за отличие по службе золотой медалью», а в 1912 году ему было присвоено звание почётного гражданина г. Якутска.

С началом революции Павел Андреевич ушёл в отставку и занялся предпринимательством.

В 1919 году Павел Юшманов – член ЦК охраны

**Петр Никодимович
Черных-Якутский.**

П.А. Юшанов.

**Писатель
Мамин-Сибиряк Д.Н.**

Якутской области, органа власти режима Колчака.

Этот пост сыграл роковую роль в его судьбе.

...В ночь с 14 на 15 декабря 1919 года в Якутске без сопротивления властей был совершён политический переворот, власть была захвачена большевиками. Областной комиссар Соловьёв, начальник городского гарнизона Каменский, Павел Юшанов и другие члены ЦК охраны были арестованы.

19 февраля 1920 года в Якутске по приговору военно-революционного трибунала были расстреляны 13 членов ЦК охраны, в числе которых был и Павел Андреевич Юшанов, расстрелянный во дворе своего собственного дома...

В семье Григория Федоровича и Веры Павловны Корякиных родилось трое детей: Зоя, Фёдор и Елена.

Корякина Елена Григорьевна вышла замуж за Игумнова Серафима Григорьевича, сына известного якутского книготорговца Игумнова Григория Герасимовича (1869–1941) – и его жены Соловьёвой Маргариты Михайловны (1872–1940).

У Игумнова Г.Г. было два брата: Арсений и Михаил.

В семье Игумновых Григория Герасимовича и Маргариты Михайловны родилось шестеро детей: Николай, Елена, Серафим, Иннокентий, Василий и Надежда.

У Серафима Григорьевича и Елены Григорьевны Игумновых было четверо детей: Нелли (1932 г.р.), Наталья (живут в Санкт-Петербурге), Зоя и Андрей (живут в Якутске).

У Нелли Серафимовны единственный сын – Марков Александр Гаврилович.

Игумнов Серафим Григорьевич в Якутске в советское время работал начальником гострудсберкасс. Умер в Санкт-Петербурге в 1997 г.

Якутские Игумновы все родом из Вятской губернии и, видимо, они между собой родственники.

Один из них Игумнов Николай Иванович, поверенный в делах вилкойского купца Расторгуева Н.А. был женат на Расторгуевой Надежде Андреевне (дочери брата купца).

У Игумнова Николая Ивановича было четверо братьев-предпринимателей: Дий, Иннокентий, Василий, Апполон, и сестра Феоктиста, которая вышла замуж за известного верхнеленского купца Киренского Василия Константиновича, поверенного в делах купчихи Громовой А.И.

В семье Киренского Василия Константиновича и Феоктисты Ивановны родилось 12 детей, но выжили лишь девять. Из них известны Алексей, Герман, Иннокентий, Василий, Варвара, Серафима, Мария.

Алексей Васильевич Киренский после кончины отца возглавил торговую фирму.

Герман Васильевич, ветврач, жил в Санкт-Петербурге.

Иннокентий Васильевич, архитектор, жил в Новосибирске.

Василий Васильевич — учитель.

Мария Васильевна Киренская дважды была замужем. От первого мужа Ивана Акишева родились Елизавета и Иван.

НИКОЛАЙ ГАБЫШЕВ. «ПОЛОЖИТЬ ДУШУ СВОЮ ЗА ИМЯ ХРИСТОВО, ЗА ВЕРУ ПРАВОСЛАВНЮ...».

Справа налево: Черных З.С., Черных И.С. (сидит), Санников, Черных И.С., в центре сидит Черных-Лебедева А.Н. (с сумочкой).

От второго мужа, надворного советника, помощника исправника Олекминского, Верхоянского, Вилюйского и Якутского округов Кугаевского Евгения Андреевича (1870 г.р.) родилось четверо детей: Антонина, Борис, Александр, Анатолий.

Серафима Васильевна Киренская венчалась с последним полицмейстером Якутска, подъесаулом, заместителем атамана Якутского казачьего полка Рубцовым Ильей Александровичем – внуком моего прапрадедушки – пятидесятьско-го Якутского казачьего полка Рубцова Василия Яковлевича (1787 г.р.). В семье родились два сына: Иннокентий (1901 г.р.) и Виктор (1906 г.р.)

Игумнов Иннокентий Иванович (1898 г.р.) был женат на дочери вилюйского купца 2-й гильдии Харитоновна Ивана Николаевича – Клавдии (1897г.р.). (Её после смерти купца воспитала его жена Седалищева Праскева Алексеевна.)

Свадьба была в 1919 году в г. Вилюйске.

Много времени у меня ушло на поиск родословной Черных.

Здесь мне на помощь пришёл интернет. На сайте «Дальний Восток» отыскал статью жительницы Магадана, учительницы английского языка МБОУ

«Лицей №1» имени Н.К. Крупской Аруевой Натальи Алексеевны, «Люди и судьбы», напечатанный в журнале «Магаданский краевед» №1 за 2015 год (стр. 10–16). В ней на основании данных Государственного архива Магаданской области и Хабаровского края она составила некоторые веточки родословной священнослужителей Черных, потомком которых она является сама.

Таким образом, сопоставляя документы Натальи Аруевой и Валерия Смирнова, мне удалось составить родословную Черных, которую я привожу ниже:

Смирнов Валерий Фёдорович родился 8 июля 1947 года в г. Якутске. Окончил Якутский государственный университет, геологический факультет.

До самой пенсии работал геологом в Якутии.

В семье Смирновых Валерия и Галины родились две дочери: Татьяна (1972 г.р.) и Вера (1978 г.р.) которые живут в Якутске.

Смирнова Татьяна Валерьевна вышла замуж за Дмитриева Артёма Дмитриевича. В семье двое детей: Надежда и Артём.

Смирнова Вера Валерьевна замужем за Томским Арсеном Григорьевичем. У них дочь Лена.

Дед Валерия Фёдоровича Смирнова -Черных

Святой Серапион Черных-Амурский.

Серафим Леонтьевич родился в 1874 году в г. Тауйске (Тоугуйске) Охотского округа, окончил якутскую духовную семинарию.

В 1899 г. – диакон, затем рукоположен во священника, определён настоятелем Тюбя-Басинской церкви.

В 1889 г. награждён набедренником.

В 1900 г. переведён в Тауйскую (Тоугуйскую) церковь.

В 1910 году служил в Якутске священником.

В 1914 г. служил в Майинской церкви.

В 1918 году Якутской епархией был направлен священником в Охотск.

С 1918 до 1922 года служил в Ольской церкви (Дальний Восток).

У о. Серафима Черных и матушки Анны Николаевны (в девичестве Лебедевой) было четыре дочери: Анна, Зоя, Ирина, Ольга.

...В октябре 1922 года на Оле появился отряд белогвардейского есаула Бочкарёва, прославившегося своими зверствами над пленными красноармейцами и не щадившего местных жителей,

если они оказывали помощь «красным» продовольствием или в ночлеге.

О. Серафим погиб, заступившись за свою паству, которую грабили бочкарёвцы; кто-то из бандитов выстрелил ему в ногу.

Врача не было и у о. Серафима началась гангрена. Батюшка умер в тяжких страданиях.

Вечная ему память!

Семья о. Серафима Черных в это время находилась в Якутске.

Матушка о. Серафима — Лебедева Анна Николаевна была приёмной дочерью Лебедева Николая Аркадьевича, секретаря Духовной консистории Якутской епархии, члена Якутской городской думы, который был дважды женат.

Известна лишь первая его жена — Мамина Матена. (Серапионовна?)

У Лебедева Николая Аркадьевича кроме приёмной дочери было трое родных детей: Татьяна, Лиза, Сергей.

Лебедева Татьяна Николаевна окончила якутскую гимназию, Высшие женские курсы в Санкт-Петербурге, преподавала в Пединституте в ЯГУ.

Её муж — Габышев Степан — внук малыкайского священника о. Стефана Николаевича Габышева (о. Стефан — двоюродный брат моего папы Габышева Николая Кузьмича).

В советское время Габышев Степан Степанович работал в Верховном Совете ЯАССР.

Лебедева Лиза (Елизавета) Николаевна родилась в 1890 г. в Якутске, окончив якутскую гимназию, по линии Якутской епархии в 1907 году училась на Высших женских курсах в Санкт-Петербурге.

Попала под влияние революционно настроенной молодёжи и состояла в Боевой организации петербургской партии эсеров.

В 1908 году Лиза Лебедева с шестью заговорщиками была арестована за покушение на Великого князя Николая Николаевича Романова и министра юстиции И.Г. Щегловитова и содержалась в Петропавловской крепости. При аресте ранила из пистолета городского.

Казнена (повешена) в Лисьем Носу, на берегу Финского залива, в 24 километрах от Санкт-Петербурга.

Это ей, своей родственнице, на десятилетие со дня её гибели посвятил в газете «Автономная Якутия» свои проникновенные стихи «На смерть

НИКОЛАЙ ГАБЫШЕВ. «ПОЛОЖИТЬ ДУШУ СВОЮ ЗА ИМЯ ХРИСТОВО, ЗА ВЕРУ ПРАВОСЛАВНЮ...».

Лизы» поэт Пётр Черных -Якутский, друживший с ней с детства и потрясённый её кончиной.

Смерть дочери подкосила законопослушного и глубоко верующего отца и стала трагедией его последних лет жизни.

В 1913 году Николай Аркадьевич Лебедев покинул этот грешный мир и похоронен в Якутске.

...Я несколько раз бывал в казематах Петропавловской крепости и в Трубецком бастионе, где провела свои последние дни Лиза Лебедева.

Мрачная и зловещая тишина тюрьмы, где многие годы или пожизненно содержались политические заключённые, всегда действовала на меня угнетающе и заставляла задуматься о несовершенстве и несправедливости нашего бренного мира. Глядя на убогие тюремные камеры с железными решётками и дверьми, я вспоминал бедную Лизу, которой было всего 18 лет, и мне было её очень жалко...

Лебедев Сергей Николаевич вначале преподавал в женском епархиальном училище, затем в 30-ых годах работал служащим Наркомфина ЯАССР.

Мать Смирнова Валерия – Черных Зоя Серафимовна (1905–1993) долгое время работала в Институте усовершенствования учителей г. Якутска. Вышла замуж за Смирнова Фёдора Фёдоровича (1903–1973), уроженца Нижегородской губернии, который в 1932-ом году окончил зоотехнический факультет Якутского сельскохозяйственного техникума. После его окончания работал в Якутске директором Племхоза.

В 40-х годах Фёдор Фёдорович был исключён из членов ВКП(б) и освобождён от должности директора за отказ ежедневно поставлять молоко прокурору Якутска.

В 1942 году Фёдор Смирнов был призван в армию, защищал г. Сталинград. На войне был сапёром, наводил мосты, переправы, строил блиндажи. Дважды был ранен, контужен. Войну закончил в 1945 году в немецком городе Штеттине.

Награждён орденом «Красной звезды», медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги». Умер в Якутске в 1973 году.

В семье Смирновых Фёдора и Зои родилось четверо детей: Валерий, Артур (1930–1937), Ирина (1937 г.р.), Владимир (1932–1987).

Ирина Фёдоровна Смирнова – гидрометеоролог. С мужем Фёдором, проживают в Москве.

Черных Ирина Серафимовна вышла замуж за Санникова.

Черных Ольга Серафимовна (1912 г.р.) вышла замуж за Игнатова, который служил в авиации. Жили они в Хабаровске, выйдя на пенсию, уехали в Запорожье.

Черных Анна Серафимовна (1901–1986) в 1929 году вышла замуж, в этот же год её мужа «за контрреволюционную деятельность» посадили, выпустили лишь в 1934 году, в этом же году он умер от туберкулёза.

Черных Зоя Серафимовна происходит из известной в Сибири династии священнослужителей.

В России с древних времён духовное звание в большей части было наследственным. В феврале 1718 года Пётр -I издал указ, по которому «велено поповских и причетнических детей заранее обучать, чтобы они были годны со временем получить сан священника».

Обучение «поповских» детей было бесплатным за счёт средств Духовных епархий.

Основателем рода Черных является казак-пятисотый Черной Леонтий – первопроходец Камчатки, прибывший, вероятно всего, из Тобольска.

Его сын – Георгий Леонтьевич Черных, окончил духовную семинарию в Иркутске, рукоположен в 1771 году во священники Большереченской Успенской церкви (умер 18 мая 1786 г.).

У протоиерея Георгия Леонтьевича Черных родилось четыре сына, которые служили церкви на Камчатке: Никита, Алексей, Александр, Леонтий.

У священника церкви Рождества Христова в Тигильской крепости Черных Леонтия Георгиевича было два сына: Никита и Илларион.

Черных Никита Леонтьевич (1806 г.р.) в 1823 г. окончил Петропавловское духовное училище и в 1829 г. был определён на место дьячка в Охотской Спасо-Преображенской церкви. У него было два сына: Алексей (1818 г.р.) и Елисей (1820 г.р.)

Черных Илларион Леонтьевич в 1845 году в Новоархангельске (ныне г. Ситха, штат Аляска) рукоположен епископом И.Е. Вениаминовым в сан священника.

В начале 50-ых годов был направлен в Охотск священником в Тауйскую Покровскую церковь, где прослужил 29 лет (умер в 1879 г.).

А.В. Дуглас, Г.С. Седалищева.

Здесь с 1847–1858 он со своим зятем Маминым Иннокентием Серапионовичем — дьячком в церкви — проводили обучение детей в церковно-приходской школе с. Тауйска (Тагуйска)

Мамин Иннокентий Серапионович 1858 г.р., сын псаломщика, уроженец с. Тауйска Охотского уезда, обучался у местного священника, в 1864 году был назначен пономарём в Тауйскую церковь.

В 1877 г. переведён в Охотскую церковь на должность псаломщика.

В 1891 году посвящён в сан диакона, в 1897 году переведён на службу в Якутскую епархию и временно определён диаконом Градо-Якутской Богородицкой церкви.

В 1899 г. рукоположен во священника и назначен настоятелем Ольской церкви Охотского уезда Приморской области.

В 1900 г. переведён в Инскую церковь.

В 1900–1901 гг. и 1906 г. исполнял обязанности благочинного Охотского благочиния.

Награждён набедренником (1901 г.), скуфьей (1905 г.), серебряной медалью на Владимирской и Александровской лентах.

В 1919 г. был членом Якутской духовной консистории.

Предки Мамина И.С. пришли в Сибирь с Урала из с. Мамино.

У о. Иннокентия родная сестра — Мамина Анна Серапионовна была повенчана с священником Ольской церкви Черных Леонтием Илларионовичем.

У о. Иннокентия Мамина с матушкой Екатериной Ефимовной (1864 г.р.) было трое детей: Серапион, Евфимий и Симеон .

Серапион Иннокентьевич Мамин, 1881 г.р.,

НИКОЛАЙ ГАБЫШЕВ. «ПОЛОЖИТЬ ДУШУ СВОЮ ЗА ИМЯ ХРИСТОВО, ЗА ВЕРУ ПРАВОСЛАВНЮ...».

уроженец г. Охотска, окончил I курс Якутской духовной семинарии.

В 1901 г. был назначен псаломщиком Инской церкви и учителем церковной школы грамоты.

В 1905 г. рукоположен в сан диакона к той же церкви, затем переведён в Софийскую церковь при Якутском женском епархиальном училище, в 1906-ом – псаломщиком Инской церкви.

В 1909 г. утверждён в должности учителя Охотской церковно-приходской школы.

В 1922 г. рукоположен во священника с назначением псаломщиком Охотской церкви, затем переведён священником Ямского храма.

В 1911 г. награждён серебряной медалью на Владимирской и Александровской лентах в ознаменование 25-летия церковно-приходских школ.

Супруга — Елена Фёдоровна (1881 г.р.)

Их сын Мамин Пётр Серапионович, 1907 г.р., уроженец г. Охотска в 1937 году был арестован, 04.07.1838 г. осуждён тройкой при УНКВД по Дальнему Востоку. Обвинён в антисоветской агитации. Расстрелян 04.11. 1938 г.

Реабилитирован в 1989 г. (Книга памяти Магаданской области.)

В 1914–1930 гг. о. Серапион нёс службу в Модутском храме, после закрытия которого работал истопником-сторожем, рассыльным, дворником.

В 1930–1940 гг. служил в приходах Якутии.

В 1947 г. был назначен священником Олекминского Спасского молитвенного дома.

В 1949 – конце 1950 гг. служил в Якутском молитвенном доме.

В 1963 г., в возрасте 75 лет был выведен за штат, но в марте 1965 г. по многочисленным ходатайствам прихожан г. Олекминска, вновь был назначен настоятелем Спасского молитвенного дома.

Похоронен священник Мамин Серапион Иннокентьевич в Якутске.

Его брат Евфимий Серапионович Мамин родился в 1885 г. в г. Охотске, учился в Якутской духовной семинарии. Но закончить своё духовное образование и получить сан иерея молодому Мамину не удалось.

Следующий этап его жизни привёл его в ветеринарный институт в Варшаву, по окончании которого он эмигрировал в Аргентину. Здесь он сдал нужные экзамены и поступил на службу в муниципальный холодильник.

Как только в Буэнос-Айресе намечилось создание Патриаршего прихода, он вошёл в его организационную комиссию. Кандидатура его во священники и настоятеля прихода была проведена лицами, знавшими его как церковного и глубоко верующего человека. Он был рукоположен во священника в 1947 г. и история его активной службы Патриаршей церкви есть история её возникновения и утверждения в Аргентине.

Его бескорыстная служба церкви была по достоинству оценена Святейшим Патриархом Алексием, и он получил целый ряд наград: его возвели в сан протоиерея, пожаловали ему наперстный крест и камилавку и назначили заведующим Аргентинской епархией и делами Патриаршей церкви в Южной Америке.

Протоиерей, настоятель храма Благовещения Пресвятой богородицы и благочинный администратор приходских церквей Аргентинской епархии Русской Православной церкви о. Евфимий Мамин скончался 29 августа 1953 года на 68 году жизни в г. Аргентине, после краткой тяжёлой болезни.

После покойного осталась вдова – матушка Юлия – его верная спутница жизни на протяжении 40 лет.

Симеон Иннокентьевич Мамин, 1886 г.р., уроженец г. Охотска, окончил в 1912 г. Якутскую духовную семинарию.

В 1912 г. рукоположен во священники и приписан к Охотской Спасо-Преображенской церкви.

Жена — Наталья Дмитриевна. 1892 г.р.

Единственный сын Дмитрий, 1913 г.р.

В 1897 году на Оле умерла матушка о. Иллариона-Черных Татьяна Исаевна в возрасте 75 лет. Она была дочерью кавказского татарина, принявшего православие и женившегося на грузинке.

«За многоверное служение церкви и Отечеству о. Илларион в 1858 году был награждён бронзовым наперстным крестом».

У священника Иллариона Леонтьевича и Татьяны Исаевны Черных родились дочь Ирина и 6 сыновей: Иннокентий, Николай, Никодим, Исай, Леонтий.

Имя шестого сына неизвестно. Вероятно – это Афанасий.

Все сыновья служили в церкви.

Черных Иннокентий Илларионович окончил Якутскую духовную семинарию, в 1875 году сме-

нил отца в г. Тауйске. В 1878 году его перевели служить в Охотскую Спасо-Преображенскую церковь Якутской епархии.

У о. Иннокентия было два сына: Пётр и Илларион (1872г.р.)

Пётр Иннокентьевич Черных родился в Охотске в 1870 году. в 1886 г. окончил Благовещенское духовное училище и в июле того же года назначен псаломщиком к церкви Тихвинской Божией матери в с. Шкотово на реке Цемухе.

С 1896–1900 г – псаломщик Ханкайской церкви Владивостокской епархии.

Его родственник Пётр Алексеевич Черных с 1880 по 1888 г. служил в Гижиге Камчатской епархии до пенсии 1907 года, затем служил священником в Ямской Благовещенской церкви.

Его сын – Черных Иван Петрович в 1934 году был арестован. Осуждён в 13.03.1938 году по ст. 58. Расстрелян 27.03.1938 г., реабилитирован в 11.05.1989 году.

Черных Николай Илларионович окончил якутскую духовную семинарию. Служил священником по линии Якутской епархии в г. Тауйске, на Оле, заведовал Ямским приходом (1889–1893).

Выполняя пасторские обязанности в декабре 1895 года утонул, переезжая реку на собачьей упряжке.

Черных Никодим Илларионович(1852–1906 .) окончил в 1872 году Иркутскую духовную семинарию и определён дьячком в Градо-Якутскую Богородскую церковь. В 1877 г. рукоположен во диакона и определён в Намскую Предтечевскую церковь. Женился в 25 лет на якутской мещанке Сыроватской Александре Васильевне (умерла в 1907 г.), которая была двоюродной сестрой неизвестного начальника тюрьмы г. Якутска капитана Сыроватского Василия Ивановича, расстрелянного большевиками в 1920 году вместе с главой города Юшмановым П.А.

Предки Сыроватских прибыли в Якутию из Великого Устюга.

С 1887 по 1880 г. о. Никодим служил на Дальнем Востоке в Инской Николаевской церкви.

В 1880 г. переведён в Охотск и назначен благочинным Охотских церквей, вернулся в Якутск лишь в 1905 г. и был назначен на службу в с. Дулгалах Верхоянского округа.

В семье 13 марта 1882 года на берегу Охотского

моря в с. Иня родился его сын – Черных Пётр Никодимович, в последующем известный якутский поэт и писатель.

В 1894 году Пётр с матерью и сестрой переехали в Якутск. Пётр начал учиться в якутской духовной семинарии, но по причине болезни её не окончил.

Семья ютилась в Якутске в холодном доме и очень бедствовала. Мать дома работала на выделке мехов. Отец из-за бедности прихода лишь изредка высылал им деньги.

В 1899–1912 году Пётр работал переписчиком в канцелярии Якутской духовной консистории.

Умер писатель П.Н. Черных-Якутский от болезни лёгких в 1933 году в г. Загорске Московской области, где находился на лечении.

Черных Исай Илларионович получил домашнее образование. Был пономарём Тауйской церкви в 1858–1862 гг (до смерти).

Черных Леонтий Илларионович (1848–1926), уроженец с. Тауйска Охотского округа, получил домашнее образование.

Черных Л.И. был обвенчан с Маминой Анной Серапионовной (1952 г.р.) (её родственник – писатель Д.Н. Мамин-Сибиряк). В семье родилось 10 детей.

Известны из них девять: Иннокентий, Серапион, Серафим, Александр, Исай, Илларион, Николай, Ефимия, Варвара (Розенбах).

Черных Леонтий Илларионович с 1864 года служил псаломщиком в Тауйской церкви, в 1910 г. – дьячок. Ему довелось служить и в Ямской церкви и в Ольской Богоявленской церкви. За долголетнюю службу его наградили золотой медалью на Анненской ленте «За усердие».

Его сын Черных Иннокентий Леонтьевич, 1879 г.р. уроженец г. Тауйска Охотского округа, обучался в Якутском духовном училище.

В 1897 г. был назначен псаломщиком Кедюсинской церкви, затем переведён в Градо-Якутский Свято-Троицкий кафедральный собор и в 1908 г. – в Тылыминскую Михайло-Архангельскую церковь. Супруга — Клавдия Семеновна (1893 г.р.)

Черных Александр Леонтьевич родился в 1886 году в с. Тауйске Охотского округа окончил якутское духовное училище, служил в 1906 году псаломщиком Тауйской Покровской церкви. Также в 1910–1918 гг. служил псаломщиком в Ольской Богоявленской церкви. Женат не был.

В 1929 году Александра Леонтьевича лишили прав как «кулака и служителя церковного культа».

28 января 1938 года псаломщик Александр Леонтьевич Черных был арестован, обвинён в шпионаже в пользу Японии. Расстрелян 27 марта 1938 года. Реабилитирован 14 апреля 1989 г.

Черных Исай Леонтьевич, 1875 г.р., уроженец г. Тауйска, Охотского округа, получил домашнее образование. В 1895 г. назначен на должность пономаря Тауйской церкви. Супруга — Пелагея Константиновна (1885 г.р.)

Умер Черных И. Л. в 1941 году.

У него есть дочь Аруева Наталья Алексеевна, живёт в Магадане.

Черных Ефимия Леонтьевна умерла в возрасте 22 лет.

Черных Серапион Леонтьевич родился в 1873 году.

В 1893–1904 годах служил священником Иннокентьевского храма в г. Хабаровске. У о. Серапиона с матушкой Александрой Варлаамовной в Хабаровске родилось четверо детей: Клавдия, Варлаам, Николай и Софья, затем в г. Николаеве родились Михаил и Зинаида.

О. Серапион с 1904–1920 гг. протоиерей, настоятель Николаевского собора в г. Николаеве-на-Амуре.

4 апреля (1 марта) 1920 года о. Серапион принял мученическую смерть от анархистов-партизан эскадрона Тряпицина и Лебедевой, был спущен под лёд в бухте во время Вербного воскресения прямо в священническом облачении.

В 1981 году священномученик Серапион Черных-Амурский прославлен в лике святых Собором РПЦЗ.

Священник Черных Афанасий Илларионович имел двух сыновей: Александра и Георгия, которые стали якутскими священниками.

Александр Афанасьевич Черных — 1860 г.р., уроженец г. Якутска. Окончил 1 класс Иркутской духовной семинарии.

В 1877 г. назначен и.д. псаломщика Градо-Якутской Преображенской церкви, в 1879–1883 гг. — столоначальник Якутской духовной консистории, в 1880–1881 гг. также секретарь Якутского епархиального Попечительства о бедных духовного звания, в 1881 г. рукоположен во диакона в Градо-Якутскую Преображенскую церковь.

Памятник репрессированным священникам перед входом в Князь-Владимирский собор в Санкт-Петербурге.

В 1883 г. переведён духовником Якутской духовной семинарии и экономом семинарии и духовного училища.

В 1894 г. рукоположен во священника и назначен в Градо-Якутский Свято-Троицкий кафедральный собор.

В 1893 — 1900 гг. исполнял обязанности казначея духовной консистории.

В 1900 г. назначен священником приисковой

Прокопьевской, а затем Иннокентьевской церкви.

Награды: архипастырская благодарность, набедренник (1886 г.), скуфья (1890 г.), камилавка (1897 г.).

Георгий Афанасьевич Черных (1861–1922), окончил 1 класс Якутской духовной семинарии. В 1878 г. был назначен пономарём Градо-Якутской Иоанно-Предтеченской церкви, в 1879 г. – переведён в Берденскую церковь Олекминского округа.

В 1885 г. – рукоположен во диакона, затем во священника с назначением в Красноярскую церковь.

С 1892 г. – наблюдатель церковно-приходских школ 1-го благочиния Якутского округа, с 1890 г. переведён в Градо-Якутскую Николаевскую церковь, в 1900 г. – по личному прошению в Ой-Бясскую церковь с назначением председателем комитета по строительству церкви, в 1908 г. – в Качикатскую церковь.

В 1909 году – священник Тит-Арынской церкви.

Депутат XXIII съезда духовенства епархии, член-сотрудник Императорского Палестинского общества (с 1893 г.), член Якутского церковного Братства во имя Христа Спасителя (1896г.), председатель Якутского отделения епархиального училищного Совета (1896), член ревизионного комитета (1897 г.).

Награды: архипастырская благодарность за обучение детей (1888 г.), набедренник (1890 г.), благодарность за сотрудничество от Иркутского Императорского географического общества (1893 г.), письменная благодарность Якутского губернатора за благотворное влияние на инородцев (1894 г.), скуфья (1896 г.), камилавка (1901 г.), серебряная медаль на Александровской ленте (1909г.)

В семье о. Георгия Черных и матушки Харитины Семеновны (в девичестве Кокшарской) (1864–1953) было 13 детей. Известны: Екатерина, Иннокентий, Христина, Александр (1889–1922), Евдокия.

Екатерина Георгиевна Черных (1886–1979) учительница вышла замуж за священника Кангалаской церкви Павлуцкого Иннокентия Гавриловича (1892 г.р.). Он из известной династии якутских священников, его отец и дед были священниками. Их предком был майор Тобольского драгунского полка Павлуцкий Дмитрий Иванович, направленный указом императрицы Екатерины-I от 23 марта 1727 года в военный поход на Анадырь «для покорения народа там населяющего» с отрядом 400 казаков.

С 1740–1742 года он был якутским воеводой. Его жена Анна Филипповна во время его длительных походов жила с детьми в Якутске.

Известно, что на дочери Д.И. Павлуцкого в 1742 году в Якутске женился известный исследователь Камчатки и Сибири Сергей Петрович Крашенинников (1711–1755гг), возвращавшийся из Охотска в Санкт-Петербург.

...Майор Павлуцкий Д.И. погиб в бою с чукчами на Анадыре в начале 1747 года. Его тело обернуло бумагой, залили воском и доставили в Якутск лишь в марте 1748 года.

Похоронен Дмитрий Иванович Павлуцкий под церковью Якутского Спасского монастыря.

Родной брат о. Иннокентия – священник Павлуцкий Иван Гаврилович (1891 г.р.) был расстрелян органами НКВД в 1931 году в г. Якутске.

В семье Екатерины и Иннокентия Павлуцких родилось трое детей: Владимир, Варвара (1916–1969 гг.) и Тамара (1912–1962гг.).

Родная сестра о. Иннокентия учительница русского языка Покровской церковно-приходской школы Павлуцкая Зинаида Гавриловна (1894 — 1960 гг.) была женой Орджоникидзе Григория Константиновича (подпольная кличка «Серго»), наркомом тяжёлой промышленности СССР.

Знакомство их состоялось в с. Покровске, где молодой фельдшер отбывал в 1915 году ссылку за антиправительственные действия. Здесь в 1916 году они поженились, а после революции 1917 года Георгий Константинович увёз Зинаиду к своим родителям в Грузию, в Кутаисскую губернию и с ней не расставался до самой смерти.

Детей у них не было, и они взяли на воспитание приёмного сына, который в четырёхлетнем возрасте умер.

В 1922 году Серго Орджоникидзе возглавил Закавказский крайком РК(б).

...Однажды утром в 1923 году они с женой нашли на своём крыльце корзинку с маленькой грузинской девочкой, которую удочерили и назвали Этери.

Когда семья Орджоникидзе переехала в Москву и стали жить в Кремле, они вызвали к себе младшую сестру Зинаиды – Павлуцкую Веру Гавриловну (1901–1983гг.), которая помогала растить племянницу, а потом и её детей.

Сама Зинаида Гавриловна в начале 30-х годов

окончила Московский педагогический институт имени Н.К. Крупской и долгое время работала заведующей образцовыми ведомственными детскими садами московских заводов.

...Ранним утром 18 февраля 1937 года Серго Орджоникидзе не стало.

До сих пор версия о его смерти покрыта тайной. По радио было объявлено, что «верный соратник вождя, не щадивший себя и работавший на износ, умер дома во сне от инфаркта». Затем в узких правительственных кругах было объявлено, что он застрелился.

Бытует и другая версия, что якобы Серго убит по приказу вождя его личным охранником. В реальность этой версии говорят следующие факты: Сталин не разрешил врачам вскрыть тело Серго, а вскоре бесследно исчезли личный врач Орджоникидзе и охранник.

...Похоронили Серго Орджоникидзе на Красной площади у Кремлёвской стены.

Сегодня из документов известно, что Серго Орджоникидзе в 1937 году выступал против политики массовых репрессий населения. Неоднократно и резко говорил об этом Сталину, что стало причиной их натянутых отношений.

Тайну смерти мужа она унесла с собой навсегда в другой мир его жена Зинаида Гавриловна, которая в это время была одна дома.

Известно, что утром сразу после гибели Серго в квартиру пришёл Сталин и забрал предсмертное письмо её мужа, которое он уничтожил, так как в архиве ЦК КПСС его нет. Также у него состоялся нелюбимый разговор с Зинаидой Гавриловной, и, видимо, он предложил ей держать язык за зубами, а в обмен пообещал помочь им материально.

«Вождь всех времён и народов» обид никому не прощал...

Он ликвидировал всю родню непокорного Серго. В конце 1937 года был расстрелян вместе с женой Ниной старший брат Георгия – Павел Константинович Орджоникидзе, занимавший высокий пост в тяжёлой промышленности. Два других брата – Иван Константинович и Константин Константинович Орджоникидзе – вместе с жёнами тоже были арестованы и заключены в ГУЛАГ.

Не пощадил «усатый кавказец» и жену своего «названного брата Серго», близкую подругу Над-

жды Аллилуевой – Павлуцкую-Орджоникидзе Зинаиду Гавриловну, которую в 1938 году приговорили к 10 годам лагерей.

Её дочь Этери, подругу Светланы Сталиной, которой только исполнилось 15 лет, вождь запретил органам НКВД трогать. Ей разрешили жить с своей тётёй Верой Павлуцкой в Кремле под присмотром службы безопасности.

...После ада тюрем мужественная и несломленная Зинаида Гавриловна уехала из Москвы с дочерью в Грузию и жила там.

Лишь однажды в 1947 году она приезжала в Якутию в с. Покровск к родственникам и посетила могилу своих родителей, которая стояла в запустении и разрушалась от времени.

Председатель райисполкома предложил ей помощь, чтобы привести надгробья в порядок, она отказалась, сказав: «Мы, предавшие Христа, не достойны прикасаться к этим святым могилам ...»

Её дочь Этери Григорьевна Орджоникидзе – историк и партийный работник – прожила непростую и долгую жизнь. И ушла от нас в 2010 году. Похоронена вместе с матерью на Новодевичьем кладбище в Москве.

У Этери родилось два мальчика, которых она назвала в честь отца: Сергей и Григорий.

Сергей Александрович Орджоникидзе-Пирадов (1946 г.р.) был заместителем министра иностранных дел РФ (1999–2002гг), заместителем генерального секретаря ООН (2002–2011 гг.), с 2011 он член общественной палаты РФ.

Его отец армяно-грузинских дворянских корней Пирадов Александр Сергеевич (1922–1996 гг.), дипломат, заслуженный деятель науки РСФСР.

Сын Сергея Александровича (внук Этери) – Орджоникидзе Александр Сергеевич, 1968 г.р. уроженец Москвы – генеральный директор Медиа Группы РЕН-ТВ.

Другой сын Этери – Орджоникидзе Григорий Эдуардович родился в Москве в 1952 году, дипломат, ответственный секретарь комиссии по делам ЮНЕСКО министерства иностранных дел РФ.

Александр Георгиевич Черных, 1889 г.р. Окончил Якутское духовное училище и 1 класс Якутской духовной семинарии. В 1909 г. поступил служащим на частные золотые промыслы Ленского золотопромышленного товарищества, затем по прошению назначен псаломщиком Мачинской церкви,

в 1910 г. переведён псаломщиком в Кыллахскую церковь Олекминского уезда.

Жена – Марфа Дмитриевна, 1890 г.р.

Дети: Владимир, 1912 г.р., Георгий — 1913 г.р.

В 1914 году Александр вместе с братом Иннокентием во время 1-й Мировой войны добровольцами ушли на фронт. В 1916 году после войны вернулись в Якутию и стали служить по духовному ведомству.

Иннокентий Георгиевич Черных (1892–1942), уроженец с. Красноярского Намского улуса Якутского округа, окончил 3 класса Якутского духовного училища. В 1909 г. назначен и.д. псаломщика в Синскую церковь.

В 1911 г. переведён псаломщиком в Кумахтахскую церковь.

В 1913 г. награждён бронзовой медалью к 300-летию Дома Романовых.

До октября 1917 года служил псаломщиком.

В советское время работал юристом в Наркомфине Якутии.

Христина Георгиевна Черных (1901–1993) кандидат исторических наук, доцент Ленинградского сельхозинститута, вышла замуж за Куменского Александра Дмитриевича (1900–1963). У них две дочери: Валерия и Света.

Евдокия Георгиевна Черных (1895–1993) учительница, вышла в Якутске замуж за участника ВОВ Зябкина М.В.

В семье родилось трое детей: младшая дочь умерла от туберкулёза в возрасте 15 лет. Сын Георгий погиб на войне в 1943 году. В Москве живёт её старшая дочь – Зябкина Александра Михайловна.

Священник Черных Георгий Афанасьевич «за контрреволюционную агитацию» был зверски убит большевиками в с. Покровске (Якутия) в ночь на 23 февраля 1922 года вместе с сыном Александром, служившим в церкви псаломщиком.

Вечная им память!

В церковных кругах известен камчатский протоиерей Черных Виктор Иванович, (23.11.1887–1967) – потомок протоиерея Большереченской церкви Георгия Черных – последний православный священник в Китае, похоронен в 1967 году на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа (Франция)

Его дочь – Нина Викторовна Черных умерла 1987 году в Париже.

Вечная память церковнослужителям рода Черных!

Мы должны помнить о священномученике Серапионе Амурском и его родственниках священнослужителях, верных слуг Христа. Возродить их добрые имена и рассказать последующим поколениям о их духовном наследии.

Ведь жизнь новомучеников, их исповеднический подвиг являются образцом для нас, они зовут нас подражать их подвигу и убеждают нас, что в жизни всегда есть место духовному подвигу и самопожертвованию ради любви к ближнему.

Их житие может послужить для нас ориентиром в стремлении к нравственному совершенствованию.

Осознание их духовного подвига позволяет восстановить в сознание современного человека вечные христианские ценности: любовь к ближнему, любовь к Богу, веру в добро и справедливость, честность и честь, исполнение нравственного долга перед собой, своей семьей и своим Отечеством.

Сегодня великий молитвенник и подвижник, батюшка Серапион освящает духовный путь многих и многих людей и служит нам всем примером бескорыстного служения Христу.

Святой мучениче Серапионе! Моли Бога о нас!

УВАЖАЕМЫЕ ЗЕМЛЯКИ!

По архивным данным до 1917 года в Якутской епархии служили 145 священнослужителей, 80 % из них были расстреляны и погибли в лагерях НКВД. Репрессированы были и их многочисленные семьи.

Настала пора нам, якутянам, принести покаяние за совершенные грехи и в память о якутских церковнослужителях-новомучениках, репрессированных и безвинно убиенных, установить в ограде одного из городских храмов памятник погибшим за православную веру.

Это нужно не им, а нам и нашим потомкам для памяти и исполнения завета преподобного Сергея Радонежского: «Положить душу свою за имя Христово, за веру православную».

Использованы документы:

Семейный архив Г.С. Седалищевой-Смирновой.
Юрганова И.И. « Церкви Якутии». – Стр. 108–117, 244, 315–317.